

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Дмитрий Рябов
начальник отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

9/2021

Содержание

ПРОЗА

Анатолий ЗЯБРЕВ. Ворон на снегу. Роман. Окончание.	3
Валерий КОПНИНОВ. Ария московского гостя. Рассказы.	51
Алина МИТРОФАНОВА. Музыка в дороге. Рассказ.	92
Игорь и Евгений СТЕЦЕНКО. Колечко. Рассказ.	123
Татьяна САПРЫКИНА. Светлость безымянная. Рассказы.	132

ПОЭЗИЯ

Светлана КЕКОВА. «Книги памяти все перечитаны...» Стихи.	45
Сергей ВОЛКОВ. Под надзором разлуки. Стихи.	88
Евгений ВИТЧЕНКО. Из цикла «Аварийный ангел». Стихи.	119

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Борис ПРОТАЛИН. Дом, где живет фольклор. К 100-летию со дня рождения М. Н. Мельникова и 30-летию Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии.	138
---	-----

Народные мемуары

Яна ГЛЕМБОЦКАЯ. О тех, кто вокруг.	154
---	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Володя ЗЛОБИН. Дух живет где хочет: «Пламень» Пимена Карпова.	169
--	-----

Авторы номера	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Анатолий ЗЯБРЕВ

БОРОН НА СНЕГУ

Р о м а н*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ать-два, ать-два!

Как щепка половодьем, был Алешка подхвачен и в неведомые разливы понесен проходившим через Челгуны офицерским мобилизационным отрядом, собиравшим по деревням молодых мужиков для полка формировавшейся в Юрге пепеляевской армии, а заодно и реквизировавшим по дворам хлеб, скот и фураж.

Алешка, бедная, несчастная и глупая голова; подобно щепке будет крутить, метать его половодьем, и никто не угадает, куда, на какую твердь выкинет стихия.

Впрочем, его бы наверняка не тронули, оставили бы в часовенке, при лампадном духе, — досыпай, мол, старик, или валяй себе куда хочешь, куда знаешь, — не выбеги он и не ввяжись в драку за свой воз. Погнался он за саними и своей лошадью.

— Эк какой прыткий! Эк! — в потехе реготали верховые, глядя на старика, сбросившего тулуп для легкости бега.

— Так ведь и в солдаты годится, ай! — подсказал кто-то шутки ради. — Не хуже какого молодого генералу Пепеляеву сослужит.

И тут Алешку толкнули в его же сани, с хохотом перетянули поперек вожжами на мешках. Потом солдат, сидевший рядом, из жалости развязал его, сказав:

— Сиди, старик, не дергайся на глазах у офицеров. Шутки с тобой шутить не будут. Выкинут, и останешься один в тайге на прокорм зверью. Сиди уж... куда везут, туда уж и везут.

— Лошадь отдайте! Хлеб отдайте! — шумел Алешка. Но поняв, что ничего ему уж не вернут эти бездушные сволочи, утих. От затылка по позвонкам, по лопаткам к пояснице скатывалась, сползала шерша-

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2021, № 7, 8.

вая льдина, это был страх за детей, за жену, за все, что с ним теперь будет, безлошадным, в который раз обобраным. Из души утекали остатки воли, а из обмякшего тела — остатки тепла.

Не знал он, какие испытания ждут его вон за тем своротом, за тем вон лесом, не ведал, что за люди вокруг, однако понимание, такое же холодное и прозрачное, как кусок льда, вызревало в нем: да, да, назад ему уже не вернуться, а если и вернется, то не Алешкой Зыбриным, а кем-то другим, смятым, до скулежа потоптанным, как изнасилованная девка.

Алешкина надежда состояла в том, чтобы изловчиться и уйти домой вместе с лошадей. Никак, никак не мог он вернуться в свой крестьянский двор без лошади.

Проехали сворот на Колывань, развиднелось. Когда проезжали, Алешка даже дернулся к вожже, чтобы потянуть влево. Но солдат предостерег: сиди, иначе ухлопают офицеры. В Колывани, конечно, уже давно никого не осталось из родни, только могилки отца да матери.

День, ночь и еще день отряд был в пути. Офицеры для острстки и поддержания в себе бодрого духа стреляли во взлетающих придорожных птиц.

Как на киргизском стойбище от овец и верблюдов, так в Юрге на железном многопутье оказалось тесно от паровозов, вагонов, подвод.

Паровозы отчего-то лежали на боку — на рельсах и под насыпью, в снегу. Через проломы в вагонах вываливались кули с мукой, разные ящики, банки. Объяснили, что это ночные действия красных партизан. А поезда продолжали прибывать, и сделалось от выдыхов протяжно гудящих паровозов в воздухе туманно, а на деревьях льдисто.

Служить стал Алешка ездовым при хозроте. У генерала ли Пепеляева или еще у кого — он не ведал. Генералы к нему, надо сказать, в конюшню не входили. Да и конюшня была только в первую неделю, пока в Юрге хозрота дислоцировалась, — холодный, наполовину сожженный, обугленный пристанционный пакгауз. В остальное же время, ввиду меняющихся дислокаций, ездовые устраивали себе и лошадям укрытия из жердяных щитов и снега где-нибудь в глубокой лесной балке...

К весне, ударившей по лесам звонким светом, судьба-судьбинушка привела, притолкала Алешку опять же в тот (в тот же!) острожный поселок, в те угольные копи, окруженные гиблыми болотинами-зыбунами, откуда он когда-то, давно-давно, лет триста иль пятьсот назад, бежал... Бежал да так вот и... не убежал.

Нет, то было не триста лет, а совсем, совсем недавно.

Вон и те кривые, усыхающие на болотине три соснушки с обдерганными вершинками — на весну они никак не отзывались.

Вон и главная над всеми листвяжина при восходе на бугор, кора у нее черная, в наплывах, в шишках и бороздах, как бы сохой вспа-

ханная. И кедрухи крутоглавые не переменялись. Все тот же темный пучок большого орлиного гнезда...

Бежал, значит, да вот... не убежал. Судьба завернула, сделав этакий гибельный крюк.

И мосток тот же, из оструганного кругляка. Над мостком пригнутая густопалая ель с чешуйчатыми свечами-наростками. И вон приклоненная береза, ветки рыжие, обвислые, ствол пупырчатый. Только гриб-чагу на березе кто-то обломал, прежде гриб, висевший меж сучьями, напоминал исчерна-медный таз, теперь же, обломанный, походил на сгусток усохшей грязи.

Угодно было судьбе вернуть Алешку сюда. Угодно, значит. На этот раз в роли вовсе обратной. То есть не каторжником, а стражником.

Был Алешка по извозчичьему делу — на посылках у унтера Хвылева, как и он, в годах, имевшего «Георгия» еще с японской. Хвылев — крестьянин из деревни Холонцы, что на юге от Новониколаевска, а беда его была в том, что воспротивился он, буйная голова, отдать Советам свою, им самим поставленную на речной запруде, меленку (так он говорил: «меленка»), выбежал на комитетчиков с вилами и кого-то даже пырнул, не насмерть. Был упрятан в тюрьму, с расчетом, конечно, на распыл, но пришли взбунтовавшиеся чехи, и Хвылев напрямиком из тюрьмы угодил под мобилизацию. В деревню к бабе не поспел заскочить, на хозяйство глянуть.

— Вот ведь неладность какая. Оказия, — огорчался он, вспоминая тот день. — Домой не смог... На станцию сразу и погнали. А домой ох как надо было! Хозяйство бы подправить после разора. Баба-то одна с девками — чего она? А сам бы... если бы хоть на недельку... Сам бы кое-что сделал. Огляделся бы, чего урезать, чего прирезать. Со стариками бы поговорил, наказал бы чего.

Алешка с болью говорил свое:

— Баба чё... Баба так, одна-то... Да брюхата к тому же еслив, тогда и совсем толку...

— Нет, у меня не брюхата. Хватит и того, что есть. Куда их, девок-то? Сыновья малыши померли. Старуха, странница, нищая, сказала, что у бабы моей внутрих какой-то ступец. Сынам, значит, рождаться с метками, а по меткам этим она, смерть, и находит малых-то. А у ты чего?.. С этими... с Советами. Тоже?.. Отняли они что аль как? — допытывался Хвылев, не выпуская из мокрых губ самокрутку.

— Да-а... всякое было, — тянул Алешка, не расположенный на такие беседы. — Когда так, а когда и эдак. Всяко...

— Так, так, — по-своему понял Хвылев. — С головой жить бы всем надо, с головой. А скажи... Землицы-то пахотной дома много оставил? Нынче засеять, убрать там будет кому без тебя?

— Да баба, говорю, с брюхом. Ну, парень там еще...

— А машина какая есть?

— Ну, лобогрейка, — признался Алешка.

— Ну, это, выходит, уже хозяйство. Лобогрейка-то кормить может. Когда с головой-то. Да-а... Одолеем, думаешь? Лобогрейка твоя не достанется комитетчикам? Этим, которые на чужое, на готовенькое, только бы разжевать да проглотить им... Одолеем?

— Дак, оно... всяко... — отворачивался Алешка.

— Осторожничаешь? Ну-ну. Только вот я тебе что скажу, как мужику. Уж больно к нам по нашей беде льнут эти всякие разные. Ох, льнут. А ить чего-то целят от нас взять, коль льнут. Приглядывайся. Нам бы из огня да в полымя не угодить. — Хвылев расплющенными бурыми пальцами со сбитыми ногтями отрывал торопливо газетный лоскуток, всыпал в него щепоть рубленого самосада, скручивал новую папиросу, потом, отлепив от губ коротенький затухающий окурок, поджигал от него, затягиваясь глубокой затяжкой.

Странный был этот Хвылев. Он мог бы курить французские сигареты с золотым ободком посередке, лежавшие в жестких коробочках у него на складских полках и назначенные для старших офицерских чинов. Мог бы леденцы мятные австрийские сосать, забавляться. Да вот... брезглив. Натура не принимала ничего чужестранного. В минуты тоски говорил, сминая в кулаке свой подбородок:

— Худше скотов они, эти иностранцы. Одним телом живут, без духа. От них и вонькость другая, не наша. В штабе их вон сколь. Лопочут... Звук есть, а понятие... Понятие черт знает!

Хвылев и у Алешки отобрал его английскую, машинного сукна шинель, русский бушлат выдал, а сам не надевал мягонько-тонкое американское белье, лежавшее на складе, носил холщовые исподники, добытые у местного жителя.

— Комитетчики, советчики... себе гребут. А эти опять же, говорю, лопочут. Эти — липнут. Какая у них думка? То-то. Как с ними, когда они без души, телом одним белый свет копят? Худше скотов потому что... Так уж они пущены в мир для маеты. Оттого и липнут, что душу чужую ищут. Тело потерять можно, а душу-то как? Вот и пораздумай. Чего урезать, чего прирезать. С какой стороны оберегаться больше, от комитетчиков да от советчиков али от этих... — пораздумай. А мне вить, Зыбрин, велено с тобой заниматься строевым шагом... Ать-два, ать-два... Проверим вот, верткий ли ты у меня в строевом шаге. Как? Проверим-ка давай. Пошли вон на ровное место, туда, за канаву... Ать-два, ать-два. Урезать, прирезать.

Алешка топал, тянул ногу, молчал, побито глядел на задравшийся облезлый носок своего ботинка. Не знал унтер, что у ездового старого солдата на ногах нет половины пальцев — отморожены.

— А чего эт ты на пятку все, на пятку?! — терял терпение унтер. — И задом не выкручивай, не баба. На всю плоскость давай, на всю плоскость! Подметка чтобы лепилась. Ать-два, ать-два!

Богу с неба все видно

В тот день Алешка развозил из зоны уголь на двух подводах в кордегардию и в солдатские казармы. Набрасывали уголь в короба арестанты. На одного арестанта обратил он внимание. Бушлат, изъеденный угольной крошкой, держался на нем так, будто под бушлатом не было уж никакого тела. Но лопату совковую арестант держал с ловкостью мужицкой и ногу выставлял для упора, коленку под черенок подсовывал.

Много их тут, страдальцев, было, ох много! Даже больше, чем в прошлые Алешкины времена. Откуда только не посогнали сюда народа! По Хвылеву, это все советчики и комитетчики, глупый, пустой народишко, способный на одни драки да на митинги. Может, и так.

Алешка еще пригляделся к арестанту. Лицо заплатами ушито, как кожу дрявлый. А меж заплатами лиловые рубцы-прошвы.

— Из каких мест будешь-то, страдалец? — заговорил Алешка, перемогая в груди отчуждение. — Не из новониколаевских ли?

Арестант не отвечал и головы не поднимал. Но Алешка ловил на себе его короткие, ускользающие взгляды. И однажды арестант споткнулся о свою же лопату, упал на руку, поднимался, Алешка как раз и заглянул ему с близкого расстояния, напрямик, в глазные провалы, глаза арестанта на глубине мерцали вымученно и... до крика знакомо. У кого же это еще так могут мерцать глаза?

Теперь у Алешки уже не было сомнения: Афанасий!

— Ты... это, брат... это... чего ж?.. Здравствуй, Афанасий. Ты это... как тут?..

Но арестант снова нагнул спину и принялся бросать лопатой уголь, так же упирая черенок себе в колено.

«Неужто обознался?» — думал Алешка, выезжая из зоны. Весна гнала со склонов ручьи, которые смывали у дороги последний снег, и потому кованые полозья саней скрипели по оголенным камням.

На вахте, знал Алешка, вывешиваются на стене списки тех, кого выводят на работы в копях. Пересмотрел он те списки раз и другой раз, сверху донизу, снизу доверху. И снова пересмотрел сверху донизу и обратно. Не нашел, кого искал.

В тот день Алешка делал в зону много заездов — возил уголь и в кордегардию, и в штаб, и в дома офицерские. И уж в последнем заезде, перед сумерками, когда перепрягал лошадь, арестант, перехлестнутый бечевой поверх бушлата, с лопатой, сам подошел и заговорил, голос у него оказался клекающий, сдавленный. В сутеми не было видно ни рта его, ни носа на угольно-грязном лице.

— Послушай, — заговорил он в напряжении, с надсаженностью, заслоняясь ладонью, чтобы не быть услышанным другими арестантами, набрасывающими уголь в короба. — Если ты еще не совсем... не

совсем еще проданся и сподлучился... найди возможность повстречаться нам с тобой без лишних глаз и ушей. Если, повторяю, ты не совсем сподлучился... Сколь они тебе заплатили? Впрочем, сколь тебе заплатили за то, что нанялся ты им служить... меня это мало интересует... Можешь быть уверен, не интересуется...

Да, это был Афанасий. Конечно же, конечно! Хотя голос не его, не Афанасиев. И горько, и обидно, и радостно — этакий вихрь чувств воспламенился в сжавшейся Алешкиной груди. Он торопливо отъехал, опасно оглядываясь на охранную вышку над заплотом.

Конечно, Алешка нашел возможность встретиться без лишних глаз и без лишних ушей. И не однажды.

В зоне полно глухих мест, закоулков, куда можно зайти, заехать вроде как для дела.

Рассказал Афанасий очень даже злую прибаутку про суслика.

Сидел, дескать, суслик на травном бугорке и томился скукой. Чего бы такое сделать, чтобы скуки не было, думал он. А тут лягушка молодая, рожица круглая, вылезла из воды погреться на солнышке. Суслик и говорит: лягушка, лягушка, подпрыгни на шажок. Лягушка глазами повела, спрашивает: «Подпрыгну, а что будет?» Суслик ей: «А ты подпрыгни, там увидишь». Ну, подпрыгнула лягушка, опять интересуется: «Вот, говорит, подпрыгнула, а дальше что?» Суслик ей: «А ты еще подпрыгни». Лягушка все подпрыгивала и все спрашивала: «А дальше что?» Когда подскакала под самые сусликовы лапки, тот хватъ ее и... лишил невинности. Лягушка после в свою канаву прыгнула, отдышалась там, высунула из воды голову и кричит: «А дальше-то что?»

— Так вот, — сказал Афанасий, — иные наши мужики уподобились этой лягушке. Никакого человеческого самолюбия. Всякий поганый суслик поманит к себе — к нему мужики уж бегут службу справлять. Потом... потом в свою же канаву и спрашивают: «А дальше что?»

О себе Афанасий молчал.

На третьей или четвертой встрече он потребовал (потребовал, а не попросил) от Алешки помочь устроить ему побег. Ему и еще с ним вместе двум сербам. Сербов этих Алешка и в глаза не видел, что они за люди такие, чтобы из-за них стараться.

— Твои заботы лишь в том, чтобы сделать так, как мы спланируем. Ты это сделаешь, потому что... Потому что не мог же ты весь запродаваться своим собственным врагам. От тебя требуется только самая малость, — говорил Афанасий зло, с мстительными, оскорбляющими Алешку нотами в голосе.

Однако план, предложенный Афанасием, не годился вовсе. Алешка это сразу усек своим практическим рассудком, обостренным опасностью. План Афанасия гляделся крайне нелепым, наивным. «А может, все-то у них, у таких вот, — нелепое?» — даже подумалось. Даже не стерпел Алешка, чтобы не выматериться, и обозвал Афана-

сия дуралеем и еще слепым кротом. Ну, представить только: по одному Алешка на своем лошадином транспорте, упрятав под прутьями, под мешками, под всяким дерьмом, вывезет их через ворота, мимо вахтенного охранника, за зону. Вывезет, да. Ну, потом так же по одному вывезет за мост, на таежную дорогу. А дальше-то?

Разве нет там казачьей заставы? Алешка-то знает, что всякий, кто бежал из острога, как раз на этой именно дороге и попадался. Летом болотная топь кругом, а по снегу еще хуже — след виден за двести сажен. К тому же и под снегом болотная топь дышит, парит, едва свернул от кустов — и кричи господа бога на подмогу, увязнешь.

Поблудил Алешка сверх меры по этим местам, ох поблудил. А какой ледянистой чернотой душа заволакивалась, когда вели его назад, колотили в спину, в затылок, и никакого лучика уж не мелькало, не примереживалось впереди, казалось, теперь так всегда будет — беспросветность черная, сажевая, ямная, липкая, гнусная. И битье воспринималось уже без боли, без потрясения, с отупелостью глухой в угасшем теле и в такой же угасшей душе...

План Алешка выставил свой. На паровозе выедут. Да, теперь с северо-запада через болотину и через лес проложены рельсы. Паровоз с дюжиной вагонов приезжает на территорию угольных копей ночью. Это дает возможность действовать если и не очень-то легко, но с гораздо, гораздо большим шансом.

— Ладно, ладно, — одобрял Афанасий, выслушав терпеливо и поразмыслив. — Революция тебе зачтет, когда... когда всех таких, как ты, будем судить за предательство народных интересов.

— Судильщик! Вошь в голове судила бы вас всех, — сплюнул Алешка в горьком раздражении.

Прутяные коробки, которые он наладил из краснотала, росшего по реке, решено было завезти в зону еще по темноте, до нарядной разводки. Не пряча, сложил он их возле заплота, ближе к паровозному пути, где обычно складировался всякий груз, назначенный для отправления поездом.

— Чего это ты рано так сегодня загоношился? — сонно, с зевотой, спросил вахтенный, когда Алешка уже выезжал из зоны.

— Старательнее служба — больше честь, больше честь — денег не счастье, — отозвался Алешка балагуристо, соскакивая с телеги, чтобы раздвинуть в полутемени половинки ворот, грузно, тяжело осевших на сырую землю.

— А что, тебе рази, на лошадях-то, не одинаково дают жалованья? — заинтересовался вахтенный, давний Алешкин знакомый солдат Песьев, и перестал потягиваться. — Это хорошо, что не одинаково. Выгоднее. Как сработал, таков и приварок. А у нас, у постовых, одинаково. Со старанием аль нет — жалованья не прибудет... А ты бы, землячок, мне от своего фельдфебеля сигареток добыл, тех, которые

мусью... Зазноба, марушка у меня, понимаешь, из деликатных дамочка. Когда придешь к ней, махрой из тебя иль самосадам... Не переносит она, понимаешь, вонькости мужицкой. А мусью, они бы мне в самый раз. И для дамочки вместо конфеток будто...

— Ладно, Песьев, ладно, — пообещал Алешка, за ним это вошло — баловать охранников французскими сигаретами, какие до бывал он в каптерке у Хвылева.

Оставалось... Что? Оставалось Афанасию угодить на ночную погрузку и дальше... Дальше уж само собой... Как богу угодно.

А богу был угоден, конечно, справедливый исход, ему со своего неба все видно, Алешка в это уверовал и потому в эти дни был веселым.

Угодить, однако, на ночную погрузку вагонов Афанасию оказалось не так-то просто. Подбирал на такую работу не староста, а офицер из штаба, имевший к всевышнему на небе отношение куда как меньшее, чем к дьяволу в преисподней; подбирал он с участием доктора Звонницкого самых крепких и молодых. А Афанасий далеко не молодой и уж никак не самый крепкий.

И все же он угодил на ночную погрузку. Как ему это удалось, опять же богу одному ведомо. Через дружков, через подставных лиц, через кого-то еще — Алешке в это вникать нужды не было. Он только, узнав, что Афанасий со своими сербами будет сегодня в полночь на погрузке вагонов, отправился прямым ходом в кабак, опорожнил стакан, на пути оттуда завернул в церковь и зажег там свечу, проговорив: «На удачу, которой мне, Алешке Зыбрину, сыну Алексея, в таком деле, когда убежал, не было, пусть им будет, аминь». А после этого плотнее перепоясался и пошел к паровозу, стоявшему в углу зоны, где и завел разговор с кондуктором: не воспротивится ли он, добрый человек, если на вагон, поверх угля, будут брошены плетеные коробушки? К этому вопросу были присовокуплены тугие, прохладно-гладкие пачечки добытых в хвылевской каптерке французских сигарет. Кондуктор, низкорослый, грудастый, как голубь, положил в карман сигареты, приценился в дымном свете, падавшем из паровоза, к Алешкиному солдатскому бушлату. «Приторговываешь, служивый?» Еще приценился, кивнул и молча отошел за паровоз, в сырую темноту.

Это было переломом, воспарением Алешкиного духа, успевшего опасть, заскорюзиться.

И когда поезд ушел, Алешка стоял у затворенных, непробиваемо-глухих ворот, слушал затихающий железный шум в лесу, шум этот истончался где-то уже очень далеко за болотами. Протяжный машинный свист всверливался в ухо, усиливая звон в голове.

— Перемена погоды будет, — сказал караульный из своей будки над оградой.

Там же, над будкой-скворечником, низкое тяжелое небо начинало предрасветно сереть, а гора вместе с лесом, наоборот, пуще набухала, наливалась угольной чернотой, будто и не деревья там росли, а был сплошной угольный пласт.

Вместе с благостью сочилась в душу и тоска. Отчего бы тому по-езду не увезти и его, Алешку-горемычника? Отчего? Кто объяснит? Самому Алешке это никак, никак необъяснимо.

Поклон от Афанасия и другие важные события

Раза по три на день Алешка заглядывал в кордегардию послушать новости о розыске беглых. Не слышно ли чего? С этим же интересом настораживал он ухо при разговоре караульных в воротах зоны и на вахте. Казаки, ездившие — одни с утра до вечера, другие с вечера до утра — на тайные лесные тропы выслеживать беглых, возвращались на лошадях, вымазанных бурым маслянистым болотным мхом по самый крестец. Замученные и злые, хуже собак. Никто им не попадайся на дороге. Вымещали злобу на ком попало.

Такой порядок был: за поимку беглого полагался всякому казаку отпуск с денежным вознаграждением. И казак, набрав компанию, должен был непременно после того буйно повеселиться у трактирщика Офульки, одарить местных барышень угощениями и ласками. Теперь, значит, молодым казакам не маячила перспектива куражиться в трактире у Офульки, а барышням-то не видать щедрых угощений и ласки от них.

Становилось ясно, что Афанасий не та птица, какая может скоро попасться в налаженный силоч, от этого-то как раз Алешку и поднимало легкой волной, будто он и был той самой птицей, способной обойти все силки.

У колодца, у трактира и в прочих людных местах налеплялись бумажные лоскутки с описанием примет беглых. Эти бумажки обрывал Кривуша, у него, несчастного, была страсть к этому — обрывать всякие наклепанные бумажки и складывать себе в карманы.

Многие в поселке уж и не помнили, что человек по имени Кривуша, гуляющий в грязном кителе без пуговиц, надетом на голое костлявое тело, — это тот самый службист, когда-то гроза острога, ведавший при Черных проведением экзекуций на плацу перед кордегардией. Кривушу по своей доброй охоте теперь опекал бывший уголовный каторжник Херувим, разбойник и по натуре, и по обличью; опека его выражалась в весьма странном виде: он отбирал у несчастного пенсию, выпивал водку за его здоровье и при этом угрюмо обещал: «Хотя ты мне роднее родного брательника, а под дых тебе все одно дам, каркай не каркай».

А вскоре побег совершила колонна целая, выведенная на мощение размытой паводком дороги. Неслыханно: колонна разоружила конвой.

Тут уж стало не до объявлений и вообще не до прежних каких-то тихих беглых.

На поиски был отправлен и Алешка. Каждое утро он вместе с другими ездовыми солдатами, тоже пожилыми, под командой Хвылева выходил на мост, тут Хвылев делил их на пары и рассылал в гущу леса, кого в левую сторону, кого в правую. Алешка вместе с Хвылевым по краю болотного зыбуна доходил до кедрочей, тут Хвылев, поозиравшись, отдавал ему приказание уже шепотом: «Велю обшарить всякий куст в северном направлении». И, еще поозиравшись, добавлял: «А я возьму восточное направление. Сходимся по крику сойки».

Алешка отдалялся за деревья, перелезал через замшелую валежину, подбирал застрявшие в сухом чащобнике две-три старые, прошлогоднего урожая шишки-паданки, не созревшие, не вышелушенные бурундуком, ставил винтовку к кедру, садился и плевал себе под ноги скорлупу.

Слабо сеялось через сучья, через лапник солнце, блески застревали на хвое. В прелости, в сутеми ничего не могло расти, кроме того, что ужеросло, земля под лесинами оставалась голой, как баба в парной бане. Все тут шло по заведенному порядку: деревья каждый год отдавали матери-земле свои плоды, и они наслаивались у корней новыми и новыми пластами.

Годы деревьев определишь по кольцам, думал Алешка, а годы земли по этим вот пластам — а? И он, сложив ладонь лопаткой, вбуравливал руку почти по локоть в податливую землю, однако никаких пластов не обнаруживал, была на всю глубину одинаково жирная, в меру прохладная, в меру парная прель.

Какая же это силища в этой морочной прели, если она выпестовала, подняла, вознесла и держит на метелях, на ветрах, такие вот деревья-огромадины! И в один бок поверни глаза, и в другой — везде одинаково зачернелые от вечности стволы кедров, не обхватить их, если даже сцепиться за руки двум мужикам, кора полопалась от нутряной силы, от соков, борозды будто сохой испаханы.

«Были эти болотные тени, были дремучие леса, горные крутяки за болотами... было все это до нас и после нас будет, во веки веков, пока земля стоит», — думал Алешка. На оголовок Алешкиного сапога откуда-то выполз жук-усачище, древопильщик, крупный, в палец, весь в черную броню забранный. Когда-то, когда Алешкин мир ограничивался двором, грядками в огороде и еще заросшей канавой в заулке, встретился ему в той канаве древопильщик, сидевший внутри скрученной бересты. Зверь этот, страшнее которого Алешка еще и не видывал, глядел на него своими выкатившимися глазами-шариками и водил, нацеливался своими громадными усами-рожищами с таким сознанием силы, что Алешка лишился духа, а когда обрел способность

кричать, то заблажил так, что мать, идущая от колодца с водой, бросила ведра на дороге, прибежала с пустым коромыслом.

— Там... там... там!.. — только и мог проикать Алешка, выметнувшись из бурьяна и тычась набухшим носом в материн подол.

Мать, как ни глядела, никого не увидела в бурьянах, а Алешке тот черный зверь, завернутый в бересту, являлся потом ночами, крутя усищами-рожищами. «Там... там!..» — вскидываясь во сне, кричал Алешка.

— Ну... чего ты? — теперь став уж стариком, сказал Алешка древопильщику. В глазах жука, выкатившихся совсем наружу, была все та же приводящая в оторопь тайна.

Подумав немного, Алешка еще спросил:

— С чем явился? Жизнь, брат, прошла. Прощла. А у тебя как? Тоже, должно, крутило, сладкого не шибко много-то было.

Ему, Алешке, очень хотелось верить, что это тот самый древопильщик из детства нашел его, Алешку, отыскал.

— Что, устал? Старые мы с тобой. Кости ломит. Отдохни, погрейся...

Жук сидел на сморщенном оголовке сапога и слушал.

«Кэ-э-э, кэ-э-э, кэ-эй!..» Алешка навел ухо. Семь раз прокричала дальняя птица.

В ответ птице погудели объемным гулом макушки кедров. И опять: «Кэ-эй!.. кэ-эй!..» Опять семь раз. И опять.

Если бы не трижды по семь, никак не догадаться бы Алешке, что это не птица. Встал он с земли, стряхнул с зада налипшую сухую хвою, взял винтовку на ремень и пошел на сигнал тем путем, каким сюда шел.

— Ну, Зыбрин, чего там? — спросил унтер, направляя острый свой зрачок на Алешку. — Не видал никого?

— Да вот, — отвечал Алешка, тряхнув тем плечом, на котором держалось огнестрельное оружие.

— Никого, спрашиваю, не видал? Много ли верст налазил?

— Да уж как оно, господин унтер, и должно. Само собой... — отвечал Алешка, поджимая для порядку каблуки.

— Чего «должно»? Чего «само собой»? — напускал на себя строгость Хвылев. — Я тебя спрашиваю: видел ли кого?

— Никак нет, господин унтер, — ставя винтовку к сапогу, говорил Алешка. — Разбежались, должно, далеко. Тайга вон какая, да все болотины гнилые.

Хвылев некоторое время думал и, оглядываясь назад, жаловался:

— Я тоже никого. Верно говоришь... Разбежались, выходит, далеко. Тайга какая! Ищи иголку в стог сена. Я вон сколь обошел, налазил, обглядел.

Алешка косил глазом вбок, туда, где еще теплилась хвылевская просидка на ягеле. Хвылев, конечно, никого не искал, а тоже задницу

отсиживал, и шелуха орешков вон расплевана. Хвылев уловил взгляд и, поворочав бровями, спросил:

— Скажи, Зыбрин, есть у тебя какая охота?.. Чтобы это... Чтобы аж внутри жгло. Есть? То-то. А у меня вот все душа, понимаешь, об одном. Романовка есть такая. Овца. Как объягнется, так три, пять, а то бывает — и восемь ягнят. Понимаешь ты, три ярки весной ягнятся, а осенью уже табун. А если десять ягнятся? Считай-ка! В каждой овце по три пуда, а в баране и все пять пудов. Считай! Да овчина... Из романовки овчина такая, что ни из какой другой овцы овчины в пример ей не бывает. Видал, небось, шубы на штабных офицерах и на всяких там мусью? Они, эти мусью, по нашим-то землям лезят и уж непременно норовят в романовку нарядиться. Вот к тому и душа у меня: романовку на подворье табуном завести.

В один из дождливых дней, в тот час, когда менялись на вышке караульные, из-за леса вывернулся паровоз с полдюжиной голубых вагонов. Приехал сам английский генерал Нокс (так все говорили).

Солдат в зелено-пятнистых брезентах, что прибыли с генералом, Алешка после увидел уже на вышках по всей зоне, они же заняли дорогу у моста, заняли проезд у госпиталя и по трое, по четверо ходили улицами поселка. Дождь пузырился в лужах. И дым из пекарни, ложась на землю, стекал к реке.

Весь следующий день Алешка возил в зону, к железной дороге, ящики, которые отпускал ему со склада Хвылев, раздосадованный и молчаливый. В ящиках посуда, а потому надо было грузить их в телегу и снимать с телеги с большой осторожностью. Не понимал Алешка, почему в зоне эти ящики пересчитывает и берет под свой присмотр не кто-то, а офицер из тех, что прибыли вчера с Ноксом. Офицер, имевший почти прозрачную кожу на опалых щеках, не мог стоять на одном месте, а все ходил и ходил вдоль ящиков и, считая их, говорил свои слова:

— Фо... файв... сикс... сэвэн...

«Вот тебе и “сэвэн”», — дразнил Алешка.

И уж когда было кончено это дело и когда Алешка, въехав на хоздвор, распрягал лошадь, к нему подошел унтер Хвылев. Держал он левую руку согнутой на бедре, взглядывался в Алешку как-то не так, как глядел прежде, не то с удивлением, не то с подозрением.

— А ты, Зыбрин, оказывается, не прост, — после продолжительного молчаливого жевания в губах окурка молвил он. — С купцами водишься. Жидок тут один приходил... спрашивал тебя. Говорит, дело к тебе по торговле есть. К Офульке велел прийти вечером.

Хвылев прицениваяще обошел вокруг Алешки, так же держа согнутую руку на бедре. Потом быстро сходил в свою каптерку, вернулся и уже вполголоса заговорщицки проговорил:

— Пойдешь и... это... Ежели он компаньон надежный, насчет купли-продажи намекни ему, этому жидку... Понял? Намекни. Товар, мол, разный можем достать. В наших руках... Такое время... Лучше с жидком дела спроворивать, чем с этими... И знаешь, — прихваченным голосом зашептал унтер, — знаешь, какие такие штуки сегодня ты, Зыбрин, возил в зону? Взрывчатая штука в ящиках... а не посуда. Понимаешь? То-то... Значит, что-то задумано, а нам с тобой про то ни словом. Вот это сообрази. И еще: на ту неделю велено всех политических вывести на работы не куда-то, а только в шахты. И из госпиталя... всех по палатам подобрать, какие ходячие — туда же... Вот такой оборот. Значит... что? Задумано... А отчего?.. Ну, понятно, не от сладкой жизни. Вот я и говорю: держись за такого жидка, он вытянет. Намекни ему, мол, есть надежный человек... Товар найдется разный... Чтобы ежели уж нам с тобой убежать куда дальше от дома, то не с порожним хотя бы карманом, не вовсе дураками...

И Алешка, полагая, что произошла явная ошибка, никакой купец им интересоваться тут не может — даже в ту туманно-далекую необратимую пору, когда он, молодой, торговал в Новониколаевске рыбой и солью, купцы с ним никаких дел не водили, — все же пошел в Офулькин трактир, пошел, так сказать, из чистого мужицкого любопытства, неистребимо живущего в нем.

Трактир располагался на голом бугре, обозреваемый с любой улицы и даже из зоны: это был длинный барак с окнами узкими, как щели, крашенный суриком, примыкал он торцом к высокому крестовому дому. Сам Офулька, отставной из осторожной охраны поручик, основавший трактир в брошенной пустой казарме, богу душу отдал уж сколько-то лет назад, заведением правила его племянница по имени Настасья. То обстоятельство, что трактир был на бугре, давало явную выгоду в наведении порядка: крупнотелой Настасье достаточно было взять легонько, почти ласково, буянливого, перебравшего клиента за локоток, вывести его из благостного заведения к порогу, подпихнуть под задок, а уж дальше, под уклон, клиент-бедолага сам собой следовал, делая по пути ловкие курбеты.

Вот и сейчас, хотя был еще только ранний вечер, небо не утеряло своего закатного багрянца, а внизу, под угором, у ручья уже шаршились, поддерживая один другого, двое мастеровых. Глиной выпачканные, они грозили кому-то, пробовали влезть опять на бугор, но соскальзывали оттуда назад.

— Нету русскому человеку свободы! Гулять, сволочи, не дают, — так встретили они Алешку и потянулись к нему с жалобами, их мотнуло вбок, потом опять назад.

Рядом с баракком, в низкой загородке, был дощатый навес, туда Настасья для особых гостей выставляла самовар. Сейчас там сидел худой человек в толстом дымчатом свитере и клетчатой плоской кепке

с широкими напусками над ушами. Сухое мелкое лицо было величиной с печеную репу, тем не менее достоинства и важности в нем было на десятерых, и никто из толкавшихся у трактира людей не решался воспользоваться свободными стульями, имевшимися под навесом по другую сторону большого стола. Забавлял людей сумасшедший Кривуша в кителе, он приседал на корточки, подпрыгивал и протяжно, со старанием каркал, изображая взлетающего ворона. За ним угрюмой тенью ходил буроголовый Херувим, бывший каторжный говорил сумасшедшему определенно, с твердостью: «Ты ежели мне косушку не поставишь, я тя изметелю. И маши мослами, не маши, все одно изметелю, не улетишь никуда. Под дых дам».

Важный господин под навесом, за самоваром привстал навстречу Алешке, двумя пальцами левой руки приподнял козырек кепки, обнажив гладкую лысину.

— А вот сюда, сюда, — позвал он, сделав широкий жест.

Алешка оглянулся, нет ли кого сбоку или сзади, кого господин мог так приглашать. Но близко были только Кривуша с Херувимом, больше никого, а совсем в стороне, у раскрытой двери, теснилась кучка курящих молодых казаков, настроенных на то, чтобы повеселиться да позавлекать девок.

— Сюда. Жду я вас, дорогой Алексеич. — Господин указал на самовар. После чего повесил на столбец кепку и придвинул к медному кранику белые чашки на блюдцах.

Алешка еще оглянулся, а тогда уж сел.

— Итак, дорогой Алексеич, вашу землю... — громко, на выдохе, заговорил человек. — Вашу землю вместе с леском, какой вдоль берега, я прикупить согласен. Только насчет цены... насчет цены порядимся. Думаю, дороговато запрашиваете. Хотя оно-то и резонно, ведь у берега да и с леском. Но, говорю, порядимся. Слово мое, слово ваше, Алексеевич, и найдем общую выгоду.

Господин не замечал Алешкиного недоумения, хотя глядел прямо и остро, даже чересчур остро.

Алешка, насупливаясь, пытался сказать, что никакую землю он нигде не продает, ни у берега, ни у леса, что добродетельный господин перепутал, принимает его за кого-то другого, но тот говорил длинно, без передыху, совсем не собираясь слушать, и вставить слово было некуда.

Потом, когда Алешка совсем уж собрался шагнуть назад, старик глянул ему в глаза с большей пронзительностью, зрачки его отвердели, заострились до шильцев. Алешка услышал сдавленный полусшепот:

— От Афанасия поклон...

У Алешки что-то продралось от крестца к затылку, потом пошло наоборот. Господин, пряча лысую голову за самоваром, глядел с явной усмешкой и плутоватостью.

Конечно же, это был Стефан Исаевич! Он самый! Вместе барсуков по логам имали. Батюшки, как время перекручивает людей! Брови совсем снеговые, верхняя истончившаяся губа прилипла к деснам, лишь крупный хрящеватый нос выдавался непокоренно, да еще не утасла, не слиняла эта вот усмешливость в глубокой смородиновой черноте глаз.

Алешке вспомнилось, как этот человек говорил на станции, смеясь, что позовет его в небе ястребов ловить, если будет в том нужда. «Уж не за этим ли появился?» — подумал, однако встрече был очень рад.

После сиденья за чаем они шли краем леса: от тайги накатывался сумрак, гасло, серело небо. Стефан Исаевич говорил про то, что адмирал Колчак провел новую насильственную мобилизацию по всем сибирским деревням, да, кроме того, к нему новая помощь переброшена из Америки, из Англии, из Франции... Орудия, аэропланы, бомбы...

— Все это вместе... Аэропланы, пулеметы, бомбы — все это больших денег стоит, — перечислял Стефан Исаевич упрощенно, для Алешкиного понимания, далекого от всякой политики. — Очень больших денег! Да только не их денежки-то, не интервентов. Свои денежки они расходовать не станут. Капитал свое знает...

— А чьи деньги-то? — заинтересовался Алешка практическим разговором. — Не наши же с тобой, Исаич. Не те денежки, какие за барсуков плачены.

— Как раз в точку! Наши с тобой денежки, Алексеич, наши! Российские! Колчак летом прошлого года захватил в Казани запасы российского золота. Теперь ему из-за границы винтовку с патронами, а он туда, в заграницу, шлет горсть золота. Ему пушку из-за границы везут, а он за пушку пуд золота. Ему аэроплан, а он за него мешок золота...

— Да сколько же его, золота, у России есть, что пудами да возами теперь разбрасывают? — оторопело спрашивал Алешка, не видевший за всю жизнь и зернышка золотого.

— Да Россия вон какая! Вон, матушка, на половину земли она растянулась... Но не об этом у нас с тобой разговор, Алексеич, не об этом, — Стефан Исаевич держал Алешку за локоть. — Здесь вот у вас кругом охрана из интервентов. Надеются Сибирь удержать на сто лет. Им теперь отданы железные дороги, рудники, угольные шахты... Колчак собирается отдать им все леса. Генерал Нокс приехал сюда смотреть. Зачем? Чего ему смотреть? Почему? А потому, что все это место: и шахта, и поселок, и река, и лес по реке — его собственная недвижимость. Ему отписана. И ты уж, выходит, не сам по себе живешь, а служишь ему, Ноксу. А вон дальше угольная гора — она французскому генералу Жанену отписана. Станция и железная дорога — американцу Моррису... Вот так... видал? Так по ломтю каждый себе... И ты уж в списке под номером как личный работник Нокса. И баба твоя туда же, и ребятишки...

— Врешь! — Алешка, остановившись, подпер грудью собеседника. — Чтобы такому быть... Ох, Исаич, не трави! С чего это я в том поганом списке?

— Дак это уж ты его спроси, Нокса, — мирно хохотнул Стефан Исаевич, вытягивая тонкую шею из толстого богатого свитера. — Я и сам в том списке, потому как в компании с тобой вот... Спроси, спроси его, Нокса, — растравливал Стефан Исаевич. — Непременно спроси. Что же ты, мол, меня к себе-то, в список... Скажи ему, я, мол, хочу к твоему однодельцу Моррису, в его список. Спроси.

— Не ерничай, Исаич! — уже не так напористо двигал плечами Алешка. — Зачем ты меня позвал? Что там снова Афанасий этот уду-мал? Что ему еще надо от меня? Про какую ты давче землю плел, про куплю-продажу... про какую?

— Вот об этом как раз... Нужна, Алексеич, твоя помощь. А про землю, про куплю-продажу — это для виду, чтобы казаки слышали... Думаю, ты уже знаешь, чем и кем ведают Нокс и Жанен и прочие. Повторяю: Нокс — вершит снабжение всех белогвардейских войск... снабжение патронами, пушками, аэропланами, нательными рубашками и кальсонами... Вот у тебя сапоги — от него. И чашки в трактире — от него же. Он, выходит, твой благодетель. А француз Жанен? О, этот командует всеми войсками интервентов, всех цветов и мастей, и тобой, Алексеич, он тоже командует. Он главный контролер над порядками по всей Сибири. Так что сомнений быть не может: свое, что задумали, они всё постараются взять. Всё. До мелочишки, не остановятся. Вон даже минеральную водицу, какую, говорят, ты в свое время по своему несчастью открыл в тайге, француз Жанен по уговору с приятелями себе причислил. Себе, понимаешь? Водицу, понимаешь, распределили. Будь уверен, каждый лесной ключик, каждое озерко распределят. И метку поставят: не трожь, не лезь, несчастный абориген. Поверь, будет так... Если мы им не помешаем. А теперь слушай, — почти жестко молвил Стефан Исаевич и дотронулся до Алешкиной выпуклой, огнем дышащей груди своим маленьким, жестким, как кусочек железа, кулачком. — В Омске при Колчаке было совещание. Были там и Жанен, и Нокс, и Моррис, и прочие. Обсуждались способы удержания Сибири и... само собой разумеется, удушения партизан. И еще... Принято тайное решение... Умертвить всех политических в тюрьмах, крепостях... Все это будет осуществляться немедленно. У них нет времени на отсрочку. А у нас тем более нет времени на медлительность...

Внизу, у моста, возникли силуэты часовых. Стефан Исаевич остановился, нюхая выдающимся носом воздух.

— Есть сведения, что всех политических выведут на работы в одну из старых шахт, — сообщил он то, что Алешка уже знал от Хвылева. И вдруг резко спросил: — Ты спишь где?

— Э-э... Где же... В конюшне, при лошадях. Вон с того угла, — показал рукой Алешка на кривую, зубчатую линию строений за бугром и всмотрелся в мерцающее мелкое личико еврея. Ишь ведь на какое крутое дело его заносит! И ведь, поди, увернется, не сломает себе шею-то. А что же Афанасий? Почему он про него ни слова? Где они с ним, на каких перегибах жизни столкнулись?

— Ни о чем другом пока не спрашивай, — предупредил, будто уловив Алешкины мысли, Стефан Исаевич. — Про это разговор после. А пока... Слушай. Постарайся теперь спать не крепко. Постарайся... Завтра или послезавтра к тебе явится человек. Нет, конечно, не сам Афанасий. Другой. Он тебя хорошо знает. И ты его хорошо знаешь. Твой друг юности.

— Кто? — вырвалось у Алешки сиплое.

Стефан Исаевич не ответил: тряхнул Алешкину ладонь и растворился в темноте улицы. Алешка успел опять неприятно ощутить, что узкая рука у Стефана Исаевича очень жестка и по-железному холодна.

Умирал, да не умер

Выстрел. Похоже, как бы лопнул где-то надутый бычий пузырь. Звук выстрела скатился в сторону тайги, за реку. Еще два выстрела подряд, жестких, сухих. Это уж не в зоне, а в противоположной стороне, на окраине поселка.

Эхо не пошло по тайге, а увязло в глухой темноте улиц. Потревоженные собаки ответили усиленным раздраженным брехом.

Алешка лежал с открытыми глазами, вслушивался.

Вздыхали дремотно лошади в стойлах. Ударяли копытом и фыркали они лишь тогда, когда в кормушках крысы затевали драку меж собой.

Обрывки мыслей и ничего ясного в голове. «Привет, значит, от Афанасия...»

С некоторой поры в телеге у себя Алешка стал находить серенькие, в ладонь величиной, листки: «Прочти и передай товарищу...»

Товарища у него не было, и он просто так, из какого-то мстительного озорства, перекаладывал эти листки в соседние телеги, чаще прямо под зад ездовому. Из этого же самого озорства он изловчился однажды подсунуть вредную бумажку и унтеру Хвылеву, только не под зад, а в его фуражку, когда тот, растелешенный до кальсон, полоскался водой из железной ребристой бочки, стоявшей на досках у двери склада.

Вот уж забава была — наблюдать в тот самый момент за Хвылевым!

Растер унтер свои гнедые подмышки рушником, натянул брюки, гимнастерку, причесался, сел на бревно обувать сапоги и лишь тогда

заметил листок в фуражке. Держа в одной руке фуражку перед животом, в другой руке — ненадетый сапог со сдавленным голенищем, он скачками, по-козлиному, задирая босую ногу, пробежал за чем-то вокруг бочки, потом вокруг рессорных дрожек, где земля была колкая, впрыгнул в свою каптерку и уж оттуда, из-за косяка выставив физиономию, набухшую брусничной зрелостью, стал оглядывать двор.

На дворе между тем кроме Алешки были еще ездовые, занятые лошадьми, повозками, сбруей и другими делами, и Хвылев, понятно, терпаясь, на кого ему обратить свое подозрение.

А в листках было всякое. «Надо напрячь силы, развернуть революционную энергию и... Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны. Ленин».

«Мы перешли Урал. Но переходом Урала мы наше дело не закончим... Мы пойдем в Сибирь, освободим сибирское крестьянство и сибирский пролетариат от гнета помещиков и капиталистов... Ленин».

«Освободим сибирское крестьянство и сибирский пролетариат. Только Советская власть сумеет уважить все нужды сибиряка...»

После Хвылев делился с Алешкой своим негодованием, возникшим в его душе от прочтения этих подметных листков.

— Чего они... Вида-ал! — стонал Хвылев. — Уважить они нас собираются! Хватит, уж уважили. Мельницу отобрали, разбой учинили, в тюрьму упрятали... Как же это еще-то уважить собираются? С одного боку молот, с другого наковальня. И там хлопнут, и тут... Сверху стиснут и снизу прижмут... Каково нам с тобой, Зыбрин, а? Агитация распускается. Хватай нас, изничтожай. Помещики мы с тобой, ксплуататоры... Язви их! У меня вон от мешков, какие на мельнице перетащивал, и посегодня на хребту кожа ободрана... Ксплуататор!..

Алешка, лежавший на сеной подстилке, поворачивался на бок и снова вслушивался в тишину ночи. Стукнула копытом лошадь. Забрехала недалекая собака. Опять где-то выстрелили. Опять забрехала та же самая собака. Ей ответили лаем в других концах. И снова тихо, тихо... Ночь тяжелая, липкая.

Но вот уж и то, чего Алешка ждал: стук в бревна.

Алешка соскользнул с лежака. Приложился к щели напряженным глазом.

— Э-эк, — прикашлянул на всякий случай.

Никого. Это, оказывается, стукнула копытом лошадь.

Алешка вернулся на место. Еще полежал.

— Ты где?.. — различил он шепот у самой своей головы. Будто не за стеной это, а над ним кто в темноте наклонился.

Ворота, прежде чем толкнуть, Алешка приподнял, попридержал на весу, чтобы скрипом не привлечь внимание ездовых, спавших в другом конце конюшни, и часового, стоявшего у складов. Лошадь на выход хозяйина отозвалась коротким застоялым ржанием.

Движение воздуха слабое, а сам воздух сырой, остуженный, липкий. Темным лоскутком метнулась в воротах мелкая зверушка, должно, хорь, обитавший при конюшне; хоря ездовые оберегали как единственную реальную силу, противостоящую поганым крысам.

За углом обозначился человеческий силуэт. Он был долговяз и сливался со стеной.

— Дай-ка я тебя обниму, холера ты этакая, — шептал человек. — А мне Афанасий говорит... говорит, что тут Алешка. Тут, говорит, в солдатах. А я думаю, как в солдатах? Малина-ягода! В каких солдатах? Почему? Думаю... Давненько... Вот ведь холера ты...

Вся фигура рослого человека плыла во мраке. Алешка вглядывался в лицо, но ни глаз, ни носа не различал. Да ведь удивительно знакомый голос. До того знакомый, что аж затрясло.

Да ведь... Он же, он! Кочетовкин! Алешке сделалось жарко не только в затылке, а и во всем теле.

Как же? В 1907 году или в 1908-м он умер в тюрьме от тифа, так говорили. А он вот те! Не примерещилось ли?

— Слушай и запоминай, — между тем распоряжался Кочетовкин. — Дела такие. Если у тебя тут есть дружки, внушай им, что... Внушай, пусть выкинут из головы, что Советы отступили. Нет же, мы не отступили. Нет. Мы общаемся с другими партизанскими отрядами. Знаешь, что вся Сибирь охвачена партизанами? Это я тебе говорю. Так вот... Запоминай. Сегодня у нас среда. Завтра четверг. Итого... До воскресенья трое полных суток. Что ты можешь сделать за это время? А надо успеть... На следующую неделю намечен вывод всех политических в старую шахту. Не в ту шахту, где уголь берут, а в ту, в которой уголь уже выбран давно, лет десять назад. Говорят, будто бы для какой-то зачистки старых выработок их туда посылают. Вранье. Не такое теперь время, чтобы новый владелец шахт Нокс заботился о зачистке. Понимаешь, о чем разговор? Что-то задумано. К тебе, Алеха, просьба — помоги... В чем? А вот поясню.

Кочетовкин говорил бойко, обстоятельно и даже строго. «Ишь ведь как наострился», — думал Алешка. Борясь с желанием спросить его про другое, про то, где он все эти годы был, пропадал. «Вот те Христос, — думал он. — А я его за упокой. Выходит, умирал, да не умер. Тиф валил, да не свалил...»

— Выясни, в какую именно шахту — это раз. Что за пушка замаскирована в скалах — два. Какое ее, той пушки, в том месте назначение — это три. Не по рябчикам ведь палить там ее поставили. Какое настроение у солдат из охраны — это четыре. Отношение к интервентам — пять. Запомнил?

Условились повстречаться так же ночью с четверга на пятницу.

Пригнувшийся силуэт Кочетовкина размылся между черными сараями.

«Ведь живой, а! Его похоронили, а он... Вот тебе! И ведь командами сыплет, как командир взаправдашний, эх», — ликовало в груди у Алешки, он покружил по двору и остановился. Когда окликнул часовой, стоявший у складов. Алешка хотел затаиться за телегами, уже было присел к колесу, но выругался:

— Чего орать-то? Свои, свои. Дрейфишь, что ли? Вот ты какой! Своих не различаешь?

— А-а, — растянуто сказал часовой. — А-а... Жахнуть бы вот тебя, такого храброго! Своего-то.

— Жахни, жахни, если дурь из башки не выветрилась, — ответил Алешка, ему хотелось с кем-то еще поговорить. — Дури-то скопилось, вот и ревешь на людей, кидаешься.

— Повянькай, повянькай, так и схлопочешь. — Часовой, невидимый в темноте сараев, должно, сильно исстрадался за ночь в молчании и тоже, конечно, был рад разговору. — Повянькай... Пререкания мне с тобой, понимаешь, не положены, я вот тебя только жахнуть могу. Свой ты иль чужой. Тут топчешься ночью... мне один хрен. Жахну!

— Дурень, так и жахнешь, — продолжал разговор Алешка. — А хошь, дурень, я, это самое... отгадаю, о чем твоя голова сейчас думает?

— Эх, ловок какой. Отгадает!.. Ну, валяй, отгадывай. — Силуэт часового медленно двигался в проеме.

— А чего не отгадать-то? Ты стоишь и подсчитываешь, сколь нам англичанин, генерал этот, даст пашни, когда мы с тобой на него исправно послужим.

Часовой, отойдя от склада, отвечал с матерками:

— Хрен нам один будет, что от енерала, что от абмирала. Пашня у нас тобой выйдет одна, как я погляжу, — сажень в длину и полсажени в ширину.

— А чего злой-то такой? — хохотнул Алешка.

— А это уж не твоего ума дело.

— Ох, злой.

Часовой, должно, забоялся, что Алешка со двора уйдет и не с кем будет говорить, и спросил другим уж тоном:

— А что?.. Уж не слышать ли где чего нового?

— Как не слышать, — сказал Алешка. — Всю ночь вон сегодня постреливают. То там, то уж там.

— А-а, эт-то... — опять ядовито ругнулся часовой и больше уж не подавал голоса.

Алешка ушел на свой лежак, однако сна не было, болели натруженные лодыжки, колело в стопах. «Настроение у солдат? — хмыкал он, перебирая вопросы. — Какое же оно может быть настроение, когда дома рожь созревая переставает, ждет хозяина?» И еще сердило Алешку то, что этот самый воскресший Кочетовкин не спросил его, как он оказался в одном стане с Ноксом. А, впрочем, хотя бы и спро-

сил, Алешка бы не стал на этот счет слова тратить, какое кому дело, оказался да и оказался. Так бы и отвечал: «Ну, хочу... куда хочу!» Но тот, подлец, не заинтересовался даже. Да и Афанасий, хорош гусь, тоже не особо интересуется. Выходит, ни тому, ни другому нет дела до него. Им только одно: помоги, Алеха. Вот это они знают: помоги. Помог вон тогда в паровозе, вязался, жизнь из-за них, шалавых, вся испакостилась, перевернулась...

Покрутившись еще с боку на бок, Алешка увидел, что светает, повел на реку лошадей поить. От реки лентами выползал навстречу туман. Густо заполнял собой улицы. Где-то на краю села, в верхней его части, за Офулькиным трактиром, опять заударяли винтовочные выстрелы.

Унтер Хвылев

В тот вечер, когда Хвылев отпустил ездового Зыбрина в Офулькин трактир, сам он тут же метнулся другой улицей и, меняя скорый шаг на трусцу, с запыхом выбрался на бугор с обратной стороны и там затаился под частокольной изгородью среди высоких шиповниковых кустов, богато усыпанных и колючками, и ягодой. Кусты подступали вдоль частокола к самой верхней каменной площадке, и у Хвылева, присевшего на корточки у пролома, была возможность не только видеть, как его ездовой Зыбрин под навесом распивает чай в компании уважаемого купца, а и слышать их разговор. «Вот ведь каков этот Зыбрин, тихоня, тихоня, а вон ты поди ж, с купцом запросто!» — соображал Хвылев и выжидал, когда разговор с купли-продажи земли (ох, дурак этот купчишка, нашел время, когда землю торговать) перейдет на другое, ну, на то, в чем есть прямой резон ему, Хвылеву. Резон понятно в чем: выгодно сбыть то, что успел и сумел, крутятся и напрягая мужицкий свой ум и сноровку, скопить тут, при проклятой этой службе.

Хвылев тянул голову, у него назревало опасение, как бы этот шельмец ездовой не объегорил его, не обговорил все тайности с выгодой только для себя. Когда же купец и ездовой Зыбрин вышли из-за стола и пошли поселком, он тут же последовал за ними, пользуясь сгустившейся вечерней темнотой, и на таком расстоянии пошел, что и шепот был доступным его острому слуху.

И услышал-то он такое! «Ага», — обрадовался Хвылев раскрывшейся тайне. Но тут же и похолодел. То, что он услышал... Уважаемый купец — никакой не купец, а чистый лазутчик, провокатор, и Зыбрин, выходит, с ним в связке. Вот это, последнее, и смутило очень унтера, то есть то, что Зыбрин подчинен непосредственно ему, Хвылеву, и в одно же время — вон куда! Как же: если его подчиненный солдат в такой связке, то, выходит, и он сам в связке. И на беду свою

он, унтер Хвылев, благоволил ездовому Зыбрину, про это вся рота знает.

Для того чтобы унять возникшее в голове смятение, Хвылев забежал к утешительнице своей, кастелянше заезжего двора. Эта мягонького теплого тела и такого же мягкого доброго характера и невысокого росточку женщина умела утешать. В ее пристроенной клетушке всегда держались какие-то несчастные бабенки, нуждающиеся в ее участии, она им, однако, давала один и тот же совет: «Поплачьтесь, поплачьтесь да и чайку вот с душицей попейте...»

— Самогону бы... — попросил Хвылев, расстегивая ворот и отрывая при этом пуговицы.

— Чайку вот... с душицей да с брусничным вареньем, — предлагала несмело кастелянша.

— К лешему твой чай. Самогону, говорю, тащи! Душа вот к дыху подперла.

— Оно, когда так, чай с травкой в самый раз. Лучше уж не бывает. Мама, покойница, тятеньку выхаживала, уж это первое средство...

— Не мучай же!..

— Ну уж счас, счас, — заспешила кастелянша к шкафчику, оглядываясь назад: она побаивалась Хвылева, он дурел с хмельного, и вместе с тем это качество, то есть крутость в поведении, как раз и по нраву ей было, потому что, считала она, без крутого норова какой же мужик...

Поутру Хвылев вышел из клетушки в какой-то мере успокоенным, у моста под елкой остановился, растелешился, ополоснул себя в речной струе, смыл размягчающий бабий дух, совсем лишний в строгой мужской службе.

Ездовому Зыбрину он не показал и виду, что ведает про него что-то, но посылать его на работы далеко не стал, только в зону да вокруг зоны. И даже в церкви на обязательном слушании вечерней проповеди не выпускал его из внимания.

— Дети мои, внимайте господу! Спокон веку блудите и живете вы в жадности погрязшие, — вещал поп. — Блуд греховный в головах ваших, яко брага в бочках. В ложной вере пребываете. В мире греховном радость от хлебов почитаете. Господь бог вразумляет нетленной истиной: от хлебов земных одно брюхо, а от хлебов небесных — душа. А что есть хлеба небесные? Молитва... Брюхо, оно, дети мои, вон у коровы, у кобылы и у овцы. А человеку сотворена душа, которой лишена всякая неразумная тварь. Вы, дети мои, не внимая господу, в жадности, в скотском образе себя содержите. Сказано: от хлебов земных, от живота, вознесись к жажде на хлебы духовные...

«Правильную, не воровскую жизнь сначала на земле обеспечить, — возражал про себя Хвылев, не упуская из виду Зыбрина, кудлатая голова которого выделялась промеж других солдатских голов. — Истину

не с неба, а земную народу подай, по справедливости чтобы... Но... — задумывался Хвылев, — какая же справедливость у этого вон ездового Зыбрина? Сколько мужиков, столько, выходит, и правд. У всякого свое соображение, своя голова. Верно, всякий мужик к своей правде идет через брюхо, святой отец говорит тут как раз в точку. Вот, говорит сам себе мужик, насытюсь, набью брюхо, и в том будет мое божье назначение... Может, и в этом, а?» — думал Хвылев.

— В молитве божье назначенье, яко зерно в плоде, — продолжал поп свое наставление. — У мужика правда уж вовсе самая неподходящая. Насытившийся, набивший брюхо мужик впадает в лень и в плотское распутство. Сказано: только до седьмого дня недели мужик мочен держать себя, а потом уж и ревет лесным медведем от тоски и кручины своей, сам с собой не совладает. До тяжкого греха доходит, богохульствует... Да не возжаждем богатств, и благолепий, и царствий земных, погибель грядет оттого, погибель, погибель... Возжаждем благолепий и сладкозвучий небесных!..

Ночами, объявив отбой, Хвылев проверял, все ли ездовые на месте. Уходил не к кастаньянше под парной, мягкий ее бочок, а к себе в каптерку и, заняв место у темного оконца, просиживал до рассвета, прислушивался, улавливал всякий сторонний звук. Было не до сна. Им владело предчувствие волка, который тоскливо забивается в глухие овраги, когда в деревне охотник еще только заряжает картечью ружье. Да, у него нет сочувствия к штабным офицерам, образ жизни и чаяния которых для него никогда не были понятными, но у него пропадал аппетит и ледяно холодало в брюхе только при мысли о возможном ночном нападении партизан. А сейчас он чувствовал: это должно непременно случиться. Конечно, размышляя он, разумно было бы пойти в штаб и доложить о том, что слышал из разговора ездового с этим евреем. Пусть ездового Зыбрина вытрясут, но, с другой стороны, не обернется ли это ему, Хвылеву, тем же, то есть что его тоже начнут трясти? К тому же, по своей крестьянской натуре, он доносов не терпел.

— Ну, как, Зыбрин, нам, мужикам, жить-то будет дальше? — спрашивал он, вглядываясь со своим смыслом в ездового, пытаясь обнаружить на лице его если не затаенное торжество, то хотя бы хитрость. Странно, хитрости на лице Зыбрина не было, а уж торжества и подавно. Даже наоборот: угрюмая озабоченность, всегда жившая во впалых шальноватых глазах ездового, теперь сделалась тяжело-мрачной, безысходной.

— Да уж как оно обернется, — отвечал Зыбрин.

«Гм, — хмыкал про себя Хвылев. — Обернется... Кому оно обернется, а кому, э-э... и вовсе не обернется». Очень, очень жалко делалось Хвылеву самого себя, когда он думал про то, что кто-то может отнять, затоптать его мечту. Мельница, конечно, хоть она и мала, но при ней уважение на всю округу, а вот если сюда же еще и романов-

скую овцу прибавить, к мельнице-то... Он еще толком не спланировал, что же тогда будет, если к мельнице прибавить эту самую романовскую овцу, но всем нутром понимал, что это уж будет та самая высота крестьянской жизни, на которую никто из мужиков ни в его деревне, ни в соседних не поднимался и подняться не чаает.

Конечно, вот так сидеть и выкарауливать было и тяжело, и противно. Тяжко одному в себе держать тайну. Не на кого положиться. Ведь не на Жуковца же, этого еще совсем молодого ездового солдата. Преданный мальи́й, но уж больно дурак.

— Как изремкались? Отчего? — для интересу спросил у него Хвывлев поутру, зная, куда тот накануне ездил.

— Да к дурнину вчера́сь ночью тащили вон куда. Вместо постромок я вожжи приспособил. Кобыла прет, а темнота, камней не разглядеть...

— А чего тебя туда поперло-то? — притворялся Хвывлев незнающим.

— Да к эту самую... дурнину, говорю, туда тянули.

— Какую такую дурнину?

— Да к пушку. Вон гора какая. Туда и тянули.

— А что, ворон там стрелять ловчее? Или партизан оттуда нашим пушкарям лучше видать?

— Партизан — не знаю, — пошлепал мокрой губой Жуковец. — А поселок с зонами оттуль — как бы на тарелке вроде.

— Что же, по собакам в поселке палить из той пушки станут? И почему ночью, впотьмах, тащили туда, а не днем? — уже явно насмешничал Хвывлев.

— Дык ведь чтобы тайно. — Жуковец напуганно расширял воловьи глаза. — Бунтовщиков смирять будут. Политические в зоне бунт собираются делать...

Вот он и разболтает так где попало, этот дурак-то. Тайна, говорит. Ему военная тайна — как дырявому горшку кисель.

В муторный, тягучий час ночи Хвывлев снова сидел перед окном на шаткой скамейке, упершись локтями в плоский затертый подоконник. Тут его будто как кто дернул за шейную жилу над правым плечом, он сунул руку к расстегнутой револьверной кобуре, сдвинул фуражку и лишь потом вгляделся в темноту двора. Черной набухшей тенью обозначался в глубине надстроенный поперек двора край конюшни, там после тихого стука ворот возникло движение смутного силуэта. Это был, конечно, Зыбрин. Вот теперь не упустить из виду, куда он пойдет. Не для прохладения же он вышел.

Вжимаясь в стену и пригибаясь, Хвывлев проскользнул между бочками, думая при этом: «Как бы дурак постовой не окликнул, ведь проснется, когда не надо, заорет, заблажит». Постовой, однако, не проснулся, и Хвывлев, прокравшись между складами, вышел со двора.

Он не терял из виду силуэта Зыбрина. А скоро увидел и другой силуэт, перебежавший от оврага.

Хвылев почувствовал, что это и есть враг его, Хвылева, враг, которого он все ночи ждет. Враг его мельницы, его романовской овцы, его хозяйства и детей. Враг его мира, его земного воздуха! Хвылев держал револьвер наготове. Однако... Однако... От оклика и от прицельного выстрела его удерживало, понятно, здравомыслие. Конечно. Если б враг этот был сам по себе, в одиночестве! Если бы! Но... Их ведь по ночной тайге сгустилось сколько? Одного щелкнешь, а остальные?.. Нет уж, кучно их надо давить, стрелять. А потом уж глядеть, как налаживать жизнь без красных и... без этих плюгашей чужеземных. Вот не отстать бы только, не потерять в темноте, потом уж кликнуть патрульных... Эй, где они, патрульные, спят по бабам, язви их!..

А вот — обидно. Советы!

Не отнимай они мельницы у мужика, не трави крепкого, работливого человека, не был бы он, Хвылев, тут, не бежал бы вот следом... Как паршивец какой, тьфу!..

В ту ночь он не вернулся

Был Алешка не то чтобы в веселом настроении, но и не в угрюмом, давно его душа не получала такую зарядку: все переживал встречу с Еськой Кочетовкиным. Вот ведь кружилец, вертляк! Столько лет кружился где-то, вертелся, его уж схоронили, в упокойные книги занесли, а он вот вывернулся, да еще с прихохатыванием, со своим присловьем (не позабыл же, шальная голова): «У Фили пьем, да Филю бьем...» Ну бывает ли еще что такое?! Вот только поговорить не удалось, запыханно прибежал, запыханно и побежал. Куда опять? Лишь собак в темень ночной повспугивал. Обещал появиться, говорит: жди.

И ведь распорядительный стал, ну, что командир. Ох, Еська! Только не спи, говорит. Да, уж уснешь тут с вашим братом. Втянешься вот опять в историю. Тогда началось с проклятого паровоза, с той поездки... И вот с тех пор... Ветер будылку гонит по осеннему предснежному полю. Не проспай, говорит, свое. И прихохатывает, вертун. Ну, ну, попробуем не проспать. Теперь уж к одному концу: и так душно, и этак вонько. И так сыро, и этак мокро — что в болоте...

А все же ловкие они, мужики-то — Афанасий с этим Еськой, эх ловкие. Ныряли, ныряли где-то вот, гляди ж ты, вынырнули. Не тонут. Ну-ну...

Рассуждая, Алешка сидел в повозке, приспустив вожжи, лошадь шла тихо, он ее не понукал, должно, забывал это делать, и та, предоставленная сама себе, сворачивала на травную обочину. Работа сегодняшняя у Алешки была в том, чтобы возить к лазаретной кухне пиленные сухие чурки, которые он сам же и разбивал колуном. Когда

Алешка с новым возом проезжал по угору мимо кузницы, то увидел унтера Хвылева, бегущего по дороге от кордегардии. Хвылев бежал так поспешно и нацеленно, что голова его, пригнутая, была впереди, а ноги отставали далеко, и он, как бы боясь, чтобы ноги совсем не отстали от перегнутого туловища, сам себе помогал тем, что крутил в воздухе снятой с головы фуражкой. «Эк, как его», — с сочувственным настроением и вместе с забавой подумал Алешка и собрался что-нибудь такое унтеру сказать.

Но тот, еще не добежав, с расстояния, зашумел, пуще замахав левой рукой:

— Поворачивай назад! Вон туда!.. Поезжай по лежневке. Там тебя ждут. Поворачивай!

— Чего так? — сквозь свои думы спросил Алешка и вместо того, чтобы остановиться, понукнул лошадь вожжой.

— Хватит дров. На другое дело поезжай, — приказал Хвылев.

— Ладно, — отвечал Алешка, примечая, как у Хвылева ходят запотелые брови. — Отвезу вот, тогда... Тогда и за новое дело. Поворачивать будем в другое место.

— Куда отвезешь? Тебе говорят, поворачивай теперь же, сейчас, и... Там тебя дожидаются. — Хвылев ухватился за вожжу и стал тянуть.

— Что ж, с чурками заворачивать-то и... ехать? — таращась с явной насмешливостью, удивлялся Алешка. — Довезу вот до места, сгружу...

— Чего ты! Какое место? Сваливай вот тут давай, на обочину, и поезжай! — Хвылев не выпускал из рук вожжу. — Прекратить свои пререкания!..

Алешка хмыкнул еще («ну, никак пожар где иль унтер свихнулся»), потом слез на землю и примерился плечом к перекладине. А примерившись, толкнул повозку снизу. Колеса подвернулись, и смолевые, в бурых, затверделых подтеках чурки этак кучкой легли на край дороги, в ложбинку.

— Гони, гони! — торопил Хвылев. Он занял место сзади и все мотал фуражкой.

Лошадь несла по лежневке скоком, колеса западали в проемы, повозка тарахтела, бурундуки, мелькнув полосато, уносились по корявым стволам в высоту, в оранжевые лоскуты солнца, которое висело на зеленых игольчатых ветвях. «Но ведь никак не пожар... и в самом деле». Лежневка вела в глубину елового леса, однако ни гарью, ни дымом ниоткуда не наносило. Алешка глядел по ходу лошади и увидел впереди человека, на плечах и голове которого топорщилась брезентовая хламида в желтых и зеленых разводах. Это был солдат, Алешка обратил внимание на его чересчур длинную шею, тощую, что противопоказный шланг, а потом уж заметил винтовку. Повернута она была как раз в его сторону, то есть на него, Алешку, и вместе, значит, на унтера Хвылева.

Хвылев, должно, тоже обративший на это внимание, не слезая с повозки, что-то стал пояснять постовому, тот не понимал, топтался на одном месте, все не отводя винтовки.

Алешка сказал на всякий случай:

— Свои мы, свои... Чего? Эх как тебя трясет! Своих пужаешься, что ли?

Приблизившись к повозке, чужеземец принялся толкать Хвылева в бок плоским штыком.

Алешка оскорбился за своего командира. Хвылев помешкал, потом спрыгнул на куст, веткой его хлестнуло по волосам, вышибло из рук фуражку, он ловил ее между прутьями и не мог поймать. Постовой тем временем принялся так же штыком толкать Алешку.

— Чего ты?.. — спросил он, уж вовсе закипая. — В штаны, что ли, тут, на наших дорогах, насеял? Да не толкайся ты, стерва! А то вот между глаз твоих совиных как посею! Ногами вверх расти станешь. Партизан, что ли, перепугался? Слова нормального по-нашему не можешь сказать, а еще туда же.

— Партизан, партизан... — задергал головой на жидкой гофрированной шее чужеземец, прозрачные его глаза сбежались к хрящеватому носу.

Хвылев и Алешка догадались, чего от них тут требуется, куда подталкивает их этот чужой противный человек. За кустами, в трех саженях от края лежневки, были кучей набросаны ветки, поверх веток натрушен мох...

Алешка подошел к куче боком, словно не стало сил во вдруг огрузневшем теле. И боковым же зрением различил в провалах между еловыми ветками и пластами подвяленного мха странные выпуклости. Он уже понимал, что это такое и зачем он сюда прислан.

Но чужеземный солдат, непонятно, напуганно лопоча на нерусском языке, все продолжал подталкивать, подталкивал он куда-то дальше, за эту кучу, за другой куст, сучки на котором были посечены, будто бурундуком ночью погрызены, будто зверушка добывала себе из древесины горький, необходимый для бегучей жизни сок.

В выражении лица чужеземца, помимо испуга, было еще какое-то чувство, придававшее его движениям и непонятному лающему голосу волевою решимость. Будь Алешка не в том душевном состоянии, в каком он сейчас находился, он бы, пожалуй, понял, что это чувство у чужеземца есть не что иное, как вера, внушенная ему, вера, что жить в этой для него непонятной стране, именуемой Сибирью, можно только вот так: когда глаз глядит через торчащий отросточек мушки, когда палец готов успеть первым дернуть спуск...

На оголенной полянке, за изгородью заломанных кустов, по истоптанном, избитом мхам увидел Алешка брошенные маскировочные

пятнистые брезенты, такие же пегие, как на солдате. Вернее, это были не просто брезенты, без нужды брошенные или тут растянутые для какого-то укрытия, это были свертки, куклы, они лежали невыровненным рядком от посеченного куста по избытому открытому месту до деревьев...

«А-а... навоевались, едри вашу матушку», — подумал Алешка в отместку солдату, но злорадства в душе не получилось.

Чужеземец, отошедши назад, на край лежневки, винтовку, однако, держал нацеленно, у плеча, и белый прозрачный глаз его оставался напряженным.

Деревья таили присутствие других, живых, не только мертвых, солдат, это Алешка осязал по-звериному чуткой своей спиной; осязал, что с разных мест целят в него воины Нокса, направив стволы, пахнувшие недавно сожженным порохом.

— Давай... давай, Зыбрин! Сполняй! — теперь уже командовал унтер Хвылев, отпятившийся к лошади, которая двигала в возбуждении набухшими розово ноздрями, сворачивала морду к левой оглобле, нетерпеливо трясла высокой дугой.

Грузить Алешке Хвылев не помогал. Уже отвердевшие трупы не прогибались, Алешка, присев, взбрасывал их на плечо и лез к повозке через кусты, ставил ногу на пригнутые ветки, чтобы сапог не так вминаясь в торфяной зыбун.

Глаза остановились на том, что было в теневой полосе под приземистой, растопыристой елью. Нагнулся в прелую густоту, но еще не раздвинул ветки, в промежье затхлой зелени разглядел сидящего человека. Человек до того, как умереть, упал на бедро и выбросил руку себе за голову, чтобы ухватиться за еловый сук и подняться, но не успел ухватиться. Острое, костистое, морозно-сизое колено вывернулось из надорвавшейся штанины, одна нога заломана назад, босая, другая в шелковисто-гладком, не нашей поделки, полусдернутом носке. Этот был тоже из чужеземцев. Также из воинов Нокса, его, должно, не заметили.

«Не заметили тебя чего ж? — с укоризною подумал Алешка. — Свои-то не заметили, когда стаскивали на открытое место...»

И, пригнувшись до боли спину, стал на кукорках заходить под дерево с того боку, откуда ловчее было бы дотянуться и ухватить упокоившегося, к которому в Алешкиной груди шевельнулась забота, как к неразумному.

Свозил Алешка убитых, куда велено было, — в ограду штаба, в бревенчатый, без окон, глухой амбар, что стоял в бурьянах за конюшнями.

— А... с остальными, с нашими... это... с нашими как будем? — спросил Алешка у Хвылева, на котором теперь жесткая фуражка была надвинута до половины лица.

— С какими, э-э... с какими нашими? — глянул по-слепому унтер, отворачивая голову.

— Да... которые наши. — Алешка сделал движение плечом в сторону тайги, где просматривалась в темнохвойниках узкая прорезь лежневки. — Которые там... Прибрать надо бы... Куда их?..

Хвылев, трусивший щепотью табак из кисета в бумагу, скомкал недоделанную самокрутку, кинул ее Алешке под ноги, отошел за амбар и там стал мочиться на седую полынь. Алешка же, коротко подумав, мотнул вожжами, хлестнул лошадь под брюхо и, еще раз оглянувшись на унтера, залез в повозку, опять хлестнул, теперь уж по крупу, зашумел:

— А ну!.. А ну!..

«Может, те, какие были беглые... Может, те, ходившие с самой весны по лесам...» — крутилось туго в голове.

С безумием и оторопью он шарил быстрым обостренным взглядом промеж кустов и по-за кустами, по набросанным моховым ворошкам. К нему пришло осознание, что тут, сейчас, он должен отыскать и еще кого-то, должен... Шарил он между ветками, в пежинах, искал и в то же время боялся натолкнуться, очень не хотел натолкнуться.

Одного за другим стаскивал он тех, кто еще ночью был живым, кто тогда же, ночью, держал в голове планы на дальнюю свою жизненную линию. Наполнял Алешка повозку, делал эту страшную немужичью работу, и озноб, хлынувши в его душу, вымораживал в нем телесные ощущения.

Алешка остановился у куста, рясно усыпанного продолговатыми крупными ягодами жимолости. Между кочками ржаво блестевшей воды лежал человек, перегнувшись через колодину, упершись на локти, утолял в этой мокрой затхлои лунке свою жажду. Булыжно-серый, узкий, оголенный череп человека был напряжен...

Алешке показалось, что человек все еще живой...

Это был... Это был Стефан Исаевич. Такая встреча почему-то не удивила Алешку, он подумал почти отстраненно:

«Вот... и этот спокойствие нашел себе. Почему?.. Отчего?..»

Закровяные, пунцово-бурые травяные листья приклеились к рассеченному плечу еврея. Алешка сломил с куста сухой сучок, попробовал сучком сбить эти прилипшие, вдавленные листья, но они не отлеплялись, засохшие. Тогда он смочил руку в лужице, аккуратно и бережно обтер рану ладонью, потом так же сполоснул и обтер лицо мертвого.

Алешка не мог объяснить, что здесь, за рекой, среди леса, случилось, кто на кого засаду устроил на дороге, под деревьями, партизаны на «тех» или «те» на партизан.

Подобренные тела «своих» Алешка (он про себя называл их «наши») вывез уж по сгустившимся сумеркам и тайно предал земле на краю кладбища, вырыв просторную могилу на склоне бугра, облитого

мягким, струящимся светом половинчатой луны, взошедшей над старыми кедрями.

В хозроту он уж не вернулся. С кладбищенского бугра как съехал, так и повернул на мост, держась сереющей под лунным светом промеж лесной высокой черноты дороги. Напрасно за конюшнями, в мелких кустах на склоне промойного оврага, поджидал его той ночью Кочетовкин: в задуманном деле что-то менялось и надо было про это непременно обсказать Алешке. Но напрасно ждал.

Той ночью не спал, ходил по двору возле конюшен, возбуждая часовых, усиленно расставленных по секретным местам, и унтер Хвылев, он тоже ждал возвращения ездового и не знал, что при этом ему думать.

Да, в хозроту в ту ночь ездовой Зыбрин не вернулся, отъехал он из поселка по лесной лунной дороге в сторону станции, отъехал якобы по приказу командира, то есть того же унтера Хвылева, так доложил он патрульным на мосту.

Штабной дежурный капитан, страдающий горловой опухолью, с вымученным выражением в глазах поутру спросил у Хвылева: так ли, по его ли приказу? На это Хвылев удивился, но, быстро сообразив практичным умом насчет возможных последствий, отвечал: «Да, послал я его к староверам-смолокурам за дегтем».

А уж несколькими часами позже, перед тем, как солнцу высушить серебро росы на травах в лесу, хмурый казак с рубцами старых ран на шее пригнал саврасую лошадь, пойманную в тайге близко от станции, и порожнюю повозку.

Хвылев теперь, что бы ни делал, все взглядывал на дорогу. Казалось ему, что вот-вот следом за лошадью с повозкой приведут и самого Зыбрина; вести его будут по взъёмной дороге от леса, от моста; непременно оттуда — от моста; он боялся, что упустит момент и не успеет что-то предпринять, и вообще боялся этого, то есть появления Зыбрина в расположении хоздвора или зоны, как непоправимого осложнения своей давно треснувшей судьбы.

И однажды, в нелегкий час, Хвылев, сидя в каптерке у окошка, уже въяве увидел... Да, увидел. И отшатнулся назад, ознобом его обдало. Въяве увидел, как от моста широкий, высокий человек, затянутый ременными кольцами от шеи до бедер, оттого казавшийся полосатым, шел дорогой; ременные кольца не давали ему гнуться, он шел прямой, деревянно-отрешенный, бурый не то от крови, не то от болотной жирной торфяной жижи. Луч солнца, отражаясь от сабель конного конвоя, ударялся в его плечи. Это был, конечно, ездовой Зыбрин; Хвылев даже подумал про то, где, в каком месте Зыбрина поставят расстреливать — вон там, на дне промойного оврага, или у ручья, на камнях, за кордегардией; но убьют непременно сегодня же, лишь коротко допросив в штабе...

Но через миг, в течение которого Хвылев скользнул напряженными глазами влево и вправо от себя, на дороге уже... никого не было. Не было! Хвылев спросил рядом стоявшего солдата Жуковца, который по обыкновению своему держал за толстой раздутой щекой кусок льняного жмыха, не видел ли он сейчас чего такого в окне, тот только промычал в ответ, шлепая мокрой губой; Хвылев толкнул его и выметнулся в дверь, спросил там у встреченных во дворе людей, и те, оказалось, никого не видели, кроме водовоза, проехавшего с бочкой в гору. «Вот ведь... свихнуться можно... Чудиться стало», — потряс головой Хвылев, глядя в пустую дорогу до леса.

В таком состоянии Хвылев подождал еще два или три дня, так же настороженно просиживая ночи в каптерке у окна и выбегая во двор будить часовых, расставленных по тайным местам. Потом он достал из шкафа папку учета личного состава подразделения, хранившуюся под замком, перебрал листки, нашел тот листок, какой надо, и, поглядев назад, написал на нем с угла перекошенными буквами: «дизиртир».

А посидев и подумав, он затер это пугающее слово, после чего вымарал химическим послунявленным карандашом фамилию Зыбрина А. А. во всех других листках. Карандаш убрал в нагрудный карман, ящик с папкой в шкафу замкнул на замок, ключ, имевший форму трубки с зубцом, положил на свое место, то есть в потайной карман штанов, однако тут же, спохватившись, выложил его на стол между коробкой с гвоздями и клубком дратвы. Прижег самоскрутную папиросу, заглотив острый, едкий дым вместе со слюной, в горле сделалось просторно, и мысль у унтера, давно ходившая где-то в тумане затылка, выкатилась напористо и ясно к тяжелому лбу: «А ведь и мне надо того... бежать, покуда не пропал, пробиваться... покуда можно... ближе ко двору, к пашне, как уж там оно есть...»

И уж никто его больше ни на хоздворе, ни в зоне, ни в поселке у кастаняши не видел.

Гибель орлов

Скала была посечена трещинами, и старая орлица сидела на краю, вдавив в щели свои бурые сухожильные лапы. Она чистила на себе темное перо, при этом звучно пощелкивала гнутым клювом, как бы раскалывала подобранные в курумниках камешки.

Земля внизу еще укрывалась ночным мороком, а тут, в скалах, на верхних этажах природы, уже горел трепетно день, уже не край неба, а вся половина купола пламенела теплой заячьей кровью.

Такое утро к добычливой охоте, потому как тетерева, рябчики и прочая лесная мелкота не хоронятся в травах, а перелетают по макушкам деревьев, торопятся увидеть солнце, и зайцы, пищухи, суслики

тоже не сидят под камнями, а выбегают на свободные бугры, на чистину.

Орлица время от времени прекращала занятие туалетом, вытягивала шею, влажный темный глаз ее нацеленно застывал, она издавала резкие фыкающие звуки. Это на молодую орлицу она, на дочь свою, которая сидела на остром скальном выступе ниже, нахохленная, рассерженная тем, что ее не пустили на зоревую охоту. Со старым орлом полетел молодой орел. Зоревая охота требует особой осторожности, вкрадчивости, пусть этому отец поучит сына сперва в одиночку. Им, самцам, надо быть всегда удачливыми и добычливыми.

Перо на голове молодой орлицы будто созрело, уже совсем такого же цвета, как кора на горной сосне, спина же в беловатом крапе, а концы крыльев еще не вытянулись, не схлестнулись, не смыкаются между собой рогутинкой.

«Ох, слаба ты пока, слаба», — с заботой думала про дочь старая орлица, глядя сверху.

Она, старая орлица, между тем не выпускала из виду полета добытчиков, которые, обратившись в темные пушинки, кружили низко, так низко, что их временами закрывало мохнатым туманом. Туманы эти теперь, в услужение северной звезде, разгорающейся по ночам над лесом, будут ночь от ночи все гуще, и дожди хлестче пойдут, острее, льдистее, а потом уж... потом наступит пора прощанья.

Прощанья с этим небом, с отчим гнездом на кедре, с этими насиженными скалами...

Наступает оно, время прощания, и тогда... тогда становится невыносимо трудно в груди.

Сколько уж раз орлица познала здесь любовь. Там, далеко, очень далеко, она долгие месяцы живет томительным и светлым ожиданием, ожиданием, когда можно будет снова вернуться сюда, в эти волнующие просторы, очень сладко сомлеть в любви, увидеть это небо, эти леса, скалы, странных людей, роющих в горах черные непонятные дыры.

Ожидание любви там, в далеких краях, всякий год уж так переполняло ее плоть, что она не могла не торопить супруга, и прилетали они каждую весну до срока, еще когда в лесу бугрился снег, а в гнезде звенел ледяной ветер. Орел поджимал свои стынущие пальцы и укоризненно наводил на нее свой рыжеватый, в светлом ободке глаз. Она же виновато пряталась под его охватистое крыло и, согревшись, светло думала о будущих своих детях.

Сейчас, наблюдая за кружением далеких точек, она понимала, отчего орел, всегда удачливый, так долго не берет добычу: он хочет, чтобы добычу взял непременно сын, испытал бы крепость своих когтей. Потому они низко западают к земле, к буграм, к лощинам.

Но что это за смерч полыхнул от земли сквозь туман черным столбом? Отчего задрожала скала? Щели в камнях раздвинулись...

Старая орлица, прежде чем что-то понять, сама собой сорвалась с места и, вытянув в напряжении шею, сделала несколько свободных взмахов, задевая концами крыльев за острые выступы скал. Полетела к лесу и вдруг увидела, что воздушный поток, подхватив молодую орлицу, несет ее вниз, совсем неуправляемую, несет в поселок, где люди.

Старая орлица заклекотала призывно, угрожающе, это не помогло, она снизилась и, паруся перьями хвоста, спланировала впереди дочери, показывая, в какую сторону лететь. Но молодая орлица продолжала спускаться, не реагируя на предупредительный клекот. Она была ранена камнем.

Старая орлица, увидев бегущих людей, ударила одного из них напруженно выставленными лапами, как всегда ударяла зайца. Человек споткнулся, и старая орлица взяла новую высоту, сделав малый разворот в туманном морочном воздухе. Она увидела: что-то блеснуло букетиком, похожее на весенний жарок в траве, обожгло в зобу, она попыталась взлететь выше, сделать свободный круг, крылья почему-то не распахнулись, как бы ей не принадлежа. Старая орлица попробовала уцепиться за гребень дощатой крыши, но только пробороzdила слабеющими когтями по сухому расщепленному дереву...

Весь этот день старый орел с молодым орлом летали в пустом провальном небе, кружили над расколотыми скалами, над потемневшим лесом, запыленными крышами поселка, искали своих, кричали и... не могли понять, что произошло.

Какие-то парнишата, радостно улюлюкая, по каменистой дороге тащили волоком на бечевах дохлых старую орлицу и молодую, терявших изломанное перо, за ними, дрябло трясясь, гнался Херувим и грозил, показывая крупный кулак:

— А вот уж догоню... Отдайте!.. Я вас...

Кривуша же, поселковая знаменитость, стоял посередке улицы и, казалось, осознанно, здраво глядел на картину, при этом тянул левой рукой себя за правое ухо.

А что со старым орлом и с молодым? Прокружившись в небе еще несколько дней, они исчезнут. Исчезнут задолго до отлета всех других птиц. В следующую весну, еще до того, как снежным ручьям сойти в реку да в болота, на кедре, растущем на бугру, в каменной расселине, у своего веточного гнезда старый орел появится один. Он, ослабленный, проживет тут все лето, время от времени будет подниматься в заоблачье и оттуда, из пустой гулкой высоты, падать на землю, крик у него будет дребезжащий, как бы расщепленный. Потом один он прилетит и на другой год, уж вовсе мореный. И тогда уж люди его увидят все больше сидящим на кедре, на сухих палках вконец заветшавшего своего гнезда, он будет вытягивать усохшую, в лишаях голову и глядеть

во все стороны, прислушиваясь не то к свисту ветра, не то к чему-то еще... А потом уж... скопырнется оттуда и, огромный, широко, неуклюже распластанный, застрянет в перепутанных сучьях, парусясь под ветром. Вороны, все годы близко у того кедра не водившиеся, разом налетят из гнилых еловников, загадят в агрессивном торжестве, в безнаказанности, но к кедру все ж не приблизятся.

Странно, с того года начнет усыхать сам кедр, хвоя в кроне побуреет, будто суриком ее кто обдаст, ветки посекутся сами собой, лишь кое-где к осени выставятся некрупные, болезненно ужавшиеся кулачки орешных шишек.

В то лето ночной паровоз привезет из города артель похоронщиков, которые, отметив свой приезд в Офулькином трактире, дружно и ловко примутся за работы в обрушенной шахте, разгребут ее заступами да кирками. Потом до самого Воздвиженья, под доглядом милиции, будут оттуда в молчаливой суровости они выносить на брезентовых и жердяных подмогах останки заваленных, задохнувшихся людей. Весь горный скат с южной стороны покроется приглаженными грядками могил, хотя в каждую, для быстроты дела, для экономии трудовых сил и пространства, станут класть по десятку мертвых.

— А что это за люди такие были? — спросят похоронщики у местных жителей.

— А кто их знает, — с печалью задумаются те. — Был тут народ всякий согнан в ту грешную пору... Когда генералы чужеземные взрывы свои учиняли, никто же и не знал, что народу-то несчастного столь великое множество завалит под горой. Господь-то куда глядел?!

Вместо эпилога

В начале тридцатых годов на отлогом левобережье Оби, среди накопанных ворохов изжелта-серой глины, среди побитых тачек и конных повозок, шли потихоньку, как могли, навстречу один другому два глубоких старика.

Тот, который от барачных строений шел, — опирался на палку, а тот, какой шел от степного простора, — тащил на себе тележное колесо с разбитой ступицей.

Шли они, шли. И остановились по разным сторонам отекающей с боков канавы, а тут как раз и взгляделись один в другого.

Тот, который шел от степи, принялся освобождаться от колеса, выдергивая из него руку, застрявшую между спицами. Другой же ширял себе в ноги палкой.

Потом старики стали ходить каждый по своей стороне, не ведая, как сойтись. Доска, служившая переходом через канаву, лежала на дне, кем-то туда сбитая, там масляно проблескивала ржавая лужа, остаток ночного дождя.

Старики суетились бессловесно, пробуя пройти туда и сюда, примерялись к препятствию, заглядывали вниз, на упавшую доску, пока оба враз не догадались идти вдоль проклятой канавы, огибая, обходя земельные кучи. Идти пришлось долго, к самому забору. Столкнулись они на спуске в лощину, грудь в грудь, обнялись, расцепились, стали подергивать плечами, похмыкивать и, взглядевшись друг в друга с новым вниманием, снова обнялись, притираясь сдавленными щеками, смагивая с глаз неподходящую в этот момент мокроту.

Потом они отошли к кустам и сели на штабель досок. То есть не сели, а лишь привалились задами.

Перед их взглядом до самой реки, опушенной зеленым тальником, весь земельный простор лежал необратимо нарушенным, бугрился кучами, как если бы сюда в прошедшую ночь совершилось нашествие со всего света кротов. Это были все землянки-пластовушки, бескрышие, плоские, едва поднимавшиеся над приречным склоном, матово, по-слепому поблескивавшие клинышками оконцев. Над всем пел грамофон:

Ты найди меня, ты найди
Среди ночи иль ясного дня.
Своей страстью меня опали,
Пусть сгорю от такого огня.

— Слепляется народ-то, стрижи будто, куда полетел, там и сел... — сказал старик с колесом, это был Алексей Алексеевич Зыбрин.

— Ну, рассказывай, рассказывай про жизнь-то свою, — торопил другой старик, это был Афанасий Нифонтович Бойченков. — В богачи ведь все метил! В куркули.

— Метил, да вот... Леший, выходит, тоже метил. — Алексей Алексеевич лихо дунул себе в ржавые усы и вдруг начал задираться: — А отчего бы и не это... Отчего бы и не ухватить кусок поболее? Курица и та вон... Головка с фигу, а тоже ищет камушек, какой блестит. Не всяку песчинку клюнет. А с блестящей чтобы камешек-то был.

— Вот-вот, тебя эти блестящие и манили. В куркули, брат, метил, в разложенный элемент, — Афанасий Нифонтович подтрунивал над другом.

— А чего ж. — Алексей Алексеевич даже языком поцокал. — А чего, кхе-кхе. Или рылом мы не вышли? Вот ты помешал... Ты мне всю жизнь мешал.

— Ох! — Теперь уж пришел черед развеселиться деду Афанасию Нифонтовичу, на его желтых иссохших щеках задвигались, порозовели рубцы. — Мешал я ему! Оттого и мешал... Да и не мешал я вовсе тебе. К свету тянул! Разобраться не можешь, классово сориентироваться...

— Сам-то ты, это... разобрался? Со-о... сориентировался, э-э, классово? Тянул, тянул и... вот вытянул. Хе! Чего вытянул? Тянульщики все вы! Тянульщики! — повторил Алексей Алексеевич и толкнул от себя колесо с нарушенной ступицей в сторону, проследил, как оно, жидко вихляя, покатило между надломленными кустами шиповника с сухими скрученными листьями и недозрелыми, тоже сухими, плодиками. Взял у Афанасия Нифонтовича палку и прочертил ею на куче влажного песка извилистую линию. — Вернулся я когда... — заговорил он снова. — Вернулся... Когда в хозяйство вошел...

Алексей Алексеевич еще поширял острием палки в куст, целясь в мертвые плодики.

— Когда, говорю, в хозяйство вошел... в силу... Тут-то они и объявились... Тянульщики. Вроде тебя. Обглядели. И подворье обошли, и пашню... А пашня-то мне как раз угодила, ну, что масло. Да... Пробовал, понимаешь, на всю лопату. Так вот, на всю лопату, с черенком вместе, как раз и чернозем. Ох, земляца! На ломоть хлебный мажь заместо масла, столько в ней жиру. Ярица колос свой не держала, гнулась... Ну и что? А то, что после зимы, когда скворец запел, они, значит, объявились. Говорю... Тянульщики!

— Ну-ну, — Афанасий Нифонтович выжидательно скрестил руки.

— Все у них в тетрадку красную записано. А потому: землю отдай, лобогрейку отдай, скотину отдай... — голос у Алексея Алексеевича начал булькать. — Постройку отдай туда же. Кому? Честному трудовому народу, говорят. А я, значит, интересуюсь... А я что ж, интересуюсь, не трудовой? Не честный народ я с бабой и с ребятами? Тут я было за топор... Да того... А умный-то человек шепнул. Помнишь, говорит, как с Изосимом вышло? А это как раз я помнил. Изосим — староста наш деревенский был, в Оскомкине. Однорукый. На японской ему отбили руку. Когда раскулачивали его, то баба, Ульяна, дура, с вилами кидалась. Сам-то Изосим телок телком, молчал, смирный. А она кидалась. Повязали ее. Все и дела. Только после такого шума Изосима в город отвезли, в тюрьму, в расход... А бабу, Ульяну-то, дуру, с оравой ребятешек отдельно — на выселки... Про это я подумал и, значит, убрал топор. Добровольно, спрашивают, отдаешь, как осозавший? Это мне как раз и зачли, что добровольно, осозавший. А то бы как Изосима... А выселку-то назначили уж недалекую — в Пихтовскую волость. В самые те болотины, в гнус.

Алексей Алексеевич опять почертил палкой линию на песке, откуда выкатились бегучие, с золотыми спинками, два жучка.

— Красная тетрадка... Она все про всякого мужика знает. И про то, что в лавке солью торговал... и что при унтере Хвылеве извозным служил.

— А про то, что в каторге был за наше дело? Про то, что... Ну, про все?!. — Афанасий Нифонтович напрягся.

— Нет, про то в тетрадке нету, — отвечал Алексей Алексеевич. — Тетрадка в один бок глядит. У нее один глаз. — И Алексей Алексеевич опять развеселился: дурачась, он прикрыл половину своей косматой физиономии ладонью. — Вот так. Один глаз. Второго нету. И не было. Рыба, говорят, такая в Амуре живет. Из моря заплыла. Оттуда, где японцы. Плывет по этому самому Амуру, на берег глядит. Китайца видит, а наших — нет. Или же наоборот: наших видит, а китайца — нет.

— Слушай, Зыбрин, перестань ерничать. — Афанасий Нифонтович распрямил себя. — Что-то я не слышал о такой рыбе. Ерничашь! Рассказывай, что дальше-то с тобой, — почти приказал он. — В подкулачники, что ли, угодил?

Алексей Алексеевич с упрямством, щепотью, потянул себя за бороду, как бы это была не его, а совсем чужая борода.

— А ты-то сам где?.. — спросил он. — Ты-то сам куда угодил?

— Ну, я... Что я? По-всякому было, — оглянулся назад Афанасий Нифонтович и стал кашлять. В кашле дергалась у него не только голова, а и весь он ходуном стал ходить. Очень долго он так освобождался от того, что подпирало ему грудь и горло. Потом он принялся скручивать папиросу, соря на землю табаком.

— В Москву-то разве тебя не взяли? — напомнил Алексей Алексеевич. — В Кремль в тот, где самые важные...

— Нет, не взяли.

— Эт уж зря, — искренне обиделся за друга Алексей Алексеевич. — Зря-а. Там бы и сидел. Как раз бы заодно и подлечился. Доктора там не наши. Ишь, как бухаешь. Моя старуха как занедужит, так и попрекает: нет, говорит, у тебя, старичок, никакого сродственника в огепеу, то бы я, говорит, в Москву к докторам поехала. У кого сродственник в огепеу, те все ездят...

— Чем кормишься? — перебил Афанасий Нифонтович.

— Сторожу вот. У этого забора сторожу. Доски да бревна... Их и сторожу. Тем и кормимся со старухой. Да еще полы в конторе старуха моет. Живем... Для брюха хватает, а для души чтобы... Про душу-то кто ж нынче уж поминает? Детей порассовали. Устинка вот женился, отдельно от нас теперь. Тут он, на стройке же, в барачишке... Дочь, Евгению, младшенькую, замуж выдали. Из хохлов зять-то. Из Полтавы. Парень добрый, тут службу солдатскую он служил...

— На лесоскладе сторожишь? — удивление собрало складки на голом черепе Афанасия Нифонтовича. — Так ведь и я на лесоскладе... Как же мы с тобой не виделись раньше? Я тут с самой зимы.

— Ты?.. На лесоскладе?! — Алексей Алексеевич потопал старыми опухшими ногами, будто собрался бежать.

— Тоже, как и ты... Сторожу. Только я не с этой стороны, а с той, на дровяной половине.

— Ты? На дровяной половине? — Алексей Алексеевич все топал тяжело сапогами, как бы имитировал бег, но бежать никуда не бежал. — Сторожишь?.. Как же это? Ужель, э-э... лучшего места тебе не подобралось? Или, это... И живешь в пластовушке?

— Нет, живу не в пластовушке. В бараке живу, — глаза Афанасия Нифонтовича спрятались под веками. — На четверых у нас комната.

— Ага, семья, значит.

— Нет... Бобылей... нас, бобылей, четверо... Нормально и логично.

Алексей Алексеевич больше ни о чем не спрашивал. Сидел нахоленно, взъерошенно. Золотистые жучки, завалившись в бороздку, не могли из нее выбраться, сыпучий песок обваливался и накрывал их, запрокидывая назад, вверх лапками.

— А? — не понял Алексей Алексеевич мудреного слова «логично». — А я слышал, ты где-то в губкоме. На самые важные... на важные бумаги резолюции будто с печатями накладываешь.

Афанасий Нифонтович надавами пальцев сгонял складки со лба на темя. Сказал:

— Ладно... Не будем об этом. Жизнь... Ты же сам говоришь, что рыба в Амуре с одним глазом есть. То китайца видит, то нашего мужика. А вместе никак не может увидеть.

— Вот, вот, вот, — заширял палкой в землю Алексей Алексеевич, мотая бородой. — Вот, вот...

Он наконец-то оторвал зад от досок, зачем-то обежал трусцой во круг шиповникового куста. Остановился и усмешливо уколол Афанасия Нифонтовича косым взглядом:

— А на паровозе-то как мы тогда, помнишь? Э-э, с ветерком. Помнишь?

Афанасий Нифонтович поприжал черным, похожим на сухой еловый сучок пальцем свою нижнюю губу, оголил пустые десны.

Алексей Алексеевич переложил палку из правой руки в левую, а правую, сжав в кулак, поднял и повертел перед собой.

Кулак очень походил на подкопченный чугунок, и Алешка вертел, чтобы, должно, удостовериться в этом. Ну то есть что на чугунок, а не что-то еще. Этим кулачищем он тогда в ярости лишил друга зубов.

Глаза Афанасия Нифонтовича обострились ироничной улыбкой, он перестал щупать губу.

— Дорасскажу уж я тебе... — согласился Алексей Алексеевич. — Дорасскажу про заветное свое... как было. Ну, повезли нас в повозке туда, в Пихтовку ту самую. Сопровождальщик при нас. Доглядальщик. В дрожках он, кобылка у него резвая. Слякоть весенняя как раз. Как вспомню, так и обидно, и смешно. Зачем бы им уж так подгонять.

По той разрядке. Погодили бы, когда просохнет. Нет, им скоро надо. Ну, скоро так скоро. И мне тоже к одному какому-то концу... Чего выжидать? Баба воеет, дочь Евгешка по углам прячется, парень в глаза не глядит. Ехать так ехать. На выселки так на выселки. Шумлю бабе: чего ревешь-то? Не одни там будем, там тоже какой-никакой, да народ. Это раньше, когда вора вывозили из деревни, его одного в лесу, среди зверья, поселяли. А мы-то не воры, ничего у людей не уворовали. Не родня мы какому-то Челгуну. Так я бабе говорю... Ну, поехали. А дождь как раз. Пока по одной дороге ехали — ничего, а как повернули на пихтовскую, так и началось. Из колдбины на ухаб, из ухаба да в колдобину. И вовсе сели. Ночь сырая. Сопровождающий попрыгал, попрыгал да и говорит: ладно, тут недалеко осталось, скоро петухов будет слышно, сами доедете, доверяю. И бумагу дал: по этой, говорит, бумаге вам там место отведут. И с тем укатил на своих дрожках назад. Только затылком, шапкой мелькнул. По той бумаге, оставленной им, я увидел, что не в самую Пихтовку нас гонят, а дальше, в объезд, стороной надо... Сидим мы, это, под деревом, какую-никакую крышу над головой наладили из прутьев. Сидим. Ночь переждали. Так вот... Огонь пробую развести. А кругом мокрота, дрова не горят. Береста возьмется, пыхнет, а полешки мокротой сочатся. На бабу страхи напали. И верно: в тот год медведи рано стали ходить, с тощим пустым брюхом до самого покоса шатались, шатуны будто. Чтобы где человека тронули — не слышно было, а на скот, на лошадей нападали и под самой деревней, в поскотине. Та-ак. Рассвело. Повозку вытащили... Ее за ночь-то затянуло, засосало. Вагой едва выколупнули. Дальше поехали. Но куда там! С версту отъехали, не больше, опять вагой пришлось поднимать повозку. До сухого бугра дотянули, лошадь кормить пора. Распряг. Гляжу на животину, бока ходят, будто мехи в кузне, и щиколотки побиты. Одну лошаденку-то мне оставили. Остальных трех, какие покрепше, забрали. Пока кормилась лошаденка-то, грызла по кочкам вместе с землей зелень, травка весенняя-то всего с ноготок, и опять уж сумерки. И еще потом ночь... Уши топырим, на дерево залазим, а петухов не слышно. А в третью ночь мне и стукнуло помышление: куда ж я это еду и кто меня, дурака, гонит? И так как это соображение из меня уж больше не выходило, то скажу я тебе... Скажу, такая раскованность на меня напала, ну, навроде той, как в паровозе тогда... Помнишь? — Алексей Алексеевич открыто, по-доброму засмеялся, приглашая засмеяться и друга.

Но Афанасий Нифонтович насупливался, шевелил пустым темным ртом, левая скула у него обострилась так, что, казалось, выпирающая над впалой щекой изнутри кость прорвет истертую посеревшую кожу.

— Соображение, говорю, раз в голову стукнуло, то и рискованность, искушение, говорю, в душу вошло. Повернул лошадь и давай я

ее понужать. И ведь ухабы, бочажины те же самые, а тянет, где и впри- скачь, — понимает, что назад. Ну, свою деревню стороной объехали да все берегом, берегом... И сюда. Тут-то никакой бумаги не понадо- билось. И к тому же знакомого повстречал — Тупальского Вениамина Марковича, в начальствах он тут. Свой человек, распоряжение насчет меня дал. Мирон Мироныч здесь же был, Вербук, в прошлую зиму помер... Царство ему. Народу — большая тыща. Кто откуда, куда? Не понять. Одним словом, стройка... новая пролетарская жизнь...

— Ну?

— А чего «ну»? Землянку вон из пластов наладили да и живем. Та вон, какая углом сюда, землянка-то, под берегом... Рабочий класс. Пролетарий. Доподлинный. Для брюха есть. А для души чтобы, ну... По праздникам с молодыми на народ хожу. Выпью да и тоже шумлю насчет этого... насчет, ну... лозунги разные. Про то время, когда рабо- тать уж никому не надо будет, ни пахать, ни сеять, а только есть будем да плясать... Лозунги.

— Эт ты зря. — Кадык на сухожильной шее Афанасия Нифон- товича быстро-быстро задвигался, челнок как бы. Не мог Афанасий Нифонтович не обидеться кровно, конечно, не мог, потому как тогда уже было понятно всем (кроме разве этого укрывшегося подкулачника Зыбрина), понятно, что у нас лучшие в мире рабочие, самые образцо- вые дела, самая верная идеология... — На демонстрацию выпивши... Не годится. Зря ты это кощунствуешь, Зыбрин.

— А чего эт ты меня учишь? Наставления... чего? — Алексей Алексеевич вдруг набычился, выставляя локти. — Сам сторож, а ту- да же...

— Зря-а. — Кожа на левой скуле Афанасия Нифонтовича натя- гивалась пуще, серела пепельно, словно истлевала.

— А чего поучать? Чего? Всю жизнь ты такой вот... Так вот! В душу да в душу...

— Оттого и поучаю... — Голос у Афанасия Нифонтовича отвер- дел, а скула совсем уж выпирала острым клином. — Поучаю оттого, что веры в тебе, Зыбрин, никогда настоящей не было. В попутчики вот пристроился. Понял?

— Чего эт я еще должен понять? Какой эт еще веры? — вовсе взвинтился Алексей Алексеевич, соскочил с досок.

— А той самой! — Старик Афанасий Нифонтович неподкупно отчуждался, вырастал, костенел.

— Дровяник ты несчастный! — не сдержался Алексей Алексе- евич и опять трусцой зачем-то обежал шиповниковый куст по кругу дважды, туда и обратно. — Тебе и сторожить-то... — выдохнул он за- пыханно, — тебе и сторожить одни... одни дрова суковатые доверено. Поучальщик еще мне!

— Не было в тебе веры в наше общее...

— За меня в жизни кто работал? Кто? Ответ! — напирал Алексей Алексеевич, воспламеняясь утробным негодованием и чувствуя себя опять рискованым, молодым, прежним Алешкой. — За меня кто что делал?! Напутали! Путаники несчастные! Поуча-альщики!..

— Веры в тебе никогда не было, — повторял, уличая, Афанасий Нифонтович, голос его опять сходил на хрип, бульканье. Сдерживание в горле кашля налило его шишкастый череп кровью.

Так они петушились один перед другим, пока Алешка не сказал: «А иди-ка ты...» — присовокупив к этому еще немного известных в просторечии слов — и не кинул Афанасию Нифонтовичу его палку.

Пошли они от забора по разным сторонам той же канавы, вдоль какой шли прежде к забору, по пути кидая один в другого гневливые взгляды.

Дежуря эту ночь каждый на своей половине лесного склада, старики тихо, беззвучными силуэтами подходили к меже и в душевной смуте и в надежде тянулись шеями за пределы межи, в густой мрак.

«Где-то он там, этот самый?..» — думал один старик.

«Где-то он?..» — думал другой старик.

Утром же на красный двукумбовый стол местного уполномоченного НКВД, широкоскулого калмыка, выжженного изнутри до прозрачности святым огнем революции, легло заявление, по всей форме составленное, подписанное охранником топливного материала лесного склада А. Н. Бойченковым. В заявлении указывалось, что «в объект передовой социалистической стройки проник элемент беспринципный, агитатор буржуазных старорежимных устоев, разложенец, не осознавший и не приемлющий коммунистического идеала...»

В тот же день А. А. Зыбрина, сидевшего в своей землянушке у низкого оконца, починявшего жене казенный ботинок, взяли трое с открытыми наганами и так же с наготовленными наганами вели его через все глинистые бугры стройки, привлекая зевак. И суд был скорый, на земляной площади, охваченной милицией и занятой согласным народом, который освободился для кратковременного отдыха от исполнения трудового долга. Выездной тот суд присудил высшую меру, но с оставлением в неприкасаемости не замеченного в противополитических поступках сына, в доказательство справедливого принципа, что дети за отца не ответчики.

А к вдове расстрелянного было проявлено неслыханное в практике милосердие: ей разрешили забрать тело мужа и самой захоронить по ее свободному гражданскому усмотрению.

Погребен был таким образом Алешка, Алексей Алексеевич Зыбрин, на городском центральном кладбище, что в полутора кварталах от основанной им в старом Новониколаевске, нынешнем Новосибирске, улицы Ермака. На поминках знавшие его с молодости старухи,

моргая сухими глазами, судили: страдалец и горемычен он оттого был, что господу богу противился, зубоскал в молодости был. А другие прибавляли: душой он был текуч, вот чего!

Год спустя в соседстве с ним за штaketниковой оградкой был захоронен и Афанасий, Афанасий Нифонтович Бойченков, про него уж ничего старухи не сказали, молчали, только озирались, настороженные...

Смутно, но вот и по сегодня помню я их мореные, с неотесанными гранями из вековой лиственницы кресты, они продержались до войны. Смутно помню тот тридцать какой-то год...

Теперь там увеселительное место — парк культуры. Живые новые люди пляшут и смеются. В забвении прошлого и в полном неведении будущего.

1985—2004 гг.

Светлана КЕКОВА

**«КНИГИ ПАМЯТИ
ВСЕ ПЕРЕЧИТАНЫ...»**

* * *

1.

Ветер, словно котенок подброшенный, тычется
в дверь забытого дома, и музыку сфер
тихо слушают вечером ива-язычница,
и хлыстовка-осина, и дуб-старовер.

Горизонт на закате становится пламенным,
и опять невозможно нам слушать без слез,
как восславила Господа пением знаменным
молодая семья православных берез.

2.

Как стрекочут сороки-завистницы!
Даже слушать я их не хочу:
тихо осень достала из ризницы
для берез золотую парчу.

Лес как церковь стоит с прихожанами,
и дубы — как монахи в миру,
и хитонами светят багряными
две осины и клен на юру.

Птицы — легкого воздуха пленники —
в небесах оставляют следы.
Спят линии — золотые священники
в многоярусном храме воды.

Я узнала, что небо безбрежное
ночью учится мир обнимать,
как Дитя обнимает безгрешное
рано утром безгрешная Мать.

3.

Книги памяти все перечитаны,
груз промчавшейся жизни тяжел...
Все каштаны и липы посчитаны
у семейства заботливых пчел.

В улье тесном, как в домике, сгрудятся,
примут молча цветения дар.
Знаю — пчелы для вечности трудятся,
собирая пахучий нектар.

Ночь. Не спят соловьи сумасшедшие,
и душа, словно птица, поет,
превращая навеки ушедшее
в вихри музыки,
в сладостный мед.

* * *

Листья сонных деревьев
колеблет воздушный поток.
Жук лежит на земле,
обнимая каштана цветок.

Видно, ветер подул —
жук со свечки каштана упал,
где, обнявшись с цветком,
он как будто бы грезил. Иль спал.

Он летел сквозь пространство —
теперь на него погляди:
жук лежит на спине
с ароматным цветком на груди,

он решил, что паденье
сегодня задумал он сам,
и беспомощно лапы
вздывает к пустым небесам.

* * *

Татьяне

Спит шиповник в саду, как попавший на Русь персиянин,
и сегодняшний день — не обычный, мой друг, а Татьянин,
и в сегодняшний день мы обычные бросим дела...
Только жаль, что сирень отсыяла уже, отцвела.

Смотрит трезвенник-клен на жасмин, на каштан полупьяный,
видит радостный сон та, кого величают Татьяной.
В завихреньях пространства есть времени тайный изгиб...
Снится ей, что отец
на войне не пропал, не погиб.

Где-то там, в облаках, он затертую ставит пластинку —
и летят, словно ангелы, Пушкин с Чайковским в обнимку,
и о чем-то они говорят, говорят на лету
про июнь, про Татьяну, про альый шиповник в цвету.

* * *

Сергею Шестакову

1.

Завершается март. За окошком ликует капель,
только небо с землей удивительно сдержанны в красках...
«Здесь страдают и ждут», — нашу жизнь подытожил Клодель,
и по вымершим улицам движутся призраки в масках.

Парк закрыт городской. Скверам тоже грозит карантин.
Полицейский наряд по приказу устроил облаву,
и стоят старики — персонажи забытых картин,
где суровый конвой арестантов ведет на расправу.

И покуда Клодель белых бабочек ловит в сачок,
и пока старики отдыхают на жестких диванах,
сквозь пространство и время чудесный летит башмачок —
и атласную туфельку ловит Георгий Иванов.

2.

Идет Чартков к картинной лавочке,
в подъезде прячется Раскольников,
поэты, как ночные бабочки,
в который раз пугают школьников.

Ах, эти мотыльки и бражники,
они напрасно жизнь растратили...
«Где деньги их? Где их бумажники?» —
кричат простые обыватели.

Но призраки, воскреснув заново,
бледны, как муза эмигрантская:
молчит Пульхерия Ивановна
да Маша, дочка капитанская.

ЧУДО В КОРНЕЕВКЕ

1.

Где-то в поле диком скачут всадники —
Там идет великая война.
Только в деревенском палисаднике
На траве роса — как пелена.

На траве роса, как влага слезная —
Плач о тех, кто мучится в аду,
Или, может, знамение грозное
В роковом семнадцатом году.

Нужно путь искать — а путь не ищется,
Всюду смерть — Кошьева игла...
И звездой с небес сошла Владычица,
Молча в землю русскую легла.

Сколько ж нужно образу нетленному
В каменной могиле пролежать?

...Ночью одному мадьяру пленному
Божия во сне явилась Мать.

Повела его на поле дикое,
Где лежит гора сухих костей,
Показала место невеликое,
От земных сокрытое властей,

И сказала: «Я Своей иконою
Здесь лежу как бы в земном плену,
Но через твое виденье сонное
Я явлюсь народу моему».

2. Монолог Петра Чердаша на заброшенном гумне у разрушенной половни

Посмотри, Господь, как засохла кора земная,
 На сухие кости похожа она, на камень.
 Только сердце знает: под нею — земля иная:
 Там лежит икона — и к небу восходит пламень.
 Я долблю суглинок, долблю до седьмого пота,
 Я в бурьяне пыльном скрываюсь в белье исподнем,
 Потому что Богу угодна моя работа —
 Я, земной и грешный, в уделе стою Господнем.
 Я — солдат плененный, я — эхо чужого стона...
 У половни старой стоит одинокий тополь.
 А в плену земном, словно узник, лежит икона,
 Что спасла когда-то от смерти Константинополь.

И с иконы этой смиренная Матерь Божья,
 Исцеляя души, испанцев звала на битву...
 Я вдыхаю воздух, он пахнет пшеницей, рожью,
 Я долблю суглинок и тихо шепчу молитву.

3. Второй монолог Петра Чердаша

Прошлое мое — в тумане тонком:
 Я от смерти на войне спасен...
 Помнится, что я еще ребенком
 Видел ночью некий странный сон.

Снилось мне, что я живу в России,
 В маленькой деревне Родники* —
 Там дожди слепые моросили
 И туман клубился у реки.

И встречали колокольным звоном
 Крестный ход до церкви Покрова
 Люди, камни, ангелы, трава,
 Чудотворным кланяясь иконам...

* Родники — другое название села Корнеевки.

4. Три иконы

Царь-страстотерпец лишился своей короны,
Русь погибала, и в эти-то дни и месяцы
Были народу
Дарованы три иконы,
Брошены с неба три райских небесных лестницы.
В марте, второго дня, появилась главная
Ангелов весть —
Богородица к нам Державная
Лик обратила дивный — и чадо малое
Видит Царицы нашей одежду алую.
Образ другой — Богородица Ковадонгская
(В нашей России-матушке — Родниковская).
Третья икона — не Дева на ней Воительница,
А Избавительница от бед,
Избавительница...

Валерий КОПНИНОВ

АРИЯ МОСКОВСКОГО ГОСТЯ

Р а с с к а з ы

Ария московского гостя

В ночных телефонных звонках есть что-то неправильное. Редко когда такому событию обрадуешься. Пока добежишь до аппарата — всякое подумаешь. Да еще спросонья. Принято считать, что хорошие вести не нуждаются в быстрой доставке, а дурные — всегда самые срочные. И когда Пашку подняла с постели настойчивая трель, в неразберихе еще спящего сознания первым зашевелилось беспокойство.

Оказалось, напрасно. Хотя звонок и получился неожиданным, но в конечном итоге Пашку даже порадовал. Звонившим оказался его старинный дружок Мишка. Они когда-то учились в одном классе и в детстве были, что называется, не разлей вода. Вместе проводили почти все свободное время, на уроках сидели за одной партой и даже соседствовали по алфавиту в классном журнале на букву «л» — Пашка Логинов и Мишка Лопатин.

— Дрыхнешь, поди? Разбудил? — весело кричал Мишка в трубку. — Это сколько сейчас времени на просторах Алтая?

Уже давно Мишка жил в Москве. А началось все с армии — служил в Подмосковье. Затем пристроился в милицию в самой столице. Ну а из милиции как-то переметнулся в деловой мир мегаполиса. Пашка толком не знал всех тонкостей Мишкиной карьеры — зацепившись за Белокаменную, школьный товарищ на связь выходить перестал.

— Да черт его знает, — отвечал Пашка, не сумев с ходу сориентироваться. — Ночь у нас...

— Ладно, мотай на ус!

Быстро и по-деловому Мишка разъяснил, что прилетает в их родной город всего на сутки по семейным делам, хочет повидаться, и назвал адрес своей тетушки, где его нужно будет «вырвать из цепких лап родственников часиков в одиннадцать вечера».

— А тебя отдадут? — засомневался Пашка.

— Стану я спрашивать! Двадцать четыре часа вдали от дома и семейных уз не должны быть потрачены впустую. Днем — дела, а потом... ха-ха-ха, давай-ка молодость вспомним. Ты как? Не слышу радости в твоём сопении! Идет? Что нам ещё остается, молодым да красивым? Все понял? Ну, бывай!

Пашка едва успел открыть рот, чтобы как-то выразить свое радостное согласие, но в трубке, обгоняя друг друга, уже мчались короткие гудки.

Прошлепав босыми ногами на кухню, Пашка включил свет и оценил обстановку: «Та-а-ак... Времени без пяти три, а сна ни в одном глазу. Теперь даже если лягу, усну вряд ли, разве что к утру, когда уже нужно будет вставать. Да и ладно! Подумаешь — сон. Тут вон какие дела разворачиваются».

Подойдя к окну, Пашка ткнулся носом в стекло и уставился в сумрак двора с наклеенными по густой темноте светящимися окнами дома-близнеца напротив.

Искусственная подсветка городской ночи завораживала Пашку и одновременно давала внутреннее спокойствие. Уличные фонари, огни неспящих квартир, фары одиноких машин, разноцветные рекламные конструкции — все это, словно молоко, влитое в кофе, разбавляло тяжесть темноты.

А еще иногда ему чудилось, что именно такими световыми пятнами больших и малых городов мерцало в космосе развернувшееся в ночь полушарие Земли.

И сейчас Пашкина фантазия, ориентируясь по этим огонькам, побежала далеко за соседний дом, в глубину страны, через тысячи километров просторно раскинувшейся Сибири, потом, миновав великий Урал, полетела за Волгу до самой Москвы.

«А в Москве, — думал он, — Мишка сейчас садится в самолет, чтобы за три часа перемахнуть все это расстояние. До города детства. И сдается мне, что это для него будет полет из настоящего в прошлое, ни больше и ни меньше. Как будто на машине времени. Ну надо же... Прогресс на службе человека».

Москва. Пашке нравился этот далекий от его родных мест, чужой и вместе с тем определенно свой город, город-великан, чьей широкой души хватало на всех, и на Пашку в том числе. И хотя бывал он в столице крайне редко — все равно, приезжая по какому-нибудь случаю, обязательно выбирался на Красную площадь, бродил по Патриаршим прудам или Чистопрудному бульвару, а если хватало времени, пешком доходил от Чистых прудов до Богоявленского собора, в котором крестился не кто-нибудь — сам Александр Сергеевич Пушкин, о чем извещала скромная памятная доска на стене этого невеликого старинного

пятикупольного храма, обтекаемого, словно островок на реке, с одной стороны тихим Елоховским проездом, а с другой — шумной Спартак-овской улицей, насыщенной равнодушно порывающимися машинами и рассыпающимися электрические сполохи троллейбусами.

Лет восемь назад, собираясь в Москву в рабочую командировку, Пашка задумал разыскать там Мишку и сунулся к его родителям за адресом.

Мишкины родители, тетя Тоня и дядя Коля, уже давным-давно переехали из старенького, беленного красным колером двухэтажного шлаколитого барака, принадлежавшего трамвайному депо. Барак снесли, они получили квартиру на окраине города в спальном районе и «потерялись из вида». Но Пашка, помогавший им перевозить вещи в новую квартиру, дорогу запомнил и быстро разыскал их в порядкем разросшемся жилком массиве.

— Что ты, Паша, да разве же к нему можно теперь, — запримечала тетя Тоня, узнав о Пашкиных планах. — Он ведь у родителей жены прописан, а те — не очень жалуют его, мол, босяк из деревни. А где же из деревни, Паша? Город-то наш большой, и театры есть — пожалуйста, и университет! Ох, Пашенька, испереживалась я вся, ночами не сплю. Мы всего-то с Колей, что называется, на другую улицу переехали — и то, как вырванный куст, все прижиться не можем на новом месте. А как он там, в Москве этой? Да еще у чужих людей. Ты уж, Паша, повремени, глядишь — свою квартирку справят. Вот тогда...

А какие слова добавил дядя Коля в адрес новых сватов да и в Мишкин адрес тоже — на то можно намекнуть только длинным многоточием.

То, что дядя Коля являлся мастером непечатного слова, Пашка знал из собственного опыта. Однажды вместе с Мишкой и парой одноклассников они выдули добрую половину бражки из сорокалитровой алюминиевой фляги, поставленной на дяди-Колин день рождения. Так получилось — хотели по кружечке и увлеклись. Чтобы замести следы, убыль восполнили обычной водопроводной водой. Когда гости, пришедшие через несколько дней на застолье, раскритиковали невызревшее пойло, дядя Коля быстро вычислил виновных. И Пашка, зайдя вскорости к Мишке домой, услышал на тему «алкашей-недоносков» много новых слов и некоторые впоследствии употреблял для усиления речи.

Дядя Коля с тетей Тоней частенько вспоминали эту «бражную» историю, но уже со смехом. Пашка про ситуацию с выпитой брагой тоже не забывал, при случае рассказывая ее почти как анекдот с добавлением новых, присочиненных подробностей. К Мишкиным родителям Пашка всегда относился по-доброму, не обижаясь на их ворчание. Оно было беззлобным, и, выдав очередную порцию «критики»,

Пашку всегда усаживали за стол и кормили до отвала, а по достижении им относительно взрослого возраста и рюмочку могли поднести в честь праздника. Может быть, это выглядело и непедagogично, но тетя Тоня и дядя Коля считали, что пусть лучше парнишки выпьют дома и поедят как следует, чем будут глушить дешёвый портвейн по закоулкам, занюхивая выпитое рукавом рубашки.

А в первый раз Мишкины родители предложили Пашке выпить напитка более крепкого, чем чай или компот, когда он учился в десятом классе. Накануне Нового года они с Мишкой собрались идти в лес за сосенками. В то время новогодние елки входили в бесчисленный список дефицитных товаров, и поэтому небольшие сосенки вполне подходили для праздничного украшения квартиры. А поскольку район, где жили Пашка с Мишкой, примыкал к сосновому лесу — большинство местных жителей, не мудрствуя лукаво, отправлялись в лес под покровом темноты и, поорудовав топором, доставляли в дом выбранную зеленую красавицу.

На сосновый промысел Мишка резонно предложил выдвигаться из его дома, который находился всего в полукилометре от леса. Пашка пришел, одевшись для случая потеплее. Дождавшись, когда стемнеет, они быстренько собрались «на дело».

В принципе, для добычи сосенок достаточно было небольшого топорика — его они и позаимствовали в инструментальном ящике дяди Коли. Не найдя лучшего места, Пашка в целях конспирации засунул ненужный до времени топорик в рукав, а Мишка, любивший эффекты, спрятал за голенище валенка еще и отцовский охотничий нож. Мишкины родители, зная о задуманном, вышли проводить мальчишек, и дядя Коля, бегло осмотрев сына, нож тут же изъял, сказав: «Хватит вам топора, который все равно придется бросить, чтобы легче было убегать, когда встретите лесника». А тетя Тоня, сохраняя серьезное лицо, посоветовала не рубить слишком больших деревьев, «а не то пуп от натуги развяжется». С тем и расстались.

Чтобы попасть в лес, Пашке с Мишкой предстояло по трубе водопроводной магистрали перейти речушку, не замерзающую из-за промышленных стоков даже в сильные морозы, и подняться по косогору, с которого начиналось старое городское кладбище.

Поначалу они довольно бодро и смело шли к лесу, лавируя между занесенными снегом, полуразвалившимися, а местами превратившимися почти в труху могильными оградками и памятниками, но постепенно место бодрости в Пашкиной и Мишкиной душах начала занимать естественная боязнь ночного кладбища. О том, чтобы вернуться, не могло быть и речи, и, подбадривая друг друга шуточками, они продвигались дальше.

Но буквально с каждым шагом смех становился все неестественнее, а голоса все тише.

Ночь выдалась лунной, и этот разлитый по заснеженному склону холодный свет, с одной стороны, помогал Пашке с Мишкой, хорошо освещая уходящее в лес кладбище, а с другой — делал их самих видимыми как на ладони. Да еще затвердевший от морозов наст звучно хрустел под ногами, и его эхо звучало как встречные шаги.

Пашка и Мишка то и дело останавливались, пытаясь уловить в утробе сгущающейся за соснами бесформенной темноты присутствие человека или даже зверя. Честно сказать, наличие в этом месте привидений тоже не сбрасывалось со счетов. Вслушиваясь и всматриваясь в пространство между подсвеченными луной янтарными сосновыми стволами, они замирали, как два столбика, и, не ощущая холода, беззвучно стояли по несколько минут, и только пар их дыханий выдавал в этих столбиках притаившихся мальчишек.

И лес, словно чувствуя их состояние, давал большую пищу для воображения, кряхтя лопающейся на морозе древесиной, шурша попавшими в воздушные потоки отслоившимися шкурками коры и мельтеша теньями от раскачивающихся молодых сосен с растопыренными, как руки, ветками.

Вдруг Мишка рухнул, точно подкошенный. Пашка мгновенно сделал то же самое и потихоньку пополз к Мишке, зачерпывая снег голенищами валенок. Поравнявшись с Мишкой, Пашка легонько ткнул его кулаком в бок.

— Там, — приподняв голову и указывая пальцем перед собой, прошептал Мишка, — кто-то стоит...

Пашка посмотрел в сторону, указанную Мишкой, и увидел, что метрах в пятидесяти от них между двух завалившихся могильных оградок стоит высокий человек. Похоже — мужик в сдвинутой набекрень шапке. На то, что это действительно человек, указывал пар от дыхания, хорошо видный в лунном свете.

— Что будем делать? — тихо спросил Пашка, подавляя желание рвануть во все лопатки с чертова кладбища.

— Давай подождем, — подумав, ответил Мишка. — Этот гад все равно когда-нибудь уйдет.

Они терпеливо ждали, пока холод не пробрался в самые внутренности. Мужик не уходил, оставаясь стоять в той же задумчивой позе и глядя в сторону петляющей под горкой реки.

— Вот зараза, батя нож забрал... Дай мне топор, — зашептал, пристукивая зубами, Мишка. — Я подползу поближе и посмотрю, что за хмырь...

— Я сам, — ответил Пашка и, коряво сгибая замерзшие руки и ноги, пополз вперед.

Продвигаясь метр за метром по предательски похрустывающему насту, Пашка, лихорадочно соображая, не придумал ничего лучшего — если мужик бросится на него, он вскочит и, выхватив топор, с ка-

ким-нибудь дурным криком наподобие «А ну стоять, сучара!» напугает мужика. Возьмет, как говорится, на арапа.

Рядом пыхтел Мишка, тоже настроенный решительно.

Расстояние сокращалось. А мужик в своей лихо заломленной шапке продолжал стоять, спокойно дыша и не обращая никакого внимания на события вокруг.

— Чтоб тебя... — выругался Мишка, мастерски процитировав своего отца.

Мишка ругался не так уж часто, но сейчас было отчего. Вблизи задумчивый мужик оказался высоким надгробным крестом с висящим на макушке венком из искусственных цветов, принятым за шапку. А испарение от незамерзающей речушки, подходившей в этом месте совсем близко к кладбищу, в лунном свете — его не зря считают магическим и таинственным — прочиталось как пар, идущий изо рта.

Испытав огромное облегчение, Пашка и Мишка вырубili две ровные со всех сторон сосенки и быстренько двинули домой. Но на этом мытарства их не закончились. На обратном пути Мишка оступись и упал в воду, когда они переходили по трубе через речку. К счастью — неглубокую.

Пашка кинул свою сосенку на берег и, сев верхом на трубу, вытащил сначала Мишкино деревце, которое тот не выпускал из рук и держал над головой, а потом помог выбраться самому Мишке.

Встретив ребят, трясущихся от холода, увешанных мелкими сосульками, примерзшими к одежде, и оценив лужу, растекающуюся вокруг Мишкиных валенок, тетя Тоня и дядя Коля без лишних слов усадили их за стол. Тетя Тоня, бросив Мишке краткую характеристику: «Большой, а без гармошки!», ничего добавлять к сказанному не стала и поставила варить пельмени, а дядя Коля налил им по большой, стограммовой стопке самогона собственного производства и потом, под пельмени, еще по одной.

Возможно, это было первое признание родителями их, Мишки с Пашкой, взрослости и равенства с собой. А ведь и сами тетя Тоня и дядя Коля были тогда еще совсем не старыми.

И вот недавно дядя Коля умер. Пашка узнал об этом случайно, от каких-то полужнакомых людей. Сказали: что-то с сердцем. Возможно, инфаркт.

Просиживая остаток ночи на кухне и подбадривая себя крепким чаем, Пашка в какой-то момент не выдержал бессельности своего сидения и полез на антресоли, где среди старых книг хранились альбомы с фотографиями. Благо, что жена с дочкой были у тещи — уехали дышать деревенским воздухом, а заодно приобщиться к засолке подоспевших на тещином огороде огурцов. Поэтому Пашка мог спокойно хозяйничать, не боясь разбудить домашних в ночную пору.

«Вот и моя машина времени, да почище, чем у Мишки, — радостно подумал он, кладя на стол выбранный из общей стопки школьный альбом. — А ну-ка!»

И Пашка аккуратно, но весомо опустил растопыренную ладонь на лежащий перед ним фотоальбом, выбив из него облако пыли.

— Пыль веков! — заговорил он вслух. — Необходимы археологические раскопки.

Пашка, склонившись над столом, принялся перебирать старые фотографии, оживающие для него воспоминаниями о событиях школьной поры, радуясь почти над каждым снимком оттого, что всплывающие из памяти эпизоды были настолько подробными, словно все происходило не «страшно подумать, сколько лет назад», а совсем недавно.

Вся далекая и одновременно близкая школьная жизнь замерла на картонных прямоугольничках и открывалась Пашке нечетким, любительским изображением. Но для него все это размытое детство шумело живыми голосами: Мишки и Вероники, учителя физкультуры Василь Васильича и Наташи-пионервожатой, а также всего остального человечества, населявшего в те годы его школу.

«Какие мы тут молоденькие! — думал Пашка. — А сейчас уже — охо-хо-хо. Вот Валюшку недавно встретил — едва узнал... Кстати!..»

Пашка, оторвавшись от альбома, полез теперь уже в письменный стол и среди рисунков дочери, поздравительных открыток от родителей, собственных писем из армии и прочей памятной корреспонденции (выбросить которую у него рука не поднималась) откопал потрепанную записную книжечку с адресами и телефонами однокашников. Вдруг Мишке понадобятся чьи-то координаты. А вот они!

Класс у них был дружный — многие прошагали вместе всю десятилетку, от первого звонка до выпускного бала. Так и шли по всем ступенечкам школьного бытия — из октябрат в пионеры, потом в комсомольцы. Для того, советского времени — это было важно и правильно. Как в песне: «Это наша с тобою судьба, это наша с тобой биография».

Разумеется, жизнь не состояла только из пионерских линеек и комсомольских собраний. Как и положено «растущим организмам», они открывали мир во всем его разнообразии.

Целоваться, например, четырнадцатилетнего Пашку научила школьная пионервожатая Наташа. Да и Мишку тоже. Мальчишки и девчонки, человек пять-шесть, вечерами приходили домой к Наташе, болтали о делах школьных, потом немножко выпивали какого-нибудь сладенького (из-за девчонок) вина и играли в бутылочку или «кысь-брысь-мяу». Так вот и обучались между делом искусству поцелуя в губы. При этом отношения между мальчиками и девочками продолжали оставаться дружескими, не выходящими за рамки простой под-

ростковой симпатии. И самым эротичным элементом в свершающихся поцелуях и сопутствующих им объятиях, по мнению Пашки, бывала случайно прощупываемая на спине через платье у кого-нибудь из девочек или у пионервожатой Наташи застежка бюстгалтера.

Думая о школе, Пашка довольно часто вспоминал Наташу — эту веселую и жизнерадостную девушку в пионерском галстуке. Наверное, потому, что ему еще долго не забывался исходивший от нее новый для юношеского обоняния сладкий запах парфюмерии, с доминирующей ацетоновой ноткой лака для ногтей, и вкус ее влажных, ищущих встречной ласки губ.

Кроме первых попыток строить отношения с женским полом было еще одно направление, в котором Пашка и его друзья старались вести себя «по-взрослому». Это выпивка. Став уже старшеклассниками, они, бывало, между четвертым и пятым уроками небольшой пацаньчьей компанией бежали в ближний магазин и покупали по бутылке пива на двоих. Чаще всего Мишка брал инициативу на себя и, сделав серьезное лицо, просил, обращаясь к покупательницам: «Тетеньки, можно мы пива купим без очереди, а то перемена скоро закончится». Нахальство Мишкино срабатывало как гипноз, очередь расступалась, и продавщица безропотно выдавала пиво. Обычно Пашка с Мишкой покупали «Мартовское».

Конечно, было и желание хорошо учиться, интересно общаться, заниматься спортом. В восьмом классе они уже десятиклассников в волейбол обыгрывали!

Эх, какое было время — было, да прошло.

Но теплые отношения в их сплоченном десятом «Б» сохранились до сих пор. И если Пашке встречался кто-то из одноклассников или учителей — он был рад этой встрече.

Потому что вспоминалось только хорошее. Да хорошее и перевешивало все остальное...

Тогда, в школе, Мишка, не будучи каким-то там лидером, ухитрялся держать дружеские отношения со всеми. Одни тянули его по математике и физике — в точных науках он всегда плохо петрил, другие давали перекатать с диска на катушку новый альбом Queen или Pink Floyd, третьи пригодились еще для чего-то.

Что касается Пашки, то он вместе с Мишкой осваивал «три аккорда» на акустической гитаре, ходил с ним на тренировки в хоккейную секцию, на каток, а позже — в парк на танцы и в другие заведения спортивного или развлекательного характера. Их дружба отчетливо сформировалась на рубеже шестого-седьмого классов, и потом они быстро стали напарниками по освоению взрослой жизни, состоящей из винца, сигарет, рассуждений о девочках и наивных представлений о том, что счастливая жизнь нетерпеливо ждет их с распростертыми объятиями.

Прохороводившись до утра один на один с неожиданными-негаданными воспоминаниями, Пашка нехотя засобирался на работу. Требовалось взбодриться. Чай организм принимать уже не мог, поэтому пришлось заменить его холодным душем с последующим «зверским» растиранием жестким полотенцем.

Выйдя из дома, Пашка забрал со стоянки машину и, включив радио погромче, чтобы изгнать последствия недосыпа, влился на своей «короне» в плотный утренний поток машин.

После прохладного колодца двора сразу почувствовалось солнышко, припекающее сквозь широкое ветровое стекло. Над городом по синему ультрамарину неба путешествовали белые войлочные барашки облаков, совершенно не способные создать тень, хоть мало-мальски пригодную для защиты от палящих лучей. Поэтому, несмотря на достаточно ранний час, еще не достигшее зенита солнце жарило всюду, пуская зайчики из окон домов и растекаясь золотистой бликующей пленкой по разноцветным кузовам бегущих в разные стороны автомобилей. И на Пашкином пыльном капоте в том числе.

«Ну хотел же вчера заехать на мойку, — с сожалением подумал Пашка. — Так нет! Пото-ом! Успе-е-ею! Приехал бы сегодня на чистой машине, а то придется объяснять: не обращайтесь внимание на грязь, настоящий цвет машины — “снежная королева”! Встречу друга!»

Встреча встречей, а работу никто не отменял.

Пашка трудился видеооператором в региональном отделении программы «Вести» на краевом телевидении. Работа на телевидении Пашке нравилась как раз своей постоянной свежестью сюжетов, новизной человеческих лиц, или, говоря операторским языком, «сменой картинки». И поэтому недосып и ожидаемый Мишкин приезд ушли для Пашки на второй план в тот момент, когда, подхватив кофр с камерой и штатив, он, шагая через ступеньку, поспешал вслед за сменным журналистом к редакционной машине.

Первая Пашкина съемка была запланирована в краевой администрации, и, когда до пункта назначения было уже рукой подать, редакционная «Волга» завязла в пробке.

Пашка покрутил старомодную ручку волговского стеклоподъемника, впуская в салон душный, парящий, достоверно преддождевой воздух улицы, отдающий неповторимой смесью свежескошенной газонной травы, бензина и горячего битума...

Ленинский проспект. Центр города. Можно сказать, пульсирующее городское сердце. На Ленинский мама приводила маленького Пашку смотреть мультфильмы в кинотеатре «Родина» или полакомиться молниеносно тающим на летнем солнышке мороженым в уличном кафе «Сказка».

Более взрослыми они с Мишкой дефилировали по бульвару туда-сюда, чтобы на себе продемонстрировать таким же, как и они, молодым балбесам купленные ценой нечеловеческих усилий (и родительских затрат) джинсы Wrangler, называемые между собой «Врангель», или совсем уж моднячие Levi's. Здесь же сидели часами, потягивая пиво из бутылочек с приклеенным к лицу многозначительным видом, будто жизнь удалась всерьез и надолго. И конечно, на Ленинском, в прохладной тени кряжистых тополей, сравнявшихся в росте с невысокими пятиэтажками, прогуливались под ручку с хорошенькими девочками, ожидая начала вечернего сеанса в кино, и бросали зажженные спички в рыхлые островки тополиного пуха.

А еще, кроме личных притязаний и самоутверждений разнокалиберных местных индивидуумов, Ленинский проспект долгие годы принимал всех горожан на майскую и ноябрьскую демонстрации в советские годы и на День города в годы постсоветские. И Пашка с Мишкой, тоже от души крича «Слава!» и рабочему классу, и советской молодежи, ходили в составе праздничных колонн сначала с родителями, а потом и самостоятельно, став старшеклассниками.

Для любого горожанина Ленинский проспект, носивший изначальное название Московский, являлся некоей мерой его значимости, как эталонная гирька в хранилище мер и весов. И негласно вершиной считалась возможность жить в доме на Ленинском проспекте или хотя бы работать в каком-нибудь здании из располагающихся здесь управлений, администраций или вузов. Кто-то относился к этому со сдержанной иронией, а кто-то на полном серьезе.

Но Пашку, ползущего в редакционной «Волге» в общем потоке машин, в тот момент вряд ли могли заинтересовать подобные признаки уездного снобизма. Он, разглядывая проплывающий за окошком пешеходный бульвар, считывал с хорошо знакомого пространства нечто свое.

И возможно, если бы не Мишкин звонок, он и не обратил бы внимания на эту лавочку, расположенную почти напротив «сковородки» — круглой площади перед политехом.

Да и сама лавочка не очень интересовала Пашку — годы шли, и лавочки заменялись частенько. А вот место на бульваре, где стояла лавочка, — место это Пашка вспомнил сразу. Здесь они с Мишкой огребли однажды по полной программе.

Завелись у них как-то две подружки, с которыми они познакомились в Центральном парке на танцах. Пашкину звали Светка, а Мишкину — Маринка. Светка немножко шепелявила, а Маринка слегка картавила, поэтому обращались к ним соответственно — Шветка и Марринка.

Жили Шветка и Марринка для Пашки с Мишкой неудачно — возле ДК «Трансмаш». Неудачно, потому что район этот, именуемый Потоком, был для них чужим и враждебным. Каждый раз, провожая

девчонок, друзья рисковали нарваться на «непонимание» со стороны местных пацанов.

Проходя с подружками к их домам, они чувствовали себя в относительной безопасности, неписанные законы улицы запрещали трогать чужака, если он шел с девушкой. А вот обратно им приходилось удаляться с крайней осторожностью и поспешностью. Местные могли запросто «попортить лицо», и повод, что ты просто оказался на их территории, считался достаточным.

Один раз они уже сталкивались с пацанами из райончика, где обитали Шветка с Марринкой, но это случилось на парковой танцплощадке, и компания Пашки с Мишкой имела явный численный перевес. «Потоковские» рыпнулись было, но, быстро сориентировавшись, отступили.

Здесь же, на этой скамейке, в тот прекрасный летний вечерок Пашка с Мишкой оказались вдвоем, не считая, конечно, Шветки с Марринкой.

А поголовье «потоковских» насчитывало против двоих — восемь, и удержаться от соблазна мести они не смогли.

Первым, ногой в лицо, получил Мишка и сразу умылся кровью.

Пашка попытался встать, но и ему уже летел в переносицу весьма внушительный кулак. Увернувшись от удара, Пашка махнул рукой в сторону потной рожи обладателя кулака и, попав в скалящийся рот, ободрал казанки об острые зубы.

Видя, что Мишкино лицо залила кровь и он явно не боец, Пашка начал отступать, петляя между скамейками и деревьями, уводя пацанов за собой. Девчонки завизжали, прохожие на шум и крик начали оборачиваться, и нападавшие, сообразив, что дальше драка в центре города продолжаться не может, перебежали дорогу и скрылись в густом палисаднике политеха.

Пашка вернулся к скамейке. Ничего особо страшного с Мишкой не произошло — разбили нос, и всё. Могло быть хуже. Растерявшиеся девчонки, не понявшие Пашкиного маневра, накинулись на него с упреками:

— Ну, скажи, как это назвать?

— Р-резво ты бегаешь!

— Тише вы, дуры! — прикрикнул Мишка. — Все правильно он сделал! Со своими отеллами разберитесь для начала!

Шветка с Марринкой обиженно примолкли, а Пашка повел Мишку во двор ближайшего дома, где после недолгих объяснений того впустили в квартиру на первом этаже и разрешили умыться.

Увлечшись воспоминаниями, Пашка не заметил, как их редакционная легковушка выскочила из пробки и подкатила к зданию краевой администрации.

— Паша, с вещами на выход! — окликнул его водитель, и Пашка, схватив тяжелые сумки с оборудованием, поспешил вверх по лестнице за шустрим молодым журналистом, настраиваясь по пути на «официалку» — съемку совещания самых важных и ответственных чинов местной власти.

Отсняли «официалку» довольно быстро, но после совещания всех журналистов по какому-то важному поводу пригласили на беседу в пресс-центр.

А значит, у Пашки вырисовывался перерыв минут на двадцать. Он пристроил аппаратуру в машине и отошел в скверик, чтобы укрыться от жары в ажурной тени невысоких молоденьких рябин.

«Так, Мишка прилетел в семь утра, сейчас... — Пашка глянул на наручные часы, носимые им несмотря на то, что любому телефону полагались электронные и даже с будильником. — Одиннадцать. И не звонит, засранец... Вот черт!»

Спohватившись, Пашка вспомнил, что перед съемкой отключил телефон. Может, Мишка уже иззвонился, а он недоступен! Но обнаружился лишь один пропущенный звонок — от мамы.

Пашка довольно рано начал жить отдельно от родителей. Весь сугубо джентльменский набор — учеба, работа, друзья, собственная семья и другие сопутствующие и не оставляющие свободного времени дела — забирал его целиком. Родители от случая к случаю звонили ему сами: отец — когда нужна была физическая помощь для копания погреба или починки крыши садового домика, мама — чтобы, как она говорила, «посоветоваться», а скорее всего, чтобы просто услышать Пашкин голос. И Пашка приходил, помогал или что-то советовал, а потом опять пропадал на долгие месяцы.

Любовь Силантьевна, так звали Пашкину маму, после недавнего инсульта практически не выходила из дома и, тоскуя в четырех стенах, постоянно искала способы для приложения своих сил, не принимая всеобщих советов «поберечь себя», потому что хуже любой болезни ее тяготило ощущение собственной ненужности.

«Видимо, настало время посоветоваться!» — решил Пашка, набирая номер матери, и оказался недалеко от истины.

— Мам, привет, это я! — заговорил Пашка, услышав в трубке знакомый голос. — Ну что, как вы там живы-здоровы?

— Да нормально, — ответила Любовь Силантьевна. — Я дома. Отец на даче. Ты когда к нам зайти сможешь? Мне поговорить с тобой надо...

— Говори сейчас... Или военная тайна?

— Да нет. Я вот... телевизор хочу купить! Новый... плазму... Только чтоб отец не знал — пусть придет и увидит... Сюрприз-и-из! Ты присмотри там где-нибудь какой получше!

— Вы как маленькие... Присмотрю, присмотрю. Мам, у меня тут новость... такая... Сегодня Мишка приезжает, вечером встречаю его...

— Это какой Мишка? Лопатин?

— Ну а какой еще?

— Надо же! Сколько лет-то не показывался? Ну, так вы к нам зайдите. Посмотрим хоть на него, какой он стал. Мы ведь его с перво-клашек знаем...

— Мам, я не знаю, мы встречаемся поздно, да у него дела какие-то... Не знаю.

— Ну ладно, привет ему передавай! Большущий!

Так же, как Пашку в Мишкином доме, Мишку в свою очередь будто своего принимали в семье у Пашки. Конечно, здесь не было таких вольностей со спиртным, как у Мишки, и, хотя Пашкин отец Федор Павлович любил широкое застолье и шумные компании, с сыном насчет всего такого был строг, и сам Пашка не то что выпить, а закурить в открытую, при отце, решился только после армии. Зато, не балуя ребят спиртным, Любовь Силантьевна всегда угощала Мишку дефицитнейшим растворимым кофе и шоколадными конфетами, что привозила ей сестра, работавшая проводницей на фирменном поезде «Алтай», курсирующем по маршруту Барнаул — Москва и обратно.

— Па-аша, по ко-оням, — нараспев протянул редакционный водитель, появляясь на повороте асфальтированной дорожки, и добавил, протирая покрасневшие от дремоты глаза: — Отдых откладывается... Ну и духотища, хоть рубашку выжимай!

После администрации, не заезжая в редакцию, они по объездной дороге рванули в поселок Южный, где открывалась воскресная школа при церкви Петра и Павла. И где после съемки (весьма кстати) Пашку, журналиста и водителя накормили вкуснейшими пирожками с капустой.

Потом заскочили в телецентр, и Пашка, сменив «пустые» аккумуляторы на заряженные, попутно поменял и журналиста. На следующую съемку в Затон он поехал с юной практиканткой с журфака, бойкой и смешливой девчонкой, имевшей в разряде неоспоримых достоинств длинные стройные ноги, вызывающе белеющие из-под короткой юбочки.

Поселок Затон, расположенный на правом, низком берегу Оби, считался частью города. Каждую весну в половодье, соответственно названию, большая часть его домов заливалась водой — где до порога, где до окон, а где и по крышу.

Наводнение давно миновало — на дворе хозяйничал июль, — но близость реки сказывалась в парящем, душном движении плотного, выжимающего пот воздуха.

Утренние барашки облаков, постепенно сбиваясь в бесформенные стада, больше напоминали теперь слоистые ворохи белой с сероватой каемкой шерсти.

Несколько раз во время уличной съемки принимался накрапывать дождь, и добродушная практикантка раскрывала над Пашкой и его камерой свой яркий зонтик. Крупные капли, словно дразня желанной свежестью, несколько секунд колотили по нейлоновой мембране зонта и пропадали, оставив оспины своих следов на пыльных обочинах дороги. Видимо, чаша терпения природы еще не была переполнена.

После Затона они снимали детский сад, закрытый из-за подозрения на ветрянку, затем — ветерана войны, без заметного продвижения стоящего в очереди на офтальмологическую операцию, а после — городской ипподром. А в конце дня, на сладкое, Пашке досталась прямая трансляция футбольного матча.

К вечеру все события слегка переплелись в Пашкиной голове: и коридоры власти, и пирожки от святых отцов, и соблазнительные ножки практикантки, и дедушка с больными глазами, «митингующие» родители, племенные лошади рысистых пород — в общем, «смешались в кучу кони, люди».

И в этом нескончаемом потоке, до краев наполненном привычными заботами, на ряби набегающих новых дел ярким поплавком покачивалась мысль о Мишкином приезде.

А уж на съемке футбола Мишкино скрытое присутствие улавливалось Пашкой с особенной силой.

Стадион «Динамо» в годы юности радушно принимал Мишку и Пашку, а также всю их компанию. Зимой — на ледяных дорожках катка, а летом — на открытых солнцу, ветру и дождю трибунах, окаймляющих футбольное поле. И все эти капризы природы были им нипочем, потому что не шли ни в какое сравнение с благородной красотой футбола.

Годы идут, а красота футбола, предъявляемая для обозрения местной командой «Динамо», по убеждению Пашки, следившего все девять минут за вялым единоборством разомлевших от жары соперников через монитор камеры, осталась на средненьком уровне. И, судя по свисту и учащающимся советам с трибун насчет того, как должен действовать тот или иной игрок, большинство присутствующих Пашкино мнение разделяло.

Стадион на каждую игру заполнялся болельщиками, знающими цену своей единственной команде мастеров. Но вера в некое спортивное чудо и желание гордиться городскими спортивными достижениями заставляли их приходить вновь и вновь, пронося в самых неожиданных для милиции местах запрещенные к употреблению горючительные напитки. Но даже без водки и пива хватало заряда, чтобы восторженно радоваться немногочисленным успехам команды или

терпеливо, со специфическим болельщицким сарказмом относиться к неудачам.

И порою «Динамо», словно подстегнутое чувством вины перед трибунами, выдавало матч на загляденье.

«Интересно, — размышлял Пашка, укладывая в кофр по окончании съемки рабочую видеокамеру Sony, или попросту “Соньку”, — Мишка ходит в Москве на футбол или нет? Там ведь тоже есть клуб “Динамо” — есть за кого болеть! Хотя нет, не так, у них — настоящее “Динамо”. “Тоже “Динамо”” — это, пожалуй, у нас».

Так, в трудовой круговерти, на фоне всплывающих в памяти эпизодов из детства и юности, миновал день, исчерпав список дел. Пашка, чувствуя приближение урочного часа, тщательно пытался выстроить хотя бы мало-мальский планчик их встречи и решил для начала покатать Мишку по городу. А там — как пойдет.

Но первым делом — помыть машину! Времецко позволяло, если без заезда на автомойку (чтобы не стоять в вечерней очереди) махнуть в частный сектор, а там найти водоразборную колонку на отшибе и ручками, ручками... Пашка знал такие места. А ведро с тряпкой по старой привычке всегда болталось у него в багажнике.

«Главное, чтобы дождь сейчас не ливанул, — поглядывая на темнеющее небо, беспокоился Пашка, добросовестно отмывая пыльные бока “короны”. — Потом — хоть потоп, но доехать я должен чистым!»

У Пашки, да и, наверное, не только у него одного, была верная примета, практически в ранге закона физики: помыл машину — значит, жди дождя.

А сегодня весь день густая, как глицерин, духота мучила людей необоснованными отсрочками, обещая стопроцентный дождь. И дождевые облака, меняющие небесные позиции, скупно кропили водой горячий асфальт и раскаленные крыши машин, тут же возвращая пролитое вверх по спущенному на землю семицветному желобу радуги.

Говоря иначе: дождь уже должен был ради приличия слиться в страстном объятии с этой истомившейся от ожидания землей, как влюбленный кавалер, длительно ухаживавший за барышней и пудривший ей мозги, обязан перейти к плотским наслаждениям, дабы не осталась она старой девой. Все порядком пропотевшие и наглотавшиеся придорожной пыли горожане мечтали об этом дожде, и только Пашка, двигаясь по задыхающемуся городу на собственноручно помытой машине, просил у небес об очередной отсрочке.

В сверкающей лаком машине с залитым под завязку баком он ехал по названному Мишкой адресу.

Местечко для парковки в тесном от разнокалиберных автомобилей дворе нашлось на удивление легко. Пашка устроился очень удобно — почти вплотную к подъезду панельной девятиэтажки. Такие

монументальные сооружения в народе называют «китайская стена». А эта была величественна еще тем, что состояла из трех секций, сложенных буквой «П».

Темнело быстро: летние сумерки — они всегда коротки. Ночь наступала охотно. Приветствуя тихую поступь ночи, в окна зажигались огни. И, теряя в темноте незыблемые контуры, подсвеченная изнутри коробка из литого бетона становилась легкой и ажурной.

«Это же сотни лампочек, даже больше, — размышлял Пашка. — В каждой квартире, считая с люстрами, лампочек штук по десять, по двенадцать. Да плюс освещение в туалете и ванной. Вот и считай! А сколько здесь квартир?.. Да много! Если такой дом распилить поквартирно и разобрать на части, то получится небольшая деревня... Получится, а потом разлучится! Рано или поздно разъедутся все из этой деревни, чтобы опять заселиться в большое городское общежитие со всеми удобствами. Рыба ищет, где лучше...»

Теперь, когда до встречи оставалось совсем немного, время бессовестно замедлило ход, делая паузу между мерными долями «тик» и «так» совсем уж неприличной.

Чтобы отвлечься, Пашка пробежался по волнам автомобильного приемника в поисках чего-нибудь соответствующего моменту. «Радиокрай», как по заказу, выдавало в эфир ретроподборку танцевальной музыки под многообещающим названием «Лучшие мелодии XX века». Пашке от названия стало на минуточку весело. Часть ночи и весь сегодняшний день он мысленно путешествовал в этом самом XX веке, вспоминая детство. Получается, что он — человек из прошлого века! Ключевое слово — «прошлого». А что прошло, того не воротить. Ну просто трагикомедия какая-то!

Да еще музыка, понятное дело, тревожила знакомыми и связанными с чем-то важным мотивами. Пашка вспомнил, как на «Осеннем балу», насмелившись, танцевал с самой красивой ученицей в их классе. По имени Вероника. Она казалась ему исключительной, не такой, как все, и он очень хотел, чтобы Вероника стала его девчонкой. Но рядом с ней Пашка всегда чего-то стеснялся и робел, не решаясь не то что поцеловать ее, но даже просто пригласить в кино на вечерний сеанс.

А потом он случайно узнал, что вокруг Вероники крутится Мишка, реализуя все его планы по поводу кино, катка, а также провожаний вечером до дома.

Душа Пашкина от этой явной несправедливости взбунтовалась, и, решившись на крайность, он на перемене подошел к Мишке выяснить отношения. Обиженный активностью за его спиной, Пашка готов был драться за свою любовь.

Тогда, стоя перед Мишкой на ватных от напряжения ногах, он бросил ему в лицо фразу, казавшуюся убийственной:

— Ну и что будем делать? Ты же знаешь — любовь на троих не делится!

Мишка вопросительно посмотрел на него и, сообразив, в чем дело, рассмеялся:

— Отчего же не делится — в нашем случае еще как делится. Она же Вероника! Забирай себе Веру, а я возьму Нику, или наоборот!

И Пашке почему-то стало стыдно. Он даже оцепенел от неловкости за свои глупые «брачные игры» и, самое главное, за кощунственную мысль, что готов был ударить друга из-за девочки.

«А что — подрались бы, дурачки, — и сейчас чувствуя неловкость, беззлобно отметил Пашка. — А кому бы от этого было хорошо? Ни нам, ни Веронике».

Пашка в школе, общаясь с девичьим полом, держался довольно смело и раскованно. Но в эту девочку он, пожалуй, был влюблен еще по-детски, наивно восторгаясь ее красотой, считая себя этой красоты недостойным. Думая, что полюбить ее имеет право только какой-нибудь видный из себя парень, такой же пригожий, как она. И этому парню Вероника обязательно ответит взаимностью, что и сделает их жизнь удивительно хорошей. В общем — фантазии на тему сказки о прекрасной принцессе и странствующем принце. Что-то из историй о рыцаре на белом коне или о корабле под алыми парусами.

Но Веронике ее исключительная внешность счастья не принесла. Как-то все не задалось — после школы провалилась на экзаменах в институт и на следующий год тоже, вышла замуж за нелюбимого, родила ребеночка, развелась, потом стала пить и, не дожив до сорока, умерла от менингита.

«Кстати, — спохватился Пашка, — а где Мишкино окно? Где он вообще есть-то?! Хоть бы позвонил, что ли, не поленился».

Он пошарил взглядом по освещенным окнам бетонного муравейника, пытаясь как-то угадать присутствие друга в одной из квартир. Куда там! Задача оказалась со многими неизвестными. Стандартный белый пластик рам, похожие цветные сполохи от работающих телевизоров и одинаковые москитные сетки на окнах. За плотными шторами текла жизнь — и туда посторонних пускать не хотели.

«Пора бы уже Мишке появиться на свет!» — заволновался Пашка.

Воспоминания, переполнявшие его, требовалось разделить с человеком, занимающим заметное место в делящейся уже несколько часов реконструкции событий. И сделать это прямо сейчас, безотлагательно, пока играла музыка, дающая правильное настроение. Пока одна за другой звучали песни, бередящие душу и способные «дать разгон» беседе.

Пашка, например, спросит о какой-нибудь песне: «Узнал, Мишаня?», а Мишка с ходу ответит: «Еще бы! Дамы и господа, для вас

звучит бессмертная композиция *What can I do*. Кавалеры приглашают дам!»

Пашка опять с вопросиком: «А помнишь, как мы под Новый год приперлись с тобой на танцы в этот дурацкий ДК “Трансмаш”», а Мишка вспомнит и посмеется: «Идиоты полные!» Тогда Пашка подольет масла в огонь: «И под голос Криса Нормана, обуреваемый страстями и разгоряченный алкоголем, ты пригласил на медленный танец Маринку, надепившую в честь праздника заячьих ушки на резинке».

И Мишка, окончательно отбросив минувшие со дня их расставания годы, мешающие их простому и дружескому общению, поймает Пашкину волну: «Да-да! И потом из-за этой самочки с ушками мы с тобой сами, как зайчики, от местных парней отрывались...»

Все, можно сказать, было готово к Мишкиному появлению. Стрелки часов, выпрямившись почти в полный рост, показывали половину двенадцатого, отсчитав на добрых полчаса больше назначенного Мишкой времени.

А тут еще усталость после бессонной ночи вдруг напомнила о себе. «Сколько там Штирлиц спал в машине? Пятнадцать... двадцать минут?» — подумал Пашка, прикрывая глаза «на минуточку»...

Дверь подъезда с шумом распахнулась, словно кто-то поддал ей пинка. На улицу вышел плотный мужчина и, озираясь по сторонам, остановился в круге света, отвоеванном у темноты мало мощной лампочкой. Но и в полумраке Пашка без труда узнал в этом хорошо и дорого одетом мужчине с заметно наметившимся пузцом и глубокими залысинами школьного дружка, когда-то делившего с ним парту, последнюю сигаретку и первые сердечные тайны.

— Мужчина, вы не меня ждете? — выбираясь из машины, спросил Пашка. — Что так смотрите, как не родной? Михаил Николаевич, кажется?! Не узнаете, что ли?!

— Павлуха! Дай-ка посмотрю на тебя. Нормальсон! Слушай, ты, не ты... А я вот кое-как вырвался от родственников. Одно и то же: кто родился, кто женился, а кто богу душу отдал. — Мишка небрежно перекрестился и хохотнул, ощутило дыхнув перегарчиком. — Кино индийское, да и только. Да еще весь день пробежал по юристам недоделанным.

— Тебе в Москве юристов не хватает, — пошутил Пашка, пытаясь поддержать разговор. — Решил, что здесь они лучше?!

— Какое там «лучше»! — скривился Мишка. — Мы наследство делим — две пары валенок! А у вас тут, мама дорогая, такое болото! Дурак на дураке сидит и дураком погоняет! Голова раскальвается. Ну что, абориген, куда рванем? Есть в вашем городишке зланные места?!

Пашка за сегодняшний день не один раз мысленно прокручивал их предстоящую встречу, и особенно первые ее минуты. Потешаясь

над своей ну прямо-таки книжной сентиментальностью, Пашка представлял, как они с Мишкой, молча и сдержанно, шагнут друг к другу и обменяются крепким, мужским рукопожатием. А потом не выдержат, рассмеются и устроят из приветствия настоящую мальчишескую возню с дружескими объятьями и ощутимыми похлопываниями по плечам.

Но — не случилось.

Мишка, притащив за собой шлейф недовольства, установил некую невидимую дистанцию между ними. И Пашкина рука несколько раз зависала в воздухе в нелепой полупозиции, не встречая ответного движения Мишкиной руки. Пашка именно через это рукопожатие хотел выразить Мишке всю добрую память об их детской дружбе и сейчас, когда все смазалось, немножко сник. Впрочем, ненадолго. Слишком велика была распиравшая его радость. Да и Мишку он оправдал быстро: перелетом, заботами, делами, общением с родней. И т. д., и т. п.

— Цивилизация нас не обошла. Есть приличные ямки для нравственного падения, — ответил Пашка, подхватив Мишкин настрой, и, потоптавшись на месте, словно физическим действием стараясь переключить себя на другую тему, задал встречный вопрос: — Ну, как ты тут, где был, кого видел? Да, кстати, привет тебе от мамы!

— О-о-о! От Любовь Силантьевны?! Как ее драгоценное?

— Так, более-менее. Какое у стариков здоровье... Но не сдается... Телевизор вот купить надумала... плазму ей подавай!

— Да-а-а, старики, они такие. Ты кланяйся ей и отцу от меня...

— Обязательно, — кивнул Пашка и снова спросил: — Ну, как ты?

— Ох, Паша, Паша, как я сегодня устал, кто бы только знал, — на секунду потускнел Мишка и тут же расплылся в широкой улыбке. — Но сегодня мы с тобой гульнем!

— Ох, сдается мне: нос твой чуткий опять не обманывает! Только...

— Что? Проблемы? Если деньги...

— Слушай, Миха, а давай я для начала прокачу тебя по городу? Правда, уже ночь, но так даже лучше. Тебе, наверное, интересно? Тут ведь, пока тебя не было, столько поносили да понастроили. А потом я машину брошу где-нибудь на стоянке — и в загул!

— Да я так-то днем посмотрел, пока мотался. Ностальжи, как говорят французы. Ну, ладно, давай ознакомимся с достопримечательностями малой родины. «Если не гуляли, значит, и не пили, значит, не любили гастроном “Под шпилем”», — пропел Мишка и снова рассмеялся. — Культурная программа, а потом банкет! Но в пути, ты уж извини, мне понадобится средство для смягчения ностальгии. Примешь грамммульку?

Мишка вытащил из кармана плоскую стеклянную бутылочку с коньяком, скрутил пробку и протянул Пашке.

— За рулем не буду! — отказался Пашка. — Пей, я тебя потом догоню!

— Ах, мой правильный человек! — улыбаясь, протянул Мишка. — Вот теперь вижу — точно ты!

Мишка порывисто шагнул вперед и, захватив Пашку за шею, притянул его к себе, на несколько секунд прижав Пашкин лоб к своему. Затем так же быстро отстранился, хлебнул на ходу из бутылки и уверенно пошагал к правой передней дверке Пашкиной машины.

— Ты порулить задумал? У меня же «праворучка», — окликнул Пашка.

— О как! Вы тут англичане, что ли?

— Не-а, мы русские, как и вы. Только провинциальные немножко, — объяснял Пашка, запуская двигатель.

— Немножко?! Это вам так кажется, — перехлестывая выпирающий животик ремнем безопасности, с кислой усмешкой протянул Мишка. — Посмотрели бы на себя со стороны: провинциальные — принципиальные.

Почувствовав, как Мишка болезненно зацепился за слово «провинция», Пашка невольно вспомнил его письмо из армии, в котором Мишка впервые употребил это слово с определенным значением и неким разочарованием.

То давнее письмо, такое же потрепанное, как и Мишкины весьма и весьма неоригинальные взгляды на столицу, хранилось среди прочих в Пашкином столе.

«...В увольнение чаще всего ездим в Москву, — сообщал Мишка. — Тут жизнь совсем другая, чем у нас в провинции. Предназначена для людей другого уровня. Для министров, политиков, космонавтов, генералов, известных артистов, знаменитых спортсменов. Ну, им понятно за что — заслужили. А между ними в этой же благодати живут миллионы москвичей, таких же людей, как мы с тобой. Чем они лучше нас? Да ничем. Просто повезло с местом рождения. Они в Москве понятия не имеют о настоящих жизненных трудностях.

Я смотрю, здесь много приезжих со всего Союза. Кого ни спроси — все о Москве мечтают. И ни одного москвича я не видел, чтобы мечтал о такой провинции, как наша...»

Пашка, когда первый раз прочитал полученное письмо, особого внимания на Мишкино нытье не обратил. Списал все на неустрашенность солдатского быта, тоску по дому и по гражданской жизни. А вот потом, когда Мишка уже жил в Москве, и не первый год, Пашка с большим опозданием кое-что для себя сообразил. По всему выходило, что Мишка, рассуждая в письме об ущербности провинции по отношению к столице, не желанной справедливости искал для живущих в этой самой провинции, а мысленно примерял на себя впечатлившее его столичное благоденствие.

Нет, Мишкино право жить там, где ему больше нравится, Пашка, разумеется, не оспаривал, скорее ему хотелось понять мотивы соб-

ственной оседлости. Поговорка «где родился — там и содился» не отвечала на все вопросы, ведь Мишка не единственный в их дружном классе, кто уехал из города, чтобы в другом, видимо, более подходящем месте начать новую жизнь.

Витька и Андрей перебрались к родственникам в Германию, Гришка — в Канаду, Нинка обосновалась в Таллине, Валюшка продала дом и уехала к дочери в Анапу, Вовчик и Оля-рыжая, окончив педагогический, отправились по распределению в крупные райцентры и теперь трудились директорами школ. Кто-то сделал карьеру, кто-то жил с видом на море, а кто-то стал европейским гражданином. Если взять общую картину, то счет достижений был в пользу уехавших, потому что в пассиве у оставшихся числились: сгинувшие в тюрьмах Серега и Сашка, Ирка и Олег, умершие от туберкулеза, Вероника, угаснувшая от менингита, разбившийся на машине Коля, спившийся, ныне бомжующий Юрка и повесившийся из-за карточного долга Степка.

Как все это объяснить? И может, так и должно быть — вперед уходят сильные и жаждущие счастья люди, а слабые и неудачники остаются там, куда прибьет их волна жизненного потока?

Пашка неудачником себя не чувствовал, но и то, что в этом городе возможности его ограничены, понимал. Можно было уехать в Новосибирск, Омск или в ту же Москву. С его профессией и опытом в Москве достаточно легко устроиться в крупную телекомпанию. Не на Первый канал, конечно, а на СТС или ТВЦ — запросто. А что, работа — она везде работа, к тому же в московских студиях и творчества побольше, и зарплаты несоизмеримы.

И правду писал Мишка в своем письме — жизнь там другая, но, может быть, именно то, что она другая, и отталкивало Пашку, делая его самого с его мировоззрением похожим на гвоздь, вбитый в плаху по самую шляпку. И весь их провинциальный образ жизни строился словно основательная деревянная конструкция, в которой Пашка, как этот самый вбитый гвоздь, скреплял свой угол, а другие, такие же, как он, скрепляли свои углы.

Может, думать так — наивно, но Пашка был уверен — выдерни его из этой конструкции, и она не рухнет, конечно, но заметно поколется.

Пашка как-то даже попытался написать ответ Мишке на это его старое письмо, чтобы объяснить, какой смысл он вкладывает в слово «провинция», но, написав несколько предложений, бросил. Передать словами то, что он чувствовал, не смог. А сегодня можно попытаться еще раз, и город ему в помощь.

Совершая очередной скачок из прошлого в настоящее и прогоняя несвоевременные воспоминания, Пашка помотал головой, а затем выпалил, скорее для собственного внутреннего настроения, нечто среднее

между обыденным экскурсионным предложением и гагаринским приглашением в полет:

— Поехали!

Лавируя среди хаотично пристроенных на ночлег машин, Пашка вырулил со двора.

Час был поздний, и транспортный поток значительно поредел. Фонари ненавязчиво освещали опустевшие улицы. Широкий Красноармейский проспект представал двумя стройными шеренгами жилых многоэтажек попеременно с торговыми центрами.

Крутанувшись на перекрестке на мигающий желтый, Пашка неторопливо покотился в сторону железнодорожного вокзала, давая Мишке возможность осмотреться.

Почти сразу, по левой стороне, на некотором расстоянии друг от друга стояли две высотки. С невиданными для Барнаула габаритами: в двадцать с лишним этажей. Одна недостроенная — забавно торчавшая в небо монолитной этажеркой. Другая, уже обжитая, во всей красе фасадной подсветки ярким леденцом представала для обозрения на макушке Красноармейского проспекта.

Пашку так и подмывало рассказать, что с верхних этажей заселенного высотного дома хорошо видны пригороды на той стороне Оби. И сама Обь просматривается в хорошую погоду далеко вверх: весной с ледоходом, а летом с прогулочными катерами и лодками.

Но Мишка смотрел в окно без интереса, время от времени прихлебывая из фляжки. Сам Пашка с рассказами навязываться не стал. Решил обождать.

Он вдруг ощутил, насколько иначе выглядит ночью такой знакомый ему город. Нет, «выглядит» — это неправильное слово! Иначе воспринимается, чувствуется.

И дело даже не в таинственности темноты и не в ее неуправляемой силе, прибирающей к рукам каждый сантиметр слабо освещенного пространства. Конечно, таинственности ночью хоть отбавляй. Но оказывается, что в течение дня город является некой коллективной собственностью, принадлежа одновременно всем: едущим, идущим и стоящим «жителям, а также гостям краевого центра».

А ночью — он твой. Бери, сколько сможешь. Сколько поместится в тебе прорисованных светом фонарей улиц, домов, памятников, фонтанов и скверов. Заплатив за это всего лишь покоем кровати, уютным теплом одеяла и ленивой мягкостью подушки.

Настройся на его волну, и город сам потечет в тебя, как тихая музыка, как желанная прохлада...

Владей им, пока рассвет вновь не поделит город на всех.

«А все Мишкин приезд, — радостно сообщал Павел. — Не он, спал бы сейчас дома и не знал бы, что к чему!»

Отягощенный так и не разделенной радостью, он посмотрел на Мишку. Тот копался в телефоне, пытаясь дозвониться.

— Вот зараза! Трубку не берет, — не сдержавшись, выругался Михаил.

— Кому звонишь-то?

— Домой!

— Тетке, что ли?

— Какой, к чертям, тетке. Домой, в Москву!

Пашка больше спрашивать не стал. Ни к чему лезть в чужие семейные дела. Тем более что сегодня хотелось говорить о другом.

— Ну, Мишаня, готовься! — интригуяюще произнес Пашка. — Не знаю, помнишь ли ты свой город, но он тебя — точно не забыл!

— Паша, давай торжественную часть сведем до минимума, — предложил Мишка, оживившись, — и отдадим должное банкету! Плечу за все! Гони в ресторан, шеф! В самый лучший, который здесь отыщется! А там за рюмочкой и вспомним грехи нашей молодости! Кстати, я сегодня холостой!

— Я тоже! Терпение, мой падкий до удовольствий друг! Все успеем — у нас ночь впереди!

Они поехали по центру, сделали кружок на площади Октября возле того самого гастронома «Под шпилем», спустились к речному вокзалу по проспекту Ленина и, перескочив по развязке мимо Знаменского храма на Красноармейский, из котловины старых кварталов поднялись на горку в район бывшей ВДНХ. Там Пашка остановился на небольшой площадке, развернув машину в сторону города.

Колеса по таким известным и памятным для обоих местам, Пашка «нарезал» город, как торт, на порционные ломтики, пытаясь преподнести их на блюдечке лакомыми кусочками для воспоминаний.

Он притормаживал, описывал неспешные круги и опускал стекло в пассажирской двери для лучшей видимости. А возле памятной скамейки напротив политеха, рассказавшей сегодня Пашке целую историю их совместных приключений, он почти до нуля сбросил скорость и полз по-черепаши, словно вновь оказавшись в дневной пробке.

Город тоже старался как мог. Шумел витыми струями подсвеченных фонтанов из-за широкоплечих фасадов домов, с темных и густых аллей махал резными ветками кленов, подробно светился магазинными вывесками, чуть горбился двойной линией огней перекинутого на ту сторону Оби нового моста.

А Мишка почти всю поездку прикладывался то к ароматной бутылочке с коньячком, то к телефону, повторявшему про недоступность абонента, и на Пашкино едва сдерживаемое воодушевление реагировал односложными фразами.

Единственный раз спокойное Мишкино созерцание улетучилось — в ярком свете фонарей, отбрасывая на асфальт длинноногие

тени, по бульвару цокали на шпильках две загулявшие за полночь девицы, очаровательные своей молодостью, откровенностью легких платьев и хмельной веселостью.

— Ты посмотри, какие тела! Давай, твоя та, что слева, моя — справа! Задний ход! — восторженно кричал Мишка, нашаривая в темноте кнопку стеклоподъемника. — Да где тут у тебя окошко открывается? Девушки, не жалко вам своих красивых ножек? Может, подвезти?

Мишка сколько смог высунул голову на улицу и продолжал сотрясать воздух витиеватой речью, но Пашка уже проскочил мимо бредущих девиц, не помышляя ни о каком движении задним ходом.

— Вот так, значит, встречает город своих дорогих гостей, — протянул Мишка. — А знаешь, Паша, у меня весь день ощущение, что мне здесь не рады.

Пашка не нашел, что на это ответить. Похоже, что-то не срасталось в Мишкиной душе, не совпадало с чужими планами и уводило от дорогой для Пашки темы.

Поэтому Пашка, перебрав в своем маршруте все самые важные, на его взгляд, места, и забрался сюда, чтобы выложить самый главный козырь: панораму города с высоты, можно сказать, птичьего полета.

Эту площадку с превосходным обзором он знал очень хорошо, неоднократно приезжая сюда с видеокамерой для съемки масштабных городских планов.

Город, вернее исторический его центр с гармонично вписанными современными постройками, лежал перед ними, наполненный спокойствием готовящейся ко сну жизни. Почти три века город занимал это место, широко раскинувшись между ленточным бором и Обью, и уже свежим приростом уходил в темноту невидимыми, но угадываемыми массивами спальных районов. Здесь прошло их детство, в котором были задействованы и лес, и река, стадион «Динамо», Центральный парк и многое другое.

— Миш, смотри: отсюда все наши улицы-переулки как на ладони. Все видно. Я, когда в Москве был, всегда удивлялся, надо же: Кремль, Красная площадь — там цари когда-то обитали. Династия Романовых, которых мы в школе изучали на истории. Они ходили запросто, по своим делам... Пушкин жил, Лермонтов... А здесь — мы с тобой. И для нас — это важно. Мы здесь свои следы оставили. И с этой горки можно смотреть, словно с высоты прожитых лет. Вон, видишь, правее заводской трубы — там наша школа. Все такая же. Только спортзал побольше сделали. Кстати, физрук, Василь Васильич, — живой, недавно встретил, он привет всем передавал. А вот химички весной не стало. А в общем-то жизнь здесь идет, продолжается. Такая хорошая жизнь. Ты приезжал бы время от времени...

Мишка помолчал, выстукивая по панели пальцами уже исполненную им ранее песенку о гастрономе, и после заговорил, все сильнее горячась и раздражаясь:

— Вот и ты заладил: «приезжай, приезжай». Вам тут легко — живете себе потихоньку. А ты меня спросил: каково мне там приходится? Нет, не спросил! А я отвечу! Мне нужно на пупе крутиться, чтобы в обойме быть. Вы тут рассуждаете: «Москва, все деньги там». А знаете, сколько там желающих до этих денег... и у каждого аппетит... и себе нагрести, и чтобы детям и внукам... Я ведь с нуля начинал, и никто мне, и ничего... Ты химичку вспомнил, а я вырваться не смог, когда батя помер полгода назад. Мать болеет, и тетка говорит, что на могилу ходить некому... Да что вы понимаете, за вас Москва все думает и решает... я вот рад, что вырвался отсюда. Меня жизнь там заставляет двигаться и башкой работать. Я вот два года назад собирался сюда приехать, а жена и слышать не захотела. Говорит, мол, зачем и отпуск, и денежки выкидывать! Человек рожден для счастья, так? А там счастье лежит, только руку протяни — и, если постараться, оно твое. Вот и ввязываешься в драку за счастье... и без обид, и ничего личного. Нужно показать себя: кто ты и что ты. И к тебе отнесутся соответственно тому, в каком ресторане ты ужинаешь, в каких шмотках баба твоя и на какой иномарке едешь. А у вас машины: японцы выбросили, а вы подобрали! Еще и за деньги... Что ты ржешь?

— Да нет, — поспешил оправдаться Пашка, пряча невольную улыбку. — Ты не подумай... Ты что, серьезно? Ты сам-то понимаешь, что несешь?

— Посмотрел бы я на вас, как бы вы там у нас!.. Приезжает-то много, добиваются единицы...

Мишка, не договорив, остановился. Затем рывком отстегнул ремень безопасности, выскочил из машины и кинулся в темноту. Из проема пассажирской дверцы, оставшейся открытой, в салон потянулась ночная свежесть.

Треца крыльями, влетела белесая бабочка и подслеповато начала виться вокруг горящего над Пашкиной головой плафона подсветки. А следом на тепло пожаловали комарики, наполнив воздух тонко сверлящим «бормашинным» гулом. Но Пашка ждал и дверь не закрывал, с трудом сдерживаясь, чтобы не рвануть с места, взрыв колесами землю.

В темноте, звякнув, раскололась безвинно пострадавшая бутылка из-под коньяка — Мишка лечил нервы.

— Вот сука! — обращаясь в никуда, отчетливо произнес Пашка. — Дерьмо собачье...

И добавил еще несколько вспомнившихся к случаю забористых фраз из крепкого мужского лексикона Мишкиного отца-покойничка, дяди Коли.

Город медленно начал терять очертания, словно каплями дождя забрасывало ветровое стекло. Но дождя не было! Точно.

Пашка поморгал, пытаясь восстановить четкость картинки, но тем самым еще больше ее размазал. Поняв, в чем дело, и воспользовав-

шишь тем, что он в машине один, Пашка провел по глазам тыльной стороной ладони. Город стал четким, но через несколько секунд опять «поплыл».

И это уже подоспел дождь. Даже не дождь, а настоящий летний ливень, предрекаемый всей дневной духотой, со сверкающими лазерами молний и гулко громыхающими орудийными раскатами грозы. Ливень, заходящий на город с юго-востока, со стороны старого моста, для атаки на незащищенные дома и улицы, чтобы в очередной раз показать — кто здесь хозяин.

В машину молча влез мокрый Мишка. Не глядя на Пашку, он хлопнул дверь и пристегнулся. И без того поредевшие, а теперь и слипшиеся от дождя Мишкины волосы еще откровеннее обнажали розовую кожу головы. С его промокшей одежды, облепившей грузное тело, постепенно натекала лужа на резиновый коврик у Мишкиных ног.

Тяготясь затянувшейся паузой, Пашка попытался подобрать какие-нибудь слова, чтобы избавиться от этого враждебного молчания. Но нужных слов не находил, кроме тех, которые произнес в Мишкино отсутствие. И все сильнее чувствовал тяжелеющую с каждой секундой неловкость. Такую неловкость, что, казалось, шею заклинило на смерть, не давая возможности повернуться в Мишкину сторону, а ноги стали от напряжения ватными, как тогда, когда Мишка в шутку предложил ему на двоих поделить Веронику.

«Может, зря я тогда не дал ему в морду? Там бы все и решилось! — со злостью подумал Пашка и сам себе ответил, гася свою злость: — Решилось для кого? Нет, дерьмо все это... просто — дерьмо!»

Нужно было ехать, чтобы быстрее покинуть это «взрывоопасное», как оказалось, место.

— Что, Миша, куда теперь? — спросил Пашка, глядя вперед на серый, заштрихованный прямыми струями дождя город, буквально за несколько минут потерявший свои привычные очертания.

— Отвези в гостиницу, к родным не поеду, — после паузы отозвался Мишка. — Да пропади оно все пропадом...

Большая охота

Путешествовать по железной дороге Саньке нравилось. И поезд он считал удобной штукой. Еще бы — вчера, к примеру, ты как обычный пешеход среди москвичей и гостей столицы бродил по Бульварному кольцу, слизывая с палочки подтаявшее эскимо, а сегодня — уже пассажир, под быструю смену пейзажа за окном попиваешь чаек с сахаром, колеса твоего купейного вагона выстукивают дробь по рельсам моста через Волгу, ты любишься древним Казанским кремлем. А пройдут всего лишь сутки — и ты в Омске, а в окне мелькают пролеты моста через Иртыш.

За далью — даль. Даль, что глазом не охватишь, умом не измеришь, однако в душу примешь полностью. Всю, без малого остатка...

Санька, как и его любимый герой шукшинский Пашка Колокольников, — «шибко думать» любил. И верхняя полка купе скорого поезда — считалась Санькой самым для такого дела приспособленным местом.

Верхняя полка — это вообще отдельный разговор... это обособленный анклав в общей территории сожителства с попутчиками. Ни в квартире с домашними, ни на работе с коллегами так не устроишься. Верхняя полка — это своя сота в улье. Бока, конечно, отлежишь, но доступ к себе ограничишь (не всякий доступ полезен).

Попутчики — все равно что соседи по коммунальной квартире. Нижние полки в купе — место общего пользования, как кухня в той же коммуналке. На нижних полках всегда либо едят, либо разговаривают.

Попутчики — люди подневольные, объединенные одним кровом на несколько ни к чему не обязывающих суток или как минимум часов. Вот это и делает вагонное общение особенным. А еще — обязательным.

Оттого-то Санька любил именно верхнюю полку в купе.

И на подъем был легок. Если конечной целью являлось то, к чему у него еще и душа лежала. Например, охота.

Увлечение, замешенное на желании и умении пострелять по всяким водоплавающим, рогатым и хвостатым, пришло в Санькин досуг не так давно. Районный центр Михайловка, где Санька провел детство, располагался в тихой степной зоне, и там ни дичи, ни охотников не водилось. Никто из мужиков во всей деревне и ружья-то не имел. Страсть лесного добытчика привилась в армии, а служил он на Дальнем Востоке.

Вот уж где охота и рыбалка — знатные. Конечно, солдатам такие не предусмотренные уставом развлечения были не по чину, но офицеры части и сами охотой промышляли, и солдат в этом деле задействовали, как говорится, на подхвате. Так Санька к охоте и пристрастился.

И когда ему в преддверии ноябрьских праздников из Красноярска позвонили бывшие однополчане и позвали в тайгу «ружьбишком малость побаловаться», он раздумывать не стал. Не дурак же он — такой момент из рук упускать! Тем более что лето прошло в делах. Даже в горы, до которых всего четыре часа ходу на машине, не выбрался, не говоря уже о слетевшей начисто рыбалке в Монголии, где, по слухам, рыбы в речках столько, что и удочка не нужна: стоит зайти в воду в пиджаке, она тут же сама в карманы набивается.

Само собой, Санькина жена Рита решение его приняла в штыки:

— Шурик, мы же планировали поехать вместе! Дождаться, когда снег ляжет, и две-три недели провести в Белокурихе. Мы ведь решили

с тобой встать на горные лыжи! А ты уезжаешь на свою несчастную охоту и путаешь все наши планы!

Санька отмалчивался. Во-первых, потому, что никак не мог научиться спорить с женой, уж больно правильно она формулировала разные доводы, а Санька хоть и имел диплом политеха, то есть законченное высшее образование, но выражался не очень-то кругло.

А во-вторых, он злился, когда его называли Шуриком. Этого «Шурика» он уже в детстве достаточно натерпелся. С младых ногтей имечко то глуповатое, комедией опороченное приклеилось к нему намертво. А при его внешности — огненно-рыжим кудрям и щедро разбросанным по щекам и переносице веснушкам — такой простор открывался для насмешек, что только держись. Самое малое: «Шурик рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой!» Чего Санька только ни делал: и дрался с обидчиками, и даже наголо сбрасывал рыжие космы, но отсутствием волос лишь сильнее оттенял веснушки.

Во взрослом состоянии, когда Санька заматерел, подперев самооценку бизнесом средней руки, он, словно в отместку, отпустил волосы до плеч и, выходя из своего купленного с рук, но еще бодренького «мерседеса», шел мимо соглядатаев у подъезда высоко держа конопатый нос...

— Хорошо! — продолжала Рита сыпать свои доводы, не обращая внимания на Санькино молчание, к которому давно привыкла. — Ты считаешь, что армейская дружба превыше всего, а охота — важное занятие для мужчины. Пусть так. Поезжай. Белокуриха — отменяется. Извини, но в данном случае развлекаться в твоё отсутствие я, видимо, буду по своему усмотрению!.. Ну-у?! И что же мы не отвечаем?.. Воды в рот набрали?..

Но все вопросы Риты автоматом переводились в разряд «риторических» (любимый Санькин каламбур), как это всегда случалось в ситуациях, когда она пыталась на Саньку немножечко надавить. Демонстративно «выпав» из разговора, Санька засунул свою рыжую голову в темные глубины шкафа-купе, выскивая там свои любимые, латаные-перелатаные носки из верблюжьей шерсти и испытанное походками термобелье. А заодно и скрываясь от Ритиных упреков. Извини, мол, но я занят...

И вот все разговоры и сборы остались в прошлом, а поезд, следующий через Красноярск, вез Саньку к армейским друзьям. За окном вагона, как и положено, тянулись, сменяя друг друга, вызолоченные осенние ландшафты, колеса стучали свое ритмичное «ды-дынс, ды-дынс...», проводники предлагали чай, а попутчики по купе играли в подкидного дурака.

Красота!

Жизнь моя — железная дорога,
Вечное стремление вперед...

Конечно, если спросить Саньку напрямую: «Есть ли в поездках по железной дороге неудобства?» — Санька честно ответил бы: «Есть, есть неудобства, но терпеть их можно. И даже находить в них такое, что делает путешествие приятным и запоминающимся».

Почему? Да потому, что за какие-нибудь трое суток пути внимательный и открытый человек способен вместить в себя тысячи километров расстояний, десятки городов, городишек, деревень и маленьких рабочих поселков, прилепившихся к железной дороге. И множество людей. Проводников, пассажиров... Вокзальную публику, а в ней — случайных «встречных и поперечных», увиденных на перроне всего на несколько секунд и разгаданных в мимолетном течении жизни.

Перрон ведь не только делит людей на отъезжающих и провожающих — за минуты до отправления поезда ни у кого не получается лгать и притворяться. Вернее, лгать, может, и получается худо-бедно, да только любая ложь и неискренность неумолимо выходят наружу. И всего лишь в одном жесте может отразиться характер или даже судьба.

И если есть к познанию живой интерес, то ты видишь, проникаешься, оцениваешь — читаешь интереснейшую книгу, книгу жизни.

А для этого нужно понимать и бесспорно принимать составы, вокзалы, пути, залы ожидания, семафоры, стрелки, насыпи, мосты, тоннели, пакгаузы...

Все, что обеспечивает следование человека из пункта А в пункт Б по железной дороге, — это не что иное, как множественные звенья, сочленения иной реальности, той реальности, где время свободно перетекает в пространство и наоборот...

И вот время для Саньки, зацепившись за выездную стрелку где-то у станции отправления, растягивалось эластичным резиновым жгутом, дополнительно размягченное отсутствием хоть какого-нибудь занятия.

Играть в карты Санька отказался (хоть и звали его попутчики несколько раз). Потому что в карты он всегда проигрывал, даже в самые примитивные игры, даже детям младшего школьного возраста.

Можно было послушать плеер в телефоне, но Санька второпях забыл взять наушники, а включать музыку на все купе постеснялся. Не дома все-таки.

Имелась, правда, в Санькином распоряжении случайная книжечка в мягкой обложке, расхожего карманного формата, оставленная кем-то за откидной настенной сеткой, расположенной в купе прямо над его полкой. Чтение тоже отсутствовало в списке Санькиных хобби, но другого способа убить это нагло замедлившееся время не наблюдалось.

Мельком скользнув взглядом по многообещающему названию «Цветение пурпурной розы», Санька открыл книжку и углубился в чтение.

«Ночь постепенно наполнялась ароматами благоухающего сада и сладострастными гимнами птиц. Луна освещала дорожки, вымощенные белым камнем, и отражением своим купалась в пруду, рядом со спящими среди кувшинок черными и белыми лебедями. Струи фонтана тешили слух всякого, кто не мог уснуть в эту ночь, насыщенную негой и тайной.»

Графиня Сюзанна де Монтескье возлежала на кровати, едва прикрыв свое молодое роскошное тело батистовыми простынями. Высокая грудь Сюзанны вздымалась от прерывистого дыхания, приводя в движение легкое голландское кружево, коим белоснежные простыни были оторочены.

Рядом, широко раскинув еще крепкие и мускулистые руки, спал ее муж — граф Анри де Монтескье. Сон графа выглядел усталым и блаженным одновременно. Голова его с глубокими залысинами на висках покоилась на подушке, а в раскрытом ворота длинной ночной рубашки виднелись седые курчавые волосы. Эта ночь была из тех редких ночей, что граф проводил в постели супруги. Он всегда довольно быстро засыпал, насладившись горячими ласками графини, и, утомленный близостью, не находил сил, чтобы вернуться в свою спальню.

Полузакрыв глаза и предавшись пылким мечтам, графиня наслаждалась запахами и звуками, струящимися из сада в раскрытое окно. Ее тело, полное неутоленной жажды любви, слегка выгибалось вверх, разгоняя трепещущую волну от бедер до шеи. Кружевные простыни соскользнули на паркет, полностью обнажив графиню, чья плоть страстно жаждала соединения с иной плотью — мужской.

И, безотчетно желая принять в себя крепкого посланца любви, она томно раздвинула ноги, чуть согнув их в коленях, словно готовясь тотчас обхватить ими пришедшего на ее зов мужчину.

Но столь нежно ожидаемый кавалер не появлялся. И оттого, поддавшись атмосфере дивной ночи, она невольно ласкала свою грудь, живот и бедра. Руки Сюзанны свободно и нежно скользили по телу, зарываясь время от времени тонкими ухоженными пальцами в треугольный островок волос...»

Санька захлопнул книжку.

«Мать вашу за ногу, — выругался он чуть ли не вслух, — вот так ни себе чего — островок волос лобковых... Как поэтично-то...»

Читать дальше Санька не смог, но разнообразные оценки только что прочитанного просились сами собой. Он сунул книжку обратно за пружинную сетку, закинул для мягкости руки под голову и принялся размышлять.

«Это что ж сейчас за книжки такие? Не-е, я, конечно, не против всяких дел, что мужику с бабой положены, но в книжке-то зачем? Чё там за автор?»

Санька приподнялся, опершись на локоть, чтобы прочитать на обложке фамилию автора.

«Милена Скрипина-Лассаль... — Санька криво усмехнулся. — Ну конечно — держи карман шире. Милена!.. Да я зуб даю, что написал эту хрень какой-нибудь бородатый здоровенный мужик по имени... ну скажем — Автандил Махарадзе... Грузин в третьем поколении, не обрусевший даже, а омосквичившийся. Тайный эротоман-задрот... Стопудово... А сочиняет он свои романчики для озабоченных телок, которых тихо презирает, и приговаривает над книжками: “Читайте, читайте труды мои, девы, несите свою копеечку в мою копилочку, а я вам, сучкам неудовлетворенным, таких историй наплету — в поту и слезах плавать будете!” А бабам что нужно? Да все то же! Как там говорила Алевтина — красотка-буфетчица наша сельская: “Девки, да под мужичков ложиться — это ж нам голимая польза!” И пользы своей сроду не упускала! А тем, у кого мужика нет, — хоть намечтаться до судорог... Это в физиологии называется — прилив крови в область малого таза... Ну а в книги-то зачем?»

Санька крутанулся, перелег на живот и уставился в окно.

Лес в этом месте, подчиняясь воле человека, подвинулся, расступился, давая дорогу пассажирским и грузовым составам, и лишь изредка с наивным любопытством выбегал за отведенные границы молодым, безответственным подросткам.

«Чудо-дерево — сибирская сосна! — залюбовался Санька. — Вот они, сосенки, ровно подружки вышли к поезду, чтобы покрасоваться перед людьми. Провинциалки, но не простушки! Каждая с особой статью!.. И вот тебе раз — “островок волос лобковых”! Земля перевернулась с ног на голову!..»

Так и не определившись с выводами, Санька подвинулся к краю полки, словно надумал поделиться своими мыслями с попутчиками по купе.

Дорога свела его с пожилой, но еще достаточно бойкой женщиной, она представилась как тетя Люся, и молодой парой — Олегом и Светой.

«Молодой парой» значило — недавно сложившейся, поскольку на глаз их можно было оценить лет этак на тридцать пять — тридцать семь. А что вместе они недавно и еще от близости не утомились, читалось по их постоянному желанию касаться друг друга — то сядут рядышком, без зазора всякого, то руки сплетут, то ногами под столом игру затеют.

Санька и себя помнил такого, когда с Ритой еще дружили, да и первое время после свадьбы тоже...

Они вместе с Ритой учились в политехе, куда Санька, вернувшись на «гражданку», без проблем поступил, на всю катушку воспользовавшись положенными ему для внеконкурсного зачисления армейскими льготами. В деревню Санька решил не возвращаться, да никто и не ждал его там. Отец, который представлял собой всех членов семьи (матери Санька не помнил, она утонула, когда Саньке минул годик), умер, пока Санька долг Родине отдавал. И со смертью отца ниточка, связывавшая его с деревней, прервалась.

В городе все вроде пошло неплохо: в институт — вне конкурса, женился — на красавице...

А после института и бизнес наладился.

Санька с помощью институтских друзей и нужных знакомств за короткое время поставил в хороших местах три шиномонтажки и с прибыли намеревался к весне открыть небольшую автомойку, а с ней — два бокса для мелкосрочного ремонта и замены масла.

Но главная его удача — это, конечно, Рита.

Она, помимо приятной внешности и хорошего воспитания, обладала, при всей своей мягкости, выраженными качествами лидера. Как говорили в советские времена — была общественницей и заводилой. И вот однажды «завела» Саньку к себе домой, в качестве мужской силы — помочь установить елку в крестовину.

Рита и Санька решили воспользоваться окном между лекциями — благо что до Ритино дома было рукой подать. Там Санька получил в пользование кухонный фартук, чтобы не угваздаться в смоле, и отправился на балкон за поджидавшей своего часа елкой. А когда вернулся — обнаружил Риту в стареньком халате, в который она переделалась, чтобы извлечь из кладовки запыхавшиеся с прошлого Нового года елочные игрушки.

И вряд ли мы с точностью сможем сказать, что повлияло на Санькины чувства больше: Рита в тесном подростковом халатике, очень даже четко прорисовывающем ее тонкую талию и налитую грудь, или (а ходили и такие разговоры) ее новенькая двухкомнатная квартира как раз напротив политеха, подаренная ей родителями в честь поступления в институт.

Да, нашлись среди их сокурсников те, что не сомневаясь обличали Саньку, дескать, поменял он свободу холостяка на городскую прописку. Но разговоры эти довольно быстро стихли. Потому как жили Санька с Ритой очень даже неплохо, при всей разности характеров.

Саньке нравилась рассудительность Риты, ее самостоятельность и умение уступить мужу (мужики это качество ох как ценят), а если ей хотелось настоять на своем, то и это делалось без ущемления мужского достоинства.

А Рите нравилась Санькина прямота и его деревенская простота. Да, просто нравилось, что он мужик (на фоне городских пижонов и

хлюпиков), может и обнять ласково, но так, что дух зайдет, а может сволоте какой-нибудь в глаз дать без разговоров лишних. И по хозяйству — все, что надо. Руки у Саньки росли из правильного места.

Единственно, что Саньку раздражало, — это образцовая речь Риты. Как у школьной учительницы русского языка и литературы. Сам он в жизни такого лексикона нахватался, что о-го-го! То у мужиков на пашне, кроющих в три этажа и погоду, и МТС, а по пьянке и власть районную, то в бригаде строителей залетных, зэков бывших... И в армии имеющиеся знания усугубил. А Рита мат на дух не переносила и Саньку всячески воспитывала в этом отношении. Он даже из вредности специально для нее выписал в интернете разные иностранные «вежливости», такие как «ай эм сорри», «мерси», «экскузе муа» и «данкешон». Хотя его рыжая натура требовала к «данке» добавить «швайн».

Конечно, время шло, быт брал свое, они привыкали друг к другу, отношения перерастали в привычку. В семейную жизнь, похожую на полезную, но такую одинаковую на вкус овсяную кашу. Может, рождение ребенка внесло бы разнообразие в их устоявшуюся обыденность, но с детьми возникли какие-то заморочки по Ритиным женским делам.

И Санька начал придумывать некие паузы в их общении — как он считал, для общей пользы. Отсюда стали возникать его отлучки на рыбалку или охоту, такие, как вот эта поездка в Красноярск...

— Саш, — позвала приветливая тетя Люся, разложившая на столе картошку, сало, пироги и прочую снедь, — спускайся, закуси. Чего трястись на голодный желудок. У меня тут еды на семерых.

Эх, еда дорожная... Санька со временем вычислил как закон — ничто так не помогает в поезде скоротать время, как захваченная с собой из дома еда: варенные вкрутую яйца, жареные курицы, котлеты, копченая колбаса, пирожки с различной начинкой.

Причем пирожки — это снедь пассажиров, севших на маленьких станциях, где и стоянка-то всего пять-семь минут, а, скажем, курица — признак города с более-менее приличным количеством населения. Москва особенная — в Москве садятся с копченой колбасой. В Барнауле или Новосибирске, да и в Юрге тоже, — с курицей. А вот в маленьких Болотном или Боготле — с пирожками.

После Юрги, кстати, пошел народ с вареной в мундирах картошкой и соленым салом, наполнившим вагонное тепло ароматным духом чеснока.

И предложению тети Люси Санька не удивился — потому что в дороге его всегда угощали соседи по купе.

— Саш, — снова окликнула его тетя Люся, — иди...

Санька знал и любил таких вот простых женщин, которые в деревне частенько подкармливали его, пацана, не избалованного в отцовском доме разносолами.

— Не, тетя Люсь, спасибо! — отозвался Санька. — Я чё-то не хочу. Почитать у вас ничего нету? Журнальчика или хоть газетки?

— Почитать? — изумилась тетя Люся, похоже не сразу сообразив, что от нее требуется. — Не-е-е! Ты лучше спустишь да в окно понаблюдай. А то бока отлежишь!..

Санька промолчал и отвернулся, надумав немножечко вздремнуть. Но сон не шел, как назло. Да и разве человеку с непривычки возможно уснуть, когда кровать его все время едет, постукивая железными колесами на стыках: «Ды-дынс, ды-дынс».

«Лежу и ничего не делаю, — размышлял Санька, — а жизнь стучит колесами по рельсам.... А жизнь движется, жизнь продолжается как будто без меня...»

А жизнь продолжается. Бегут рельсы в разные концы страны. Бегут поезда по рельсам. В поездах едут люди. Смотрят в окна, спят, едят. Им по-прежнему нужно попасть из пункта А в пункт Б. Или наоборот. Тогда они едут наоборот. Едят, спят, смотрят в окна. За окнами леса, поля, населенные пункты. В купейных вагонах чисто и тихо. Белые занавески и влажная уборка. В плацкарте мерный гул, сумки, баулы, ноги в носках, торчащие с верхних полок. В вагоне-ресторане есть бутылочное пиво. В поездах включают свет, как смеркается. Днем по радио передают музыку. Проводники в форменной одежде. Проводники топят титаны углем. В поездах дают чай с сахаром и в красивых подстаканниках...

Сон не шел. И хоть противилась душа, а пришлось Саньке возвращаться к той самой книженции с ботаническим названием «Цветение пурпурной розы». На этот раз он открыл роман где-то на середине, словно рассчитывая, что там автор уже перешел к более эпохальным событиям, чем поглаживание собственных интимных мест.

«Граф, не снимая покрытых пылью плаща и шляпы, сжимая в руке бронзовую жирандоль с пятью свечами, быстрым шагом шел из комнаты в комнату, распахивая двери настежь. Графиню он застал на пороге спальни, в прозрачном розовом пеньюаре, почти не скрывающем ее трепещущего тела.»

— *Ари!* — вскрикнула Сюзанна де Монтестье, увидев освещенную пляшущим светом свечей фигуру мужа в полном охотничьем снаряжении. — *Это вы?*

— *А кого еще вы ожидали лицезреть, моя прелестница?* — порывисто спросил граф де Монтестье, бросая плащ и пояс с двумя кинжалами к ногам графини. — *Судьбе угодно было, чтобы я вернулся! Дорогая, мне загнали сегодня под выстрел самку оленя. Но я не смог нажать на курок... Вдруг я подумал: а что, если в лесной чаще ее ждет вожделеющий олень, благородный рогач, мечтающий о естественном для природы совокуплении? И я, убив самку,*

могу лишить их радости обладания друг другом. Как только мне пришла в голову эта мысль, я бросил слуг там, на опушке леса, приказал никому не следовать за мной и, загоня коня, поскакал сюда, чтобы обнять вас и вкусить вместе с вами блаженство, облобызав вашу грудь и чресла!

— О, Анри! — выдохнула Сюзанна. — Вы единственный мой повелитель на всю жизнь. Я душой и телом — ваша! Возьмите меня немедленно, прямо здесь, у пылающего камина, на этой тигровой шкуре. Мы с вами сами станем как звери и насладимся взаимными ласками...

— Да, прелесть моя, мы сначала сольемся вместе здесь, а затем последуем на наше ложе и там повторим все это многократно, пока изнеможение не скует цепями усталости наши тела!

— О, Анри! — сбрасывая пеньюар, воскликнула графиня. — Идите ко мне, мой рыцарь...

Граф и графиня сплелись в единое обнаженное существо и опустились на тигровую шкуру, наполнив спальню и примыкающий к окну сад сладострастными криками и стонами.

Вскоре все стихло. Граф, отдавший все силы любви, спал на тигровой шкуре, широко раскинув руки и покоя голову на белоснежном облаке пуховых подушек, брошенных на пол во время любовных игр.

Графиня, убедившись, что сон его крепок, как и была, обнаженной, подошла к платяному шкафу и распахнула дверцы. Внутри висели платья Сюзанны, составляющие гордость ее роскошного гардероба. Граф де Монтескье не скупился на наряды для своей обожаемой молодой супруги.

— Поль, — позвала графиня тихим голосом, — Поль, выходи, мы в безопасности...

Из-за платьев появился крепкий молодой человек с тонкими чертами лица, небрежно и не полностью одетый.

— Граф уснул? — спросил Поль, все еще не решаясь выйти из шкафа.

— Не бойся, все не так, как мы думали. Он примчался в порыве страсти...

— Значит, я могу уйти? — спросил Поль, не отрывая глаз от идеальных пропорций Сюзанны, соответствующих греческим скульптурам. — И ждать нового свидания?..

— Нет, милый! — тяжело дыша, отвечала Сюзанна. — Сегодня наша ночь! Недаром в детстве мы поклялись, что никогда не покинем друг друга! Ты не только единственный мой брат!.. Ты моя единственная любовь! И отныне мы станем с тобой богатыми и свободными. Дом пуст, кроме нас — никого... Вот два кинжала... Ты убьешь графа и ранишь меня. Возьмешь некоторые

драгоценности, чтобы смерть графа все приняли за нападение грабителей, а когда шум стихнет, мы уже никогда не разлучимся с тобой. Ты готов действовать?

— Для тебя я готов на все! — ответил Поль, ведя дерзновенной рукой вверх по внутренней стороне бедра молодой и прекрасной графини к треугольнику волос, темневшему в нижней части подрагивающего от неуголимого желания живота Сюзанны. — Но сначала я хочу еще раз сорвать эту цветущую пурпурную розу...»

Санька, не выпуская книжицу из рук, слез с полки, прошел по коридору и бросил «Цветущую пурпурную розу» в мусорный бак.

«Ямбическая сила, — грохотало в нем негодование, — да как же так можно?! Ну я уж точно не монах, но... Что называется: куда крестьянину податься? Придумали бы что получше! На худой конец, что-нибудь там... А то — мужик только на охоту, а баба его тут же эту пурпурную розу свою окучивать... И с родным братиком...»

И вдруг мысленно произнесенное Санькой слово «охота» кольнуло куда-то в район солнечного сплетения.

«Ды-дынс, ды-дынс...» — как и прежде, стучали колеса.

Только теперь сквозь их говорок пробивался голос жены Риты: «Извини, но в данном случае развлекаться в твое отсутствие я, видимо, буду по своему усмотрению».

По своему усмотрению!

Санька усиленно гнал от себя подлые мысли, но они, сделав небольшой круг, возвращались снова. Да, ситуация-то один в один. Муж поехал на охоту, жена скучает...

Вспомнилась и Алевтина-буфетчица со своим коронным: «Девки, да под мужичков ложиться — это ж нам голимая польза!»

«Позвонить! Срочно!» — промелькнуло в Санькиной голове нечто похожее на здравую мысль, и он побежал за телефоном.

В купе уже выключили свет. Тетя Люся спала, а Олег со Светой миловались в потемках, и открытая дверь заставила их отпрянуть друг от друга. Санька, схватив телефон, рванул обратно в тамбур.

Связи не было, поезд пробивался сквозь осеннюю ночь где-то в чистом поле, вдали от сотовых вышек, а аккумулятор, не подзаряженный днем, показывал совсем уж дохлые ресурсы.

Хоть на ходу прыгай...

Саньке бы выругаться, чтобы полегчало, но, как назло, весь цензурный запас вылетел у него из головы, оставив валяться на самом дне памяти «ай эм сори» и «данке шон».

«Стоп, — начал размышлять Санька, — ну позвоню... И что узнаю? Что скажет мне Ритка: “Прости, милый, я тут не одна”? Конечно, нет... Соврет — недорого возьмет! А я — по голосу узнаю... Голос-то сра-азу вы-ыдаст! Ладно, ладно... А что, если Ритка действительно

одна? Спросит: “Зачем звонил?” А я что? “Да понимаешь, я тут книжницу одну прочитал...” Все, рыжий! С этими поездками нужно завязывать... А то до греха недалеко... А до чьего греха-то?.. Эх...»

По стенам тамбура забежали полосы света. Поезд, почти не сбавляя скорости, ворвался на маленький полустанок, где остановка не была предусмотрена.

Зато предусмотренной оказалась сотовая вышка.

Санька набрал номер жены и с замирающим сердцем ждал ответа, вслушиваясь в улетающие в сторону дома гудки...

— Саша? — отдаленно прозвучал в трубке сонный голос Риты. — Привет! Не спишь? А я вот задремала... Как ты там?

— Да я-то чё? — вслушиваясь в интонацию жены, отозвался Санька. — Еду себе понемногу...

— И хорошо, что ты позвонил! — заговорила Рита с какими-то новыми, незнакомыми Саньке нотками. — Я тебе ничего не сказала перед отъездом, потому что не была уверена... В общем, Белокуриха все равно бы отменилась...

— Почему? — машинально спросил Санька.

— Потому что беременным женщинам не рекомендуется кататься на горных лыжах... Саша, у нас будет ребенок! И я тебя люблю...

— Что? — опешил Санька. — Скажи еще раз, Рита! Повтори. Я тоже тебя люблю! Нет, я теперь вас двоих люблю...

И Санька продолжал кричать в трубку о своем счастье, совершенно не замечая, что аккумулятор окончательно разрядился.

«Ды-дынс! Ды-дынс!..» — радостно вторили ему колеса поезда.

Сергей ВОЛКОВ

ПОД НАДЗОРОМ РАЗЛУКИ

* * *

На углу Таврической и детства,
На стене, покрашенной давно,
Если хорошенько приглядеться,
Надписи проступят все равно.

Постою и вспомню, как дружили
И крутили первую любовь,
Как однажды сам Егор Дружинин
Мне рассек мячом бейсбольным бровь,

Бочку с квасом желтую, поэта
Юрку, отошедшего от дел,
Помню, помню, и не только это,
Я и сам стихи писать хотел.

И писал — с нажимом и с напором,
Жаль, что выходила ерунда,
Но любовь к рефренам и повторам
Приобрел я раз и навсегда.

* * *

Над рекой под надзором разлуки
Вновь в просвете вечернем стою,
И сжимают озябшие руки
Мокрый зонт и перчатку твою.

В старом парке, в осеннем провале
 Лист, как ялик, кружит по воде.
 Где мы только с тобой не бывали
 И всегда возвращались к беде.

Между нами, как будто в зазоре,
 Холодок то и дело сквозил,
 А на море, на теплое море
 Я ни разу тебя не свозил.

* * *

Пока я жив, и зрение при мне,
 Пока не остывает кровь в сосудах,
 Пока она кипит, как на огне,
 И голоса лишается рассудок,

Пока ты до порога не дошла,
 Пока стоишь, туманна и морозна,
 Пока еще бумаги со стола
 Могу смахнуть, пока еще не поздно,

Я вдруг рвану, схвачу тебя в дверях
 Случайной, мимолетной нашей встречи,
 Навек, быть может, разум потеряв,
 Чтоб ты на миг лишилась дара речи.

* * *

Топонимика спальных районов
 Вызывает желание спать.
 Глаз не радуя, сердца не тронув,
 Этим улицам век прозябать.

Отирая прилипшие снова
 Капли снега с кирпичного лба,
 Утешает Хрустицкий Козлова:
 Ничего, брат, такая судьба.

Весь в снегу пограничник Гарькавый,
 И Корзун запорошен солдат.

Неизвестной овейны славой,
Все же встали с Фурштатскою в ряд,

И чернеют на них гимнастерки,
Как сугробы вослед февралю...
А от Пестеля я не в восторге
И Марата не слишком люблю.

* * *

*...и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих...*

Гомер

Не носивший плаща, не соливший еду,
Никогда не мечтавший о море,
Я скопил на земле три могилы в цвету
И отправлюсь в четвертую вскоре.

Будет имя забыто мое и труды,
Но, высокой судьбою отмечен,
Я на зов кочевой незнакомой звезды
Выйду к ветхим воротам под вечер.

На заросшей тропе повстречаюсь тому,
Кто скитаться устал до упаду,
И весло, как предсказано было, приму
На плече у него за лопату.

И тогда, круторогих быков и овец
Тонкорунных заклав Посейдону,
Здесь с размаху весло Одиссей наконец
Всадит в землю и двинется к дому.

В Летнем саду

Вновь белой ночью за оградой
Царит какой-то неуют:
Едят и курят возле статуй
И у фонтанов пиво пьют.

От громкой музыки и сора,
От ярких вспышек, толкотни
Листвой укрыться хочет Флора,
Эвтерпа прячется в тени.

Толпа с Невы, толпа с Фонтанки
Под теплым ласковым дождем;
Терпенье, милые гречанки!
Мы ночью черною уйдем.

Мы вновь исчезнем за оградой,
Наш бог стоит невдалеке —
С железным сердцем бог крылатый,
С погасшим факелом в руке.

* * *

In memoriam

Давно на свете нет деревни той,
Где дуб тобой посажен был когда-то,
И поле заросло, и лес густой
Со всех сторон укрыл меньшого брата.

А лес оберегает от беды,
И в час, когда стволы ломает вьюга,
В лесу, еще тесней сомкнув ряды,
Стеной стоят деревья друг за друга.

И там, покуда ветер в голове
И времена накинута на плечи,
Шумит твой дуб, и гнезда вьют в листве,
И большей о тебе не будет речи.

Алина МИТРОФАНОВА

МУЗЫКА В ДОРОГЕ

Р а с с к а з

1.

Дни рождения любимых девушек в жизни Игоря всегда обраста-ли рядом неприятностей.

Самой первой своей девушке, не придумав, что подарить, сунул он глянцево́ый конвертик с деньгами. Девушка нервно заулыбалась, а когда, после ухода всех гостей, Игорь попытался склонить ее к действиям более дерзким, нежели обычные поцелуи, с гневом ответила, что не продается, кинула в лицо ему злосчастно́ый конверт и выставила его из квартиры.

Со следующей своей девушкой он успел перейти к близким отношениям задолго до дня ее рождения. Но зато в этот день, пятнадцатого числа романтического месяца мая, после ужина в ресторане, стоявшего Игорю всей премии на работе, и похода в кино, та долго смотрела ему в глаза, гладила по щеке и шептала, что не любит его, хоть он и хороший, честный и вообще...

Третья девушка была из другого города и нравилась ему спокойно, без надрыва. Встречались они по выходным раз в две недели. Но в день ее рождения Игорь работал и не приложил достаточно усилий, чтобы отпроситься. Девушка обещала не обижаться, если он не придет, но обещания не выполнила. Через неделю они расстались. Вот тут-то чувство Игоря предательски обострилось, и нужно было все бросить, ехать к ней, и будь что будет... Но внезапно его выгнали с работы, и муки любви сразу ушли на второй план и померкли перед простым и суровым вопросом выживания в большом, неродном городе.

Выжить Игорь выжил. Доучился на заочке. Стал дипломированным специалистом. Питер принял его наконец.

И вот в его жизни появилась она — Надежда. Четвертая на его веку девушка. Светловолосая, сероглазая, немного строгая, но с веселым, завлекательным голосом. Надя доучивалась в экономическом

университете. Встречались они уже несколько месяцев, когда нагрелось лето. Надя защитила диплом и уехала из Питера в родной Минск. Осенью она готовилась вернуться, чтобы поступать в аспирантуру.

Надя родилась в июле. На сей раз Игорь предусмотрительно взял отпуск на две недели и ни за что на свете не собирался пропустить день рождения любимой. Однако в пятницу, накануне знаменательного события, его стали терзать тревожные предчувствия. Нет-нет, все будет хорошо! Он благополучно сядет в автобус на станции метро «Московская» и приедет. И пусть он будет невыспавшийся. Пусть с корабля на бал. Но теперь он точно не накосячит!

— Ты слишком из-за нее паришься, — смеялся Илья, хипповатый сосед Игоря по квартире. У дредастого Ильи девушки не переводились.

— Она того стоит, — возражал Игорь.

— Ну, смотри, — пожимал плечами сосед и уходил в свою комнату медитировать.

С Надеждой Игорь связывал много надежд. И совместный съем квартиры, и получение ипотеки в будущем. Да и жениться уже пора. Двадцать восемь лет. В родном захолустье родители давно ждут. Поэтому нужно постараться.

Пятница, к счастью, выпала не на тринадцатое число. Питер готовился к выходным. Питер не волновался из-за дней рождений чьих-то девушек, он просто сверкал в летнем солнце куполами всех соборов.

С трудом дождавшись окончания рабочего дня, Игорь вынырнул из офиса и зашел перекусить в соседнюю забегаловку. Обслуживали его медленно, как будто нехотя. Наскоро поев, Игорь побежал к метро. В рюкзаке лежали все его документы и распечатанный билет. Игорь никогда не уезжал из Питера на автобусе. Сам он был из области и катался к родителям на электричке. На электричке ездил и к бывшей в Новгород Великий.

Юг Питера он знал плохо и, поднимаясь по эскалатору на «Московской», вдруг понял, что и не был здесь никогда. Отовсюду напирал народ. Миновав подземный переход, Игорь вышел на нужную остановку и стал ждать. Вот собрал своих пассажиров псковский автобус, вот долго простоял и уехал рижский. А минского все не было. Игорь решил связаться с диспетчером автовокзала, но, вытащив из кармана мобильник, с ужасом увидел черный экран. Долго нервно нажимал на единственную кнопку, вытаскивал аккумулятор, вставлял обратно, но телефон и не думал возвращаться к жизни.

Время отправления давно миновало. Прождав еще пару минут, Игорь пошел в «Макдак».

Тоскливо, совершенно без аппетита ел он бургеры и говорил сам себе: «Это рок. Такая у меня судьба — терять девушек в их дни рождения». Он еще раз, уже без надежды, попробовал включить теле-

фон. И предательский гаджет включился! Тут же ему пришли эсэмэски: первая от Нади: «Ты уже выехал?», а вторая — от диспетчера автовокзала: «Рейс №... Санкт-Петербург — Минск задерживается. Отправление в 20:30».

Игорь судорожно посмотрел на время. Часы на экране мобильного показывали 20:37. Он вскочил и, расталкивая народ, поспешил на остановку.

— На Минск автобус проезжал? — запыхаясь, окликнул он людей с сумками.

— Да, вон там видите белый с фиолетовым корпус? Отъехал недавно.

Игорь бросился бежать по Московскому проспекту вслед за автобусом. Тот обнадеживающе затормозил на светофоре. Игорь выскочил на проезжую часть и заколотил кулаками в дверь. Водитель только покачал головой, развел руками. Дверь так и не открылась. Зажегся зеленый свет, и автобус неспешно тронулся.

Игорь был в полном отчаянии. Он залез в сканер, но ближайший самолет был только завтра днем, да и стоял неприятно дорого.

Тут зазвонил телефон.

— Привет, Игорюха! Ну что, ты уже в дороге? Я тут спросить хотел...

— Нет, блин. Опоздал я на автобус.

Илья засмеялся в трубку:

— Может, и не надо?

Игорь впервые обозлился на соседа:

— Да иди ты...

— Да ладно, ты, брат, полегче. Стопом езжай к своей королевне. Расстояние-то невелико — глядишь, в то же время прибудешь. Или подожди — наверняка еще что-нибудь на Беларусь пойдет.

— Не верю я больше автобусам. А стопом не ездил никогда.

— А ты попробуй! Может, еще понравится, про все автобусы на свете забудешь.

— Да брось ты, какой я автостопщик!

— Нормальный. — В голосе Ильи промелькнула заразительная уверенность. — Я все тебе расскажу. Садись на маршрутку в сторону Гатчины. Когда начнется объездная, выходишь и начинаешь стопить. Ловишь машину в сторону Пскова, а бывает, и сразу до Беларуси застопишь. После Пскова — до Острова, затем Опочка. А оттуда уже все машины на Беларусь. Тебе, главное, к утру до какого-нибудь городка белорусского доехать, хоть до Полоцка, хоть до Витебска, а там уже сядешь на местный автобус и напрямик в Минск, к любимой... Ну не к утру, так к обеду. Все ништяк будет!

— Спасибо, друг! — сам еще не веря, что вот-вот ввяжется в такую авантюру, ответил Игорь.

— Да, и смотри еще. Ты же на «Московской»? Купи себе в подземном переходе ветровку поярче. И фонарик тоже где-нибудь купи. В темноте стопить лучше с фонариком. Ну и карта в телефоне всегда есть. Или звони, если вопросы будут.

— Телефон глючит, отсюда и все траблы.

— Ну, так оно и правильней, может. Дорога тебя не оставит, брат. Теплой трассы! Да, и я хотел спросить: хлеба с маслом можно у тебя взять? А то мне уже лень в магаз выбираться.

— Конечно! Мог бы и не спрашивать.

— И ты тогда бы к любимой так и не приехал.

— Все еще впереди. Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.

— Да все хорошо будет. «Легкая карма, светлый дух» — ты это почаще повторяй. Помни, что каждый километр тебя к любимой приближает.

— Ладно, поеду я, пока! — Игорь отключился.

Как все-таки странно устроена жизнь! После опоздания на автобус все бытие казалось Игорю чудовищно бессмысленным. Как будто его отношения с Надей закончились бы на этом. Нет, он просто не мог ей сказать, что опоздал на автобус, что задержится, что его приезд под вопросом. В другое время он, конечно же, отказался бы от идеи ехать автостопом, но сейчас был слишком опустошен, и идти домой или ждать следующего автобуса казалось ему смерти подобным. Только бы куда-то двигаться, а не то демон самокопания с огромным острым клювом подстережет его и начнет истязать!

Наскоро примерив и купив куртку оранжевого цвета и обзаведясь фонариком, он запрыгнул в маршрутку до Гатчины.

«Любимая, я выехал. С телефоном у меня могут быть проблемы, если не отвечаю — не беспокойся. Адрес твой помню наизусть. Жди меня завтра!»

«Самонадеянно, конечно, — критически перечитал отправленную эсэмэску Игорь. — Но делать нечего: кто не рискует...»

День в июле еще долгий. Темнеть пока не начало. Маршрутка проехала площадь Победы и вышла на Пулковское шоссе. Игорь, почувствовав движение, наконец расслабился и даже залюбовался законным видом. В стороне поднимались Пулковские высоты. Живописно, черт возьми! Столько лет в Питере, а из пригородов был только в Петергофе: водил девушку на фонтаны пофотографироваться. Надо это исправлять. С Надей вообще все что угодно интересно. Только бы до нее доехать!

Коварный гаджет пока работал. По навигатору Игорь отслеживал начало объездной. А вот и оно.

— Остановите!

Маршрутка тормознула, дверь открылась.

Путешествие началось.

2.

— Да, Ильюха, я уже на объездной.

— Место выбирай посветлее и чтобы обочина была пошире. Вдруг дальнобой остановится. Дальнобой — это счастье наше, автостопное. Едут медленно, зато какой вид! Ну, ты, брат, сам все увидишь. Давай, ни пуха...

Игорь посмотрел вдаль, но трассу уже заняли. Впереди, метров через тридцать, стояла девушка в таком же хипповатом, как у соседа Ильи, прикиде, с большим походным рюкзаком. Этакая герла.

— Здравствуйте, — подходя к ней, заговорил Игорь. — Я впервые стопом едущу. Мне нужно куда-то отойти, чтобы вам не мешать?

— Здорово, чувак! На сто метров отойди, и достаточно. — Девушка с любопытством оглядела его. — А ты куда едешь?

— К утру надо в Минске оказаться. Автобус пропустил.

— А-а-а, — протянула она. — Сочувствую. Деньги за билет вернут?

— Это вряд ли, — сказал Игорь не без печали.

— Ну ничего, трасса кормит. Когда по Европе катались с другом, так нам, бывало, еще и денег давали.

— Вот как? Чудно... — Игорь тут же вспомнил, что и за границей ни разу не был. Вот только сейчас собрался в Беларусь.

— А ты куда едешь? — Он, внутренне волнуясь, перешел на «ты». На «вы» всегда комфортнее как-то...

— Я до Пскова еду, там меня друг ждет с палаткой. Где-нибудь заночуем, а дальше двинем на фестиваль в область.

— Не жутко в палатке спать в незнакомом месте?

Герла рассмеялась.

— Ну, ты новичок, брат! Тебе все жутко. Поехали вместе, что ли? Оно и безопасней, и уедем быстрее.

Игорю сразу стало веселее.

— С радостью!

— Только, чувак, у меня одно правило есть. Я драйверам каждый раз истории про себя выдумываю. Вот я и про нас с тобой что-нибудь сочиню. Не будем же мы говорить, что познакомились пару минут назад? — Девушка весело ему подмигнула. Глаза у нее были болотные, ведьмовские, а волосы — кудрявые, рыжеватые, с фиолетовой прядью.

— Справедливо, — согласился он тоном как можно более беззаботным.

А про себя уже начал беспокойную думу думать: «И что она про нас насочиняет? Надо обговорить детали, а то будет — без меня меня женили...» Не умеет он «нет» говорить девушкам. Ой, не умеет...

— Меня Лиля зовут, если что. Лиля — это сокращенно от Лилия. Но Лилией представляться как-то долго. А потому — Лиля.

Игорь кивнул с пониманием, а герла продолжала:

— Я из Казани еду. В Питере на пару дней зависла у друзей. Погуляла, посмотрела... Красивый город — как лес, только из камня. Ты тут родился?

— Нет, учиться приехал на заочном. Работать стал... Уже девять лет здесь.

— Засасывают такие места? — Лила достала сигарету и закурила.

— В каком-то смысле. Хотя... — Игорь чуть помедлил, задумавшись. — Других планов и не было. У нас все из области в Питер едут, вот и я туда же. Обыкновенный конформист.

Лила улыбнулась.

— Ну чего мы стоим? Давай уже стопить.

Игорь показал ей знак автостопщика:

— Правильно?

— Да, пойдет. Начнешь?

Игорь растерянно пожал плечами.

— Ладно, давай я.

Она уверенно подняла руку, зажатую в кулак, с большим пальцем вверх.

— Смотри и учись!

Машины пролетали мимо, обдавая холодом. Лес чернел на фоне заоранжевевшего неба.

Игорь поежился. Да что это с ним? Куда его занесло? Он посмотрел на мобильник — тот все еще работал. Подставил его раз, а теперь работает!

Надя пока не отвечала. Ждет ли она его? Игорь задумался и не заметил, как проезжавший мимо выдавший виды жигуль притормозил метрах в десяти впереди.

— Эй, побежали! — крикнула Лила, схватила свой огромный рюкзак и понеслась к машине.

— До Пскова подбросите? — спросила она у водителя.

— В Лугу еду, — неспешно ответил пожилой усатый драйвер.

— Нас где-нибудь на трассе посадите?

— Без проблем. Рюкзак у вас в салон влезет?

— Вполне.

Игорь затолкал на заднее сиденье Лилин рюкзак и сам расположился рядом его охранять. А его веселая спутница села впереди.

— А мы тут с Вадиком путешествуем...

— Да я вижу. Только рюкзак у вас один на двоих, маловато.

— Какой вы Шерлок, однако! — засмеялась Лила. — Вадик из Пскова, его рюкзак там. Он в Питер на концерт приезжал, там и познакомились. Ну и решили ехать в Псков за его рюкзаком, а оттуда — на фестиваль в лес. Будем целую неделю в палатках обитать.

— Комаров кормить, — добавил водитель.

— И это тоже, — согласилась герла.

— Дело молодое. — В голосе водителя зазвучали меланхолические интонации. — Я со своей женой тоже в Ленинграде познакомился и тоже на концерте. Сколько уж лет тому назад... Время летит, летит, ребята. Правильно, катайтесь, пока молодые. Я бы тоже катался, да жена как дачу с огородом завела, так теперь дальше Луги не уехать.

— Вы из Питера сами?

— Нет, так, по делам ездил. Сам из Луги, и дача под Лугой.

— Но Питер рядом, можно ездить, когда захочется.

— «Когда захочется»! — грустно передразнил Лилу водитель. — Прошло время, когда делал то, что хотелось. Хороша была девушка на концерте, так мне нравилась, так ей угодить во всем хотел — и вот, всю дальнейшую жизнь только и делаю, что угождаю...

Лила вздохнула. За окном разворачивался закат, навевая и на нее, быть может, печальные думы об ускользающем.

А водитель в это время глянул на Игоря:

— Так что смотри, парень... Как там тебя? Вадик... Смотри, не торопись с девушкой. А то, глядишь, всю свободу у тебя и отнимет.

— Ну что вы так трагично? — попыталась ободрить его Лила. — В жизни всегда все можно изменить, если захотеть.

— Да я вроде и менять ничего не хочу. Живу инстинктивно, а чего хочу — не знаю, — водитель махнул рукой и замолчал.

Игоря чуть раздосадовало, что его называли Вадиком. Но вид за окном был так хорош, что сердитость скоро рассосалась. Да он и сам имя свое не сильно любил.

Вот проехали они грациозную усадьбу Рождествено. Игорь не знал, что это за место, но внутренне восхитился: непременно нужно с Надей здесь побывать. Надя, Надя... Ему снова стало тревожно. Но до Луги-то он доберется. С каждым километром он все ближе к любимой!

Водитель включил «Дорожное радио». На работе у Игоря босс тоже все время его слушал. Вот привычно завопила Аллегрова:

Я ждала тебя, так ждала!
Ты был мечтою моей хрустальной.
Угнала тебя, угнала.
Ну и что же тут криминального?

Угнала меня, угнала... Водитель, наверное, и не прочь был, чтобы какая-нибудь рыжая бестия вроде Лилы угнала его из привычной жизни. Да нужен ли он этой рыжей бестии? Да и сам он не даст себя угнать...

За окном мелькали засыпающие деревенские дома, закрывшиеся магазины. А следующая песня была «Домик окнами в сад, там, где ждет меня мама...». Первую строчку Игорь долго не мог расслышать,

оттого особенно вслушивался в слова. Когда же на пятый раз он ее наконец расслышал, всякий интерес к песне ушел. Репертуар «Дорожного» был знаком до невероятной и в то же время примиряющей тоски.

Темнело постепенно. Не так на юге: там тьма свалится внезапно, оглушит цикадами. На юге Игорь был в далеком детстве с мамой. Долго-долго ехали они на поезде в Сочи. И каждый день был долгий-долгий, по событиям и впечатлениям равный чуть ли не целому году дальнейшей его жизни. Но это было давно, в какой-то другой реальности.

Постепенно Игорь начал засыпать. Далекое море мешалось с пиртерскими пейзажами, дорожными знаками и бесконечными песнями.

— Остановите на отворотке в город. — Голос Лилы вернул его в действительность.

Теплая машина уехала в Лугу. А им досталась холодная ночная трасса.

— Тут заправка рядом. Пошли кофе выпьем? Не то тебя срубят сейчас, — сказала Лила и зашагала вперед, на ходу мужественно взваливая на себя свой огромный рюкзак.

«Надо было хоть предложить девушке рюкзаками махнуться», — сонно подумал Игорь, еле поспевая за ней со своим маленьким рюкзачком.

И снова стало тепло. Они уселись друг напротив друга и уплели кофе с хот-догами. У хиппушки Лилы денег почти не водилось, и Игорь, у которого денег тоже было совсем немного, но таки значительно больше, любезно угостил девушку, ощущая приятность своего джентльменства. А фоном играла любимая «АББА», как будто бы подчеркивая, что все происходит правильно.

— Ну, с почином! — произнесла Лила, и они чокнулись пластиковыми стаканчиками.

— А почему ты меня Вадиком назвала? — вдруг вспомнилось Игорю.

— А ты разве не Вадик? Тебе бы пошло это имя. Ты же не представлялся, чувак.

«Чувак» стало за себя стыдно. Вот всегда у него так с девушками — вечно забывает, что говорить. Он растерянно улыбнулся.

— Представишься, может? Или останешься Вадиком? — Глаза герлы лукаво сияли.

— Вообще-то, я Игорь.

Лила засмеялась.

— Никогда не могу запомнить людей с именем Игорь! Тут яркого прозвища не хватает. А фамилия как?

— Смирнов.

Лила заохала. Песня «АББЫ» закончилась.

— Не, чувак, с таким именем и фамилией ты всю жизнь будешь теряться в толпе. Тебе точно нужно прозвище, кликуха какая-то.

Я вот себе клевое имя придумала. Могу и тебе что-нибудь подобрать, хочешь?

— Не стоит пока. И кто ты? — меланхолично проговорил Игорь, глядя, как соус от хот-дога стекает по пальцам на салфетку.

— Я — Лиля Рэд.

— Рыжая Лилия?

— Ага.

Руки Лилы тоже были запачканы соусом, что ободрило Игоря. Неспособность красиво есть всегда раздражала его в себе. Куда больше своего заурядного, как выяснилось, имени. Надя вот и хот-доги умудрялась есть идеально. Хотя звали ее тоже вполне заурядно, что ж такого?

На пару минут он включил интернет и залип в телефоне. Долгожданное СМС от Нади таки пришло: «Жду, милый. Где едешь?» Надины СМС всегда были лаконичны, как и все ее проявления. Всегда чистая, свежая, светлая. Что она нашла в нем? Игорь вспомнил, как на первом свидании Надя никак не соглашалась, чтобы он за нее заплатил в кафе. Удивительная девушка!

«Проехал Лугу только что. С каждым километром все ближе к тебе», — отправил он ответ, снабдив его смайликом для порядка.

Телефон был подзаряжен. Можно ехать дальше.

Лиля тоже с кем-то перезванивалась:

— Лугу проехали. Сейчас кого-нибудь поймаем. Еще не очень поздно. Тут с чуваком едем, ему вообще надо к утру в Минске быть. Какое «поздно»! Приеду уже скоро. Давай!

После теплой заправки трасса показалась совсем враждебной. Игорь посмотрел на часы: всего-то одиннадцать вечера — вся ночь еще впереди.

— Ну что, попробуешь машину застопить?

— Давай попробую, — без энтузиазма согласился Игорь.

Машины стопиться не спешили. Только свист стоял в ушах от их скоростей. Самое время поддаться демону самокопания и начать укорять себя, что к двадцати восьми годам не обзавелся собственной тачкой. Летел бы сейчас вольной птицей по трассе и ни от кого не зависел. Но в голове уже прозвучала ироническая песня «Это не я имею машину, это она имеет меня», вечно игравшая во внедорожнике дяди Гриши, когда Игорь навещался в родные края.

— В темноте вообще реально кого-то застопить?

Лиля равнодушно пожалала плечами:

— Всякое бывает. Если что — через час можно вернуться на заправку, выпить кофе и немного подремать. У нас хорошее место.

— Ну уж нет! — взъерепенился Игорь. — Мне нужно ехать дальше!

— Да что там ждет тебя, такое неотложное?

Игорь выдохнул, готовясь поведать сокровенное:

— К девушке на день рождения еду.

— Так это вечером. Кто дни рождения с утра празднует? До завтрашнего вечера времени еще целая вечность!

— Она днем празднует, такая у них традиция семейная.

— Приедешь как приедешь. Часом раньше, часом позже — какая разница? Не надо так сильно из-за нее стараться, девушки это не очень ценят...

— Ну, знаешь... — Игорю очень захотелось огрызнуться, но тут вдруг пролетающая мимо белая «тойота» притормозила.

— Да ты крут, чувак! Побежали! — услышал он от устремившейся вперед Лилы.

— Еду до Пскова, — важно сказал им деловой господин за рулем, поправляя на носу очки.

— А мы путешествуем автостопом. — Лила вновь уселась на переднее сиденье, оставив Игорю в компанию свой рюкзак.

— Еду уже двое суток без сна. Будете помогать мне не уснуть и дальше. — Водитель быстро отпил из стаканчика. — Мешаю кофе с колой — сильнейший энергетик получается. Поехали!

Машина резко стартанула и начала разгоняться. Игорь не видел скорость, но у каждого дорожного столба благодарил судьбу за то, что еще жив.

— Я иногда беру автостопщиков, — меж тем продолжал водитель. — Нравится вы мне... Так и надо жить. А у меня вот и машина есть, и работа, и все путем, только проехаться так просто на дальние расстояния редко получается.

— Вы из Пскова? — дружелюбно поинтересовалась Лила.

— Из Перми. Тут родители живут. Катаюсь к ним раз в год в отпуск.

— Так вы с Перми и не спали?

— Да. Ну разок остановился подремать. Некогда спать. Да и зачем? На том свете выспимся.

Конечно — на том свете! Машина все неслась и неслась. Игорь считал километры до Пскова. Но километров оставалось еще много.

— Самое большее я бодрствовал трое суток. Зато потом свалился на два дня, — гордо сказал драйвер.

— Не-е, я только сутки без сна могу выдержать, — восхитилась Лила. — Ну бывает, когда едешь с дальнобоем день-другой, тоже не спишь, только покемарить удастся изредка. Но перед вами снимаю воображаемую шляпу!

— Вы вместе путешествуете? — полюбопытствовал водитель.

— Да, едем стопом с Алтая. Познакомились на фестивале.

— И сразу любовь?

Лила обернулась к Игорю:

— Эй, Вадик, любовь у нас?

Игорь не знал, что ответить.

Лиля рассмеялась:

— Да мы сами не знаем. Пока любовь общая только к дорогам. Да, Вадик?

— Да, — покорно отозвался Игорь, чувствуя, что начинает ненавидеть Лилу.

— Дело молодое. — Драйвер благостно рассмеялся. — Все правильно, путешествуйте. Так всегда — машины есть у одних, а путешествуют на них другие...

— Ну вы же сейчас тоже путешествуете.

— Да, но раз в полгода, не чаще.

В стороне от трассы показалась заправка. Водителю срочно понадобилось обновить свой коктейль.

— Ты чего молчишь, Вадик? — спросила Лиля, когда деловой господин вышел. — Это невежливо. Стопщик должен развлекать водителя.

— Меня зовут Игорь, — сухо ответил тот.

— А жаль.

Водитель скоро вернулся с тремя стаканчиками кофе.

— Меня, кстати, Олег зовут. Угощайтесь!

— Спаси-и-ибо! Трасса кормит, — захлопала в ладоши Лиля. — Кайф!

— Благодарю, — спокойно ответил Игорь.

Машина снова рванула вперед.

— А что это мы в тишине сидим? — Олег тут же врубил музыку, да погромче.

Джим Моррисон запел «Summer's almost gone». Лиля заулыбалась мечтательно.

— Это песня про нас с Вадиком, про автостопщиков и раздолбаев, — пояснила она, почуяв затылком сердитый взгляд Игоря.

— Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела, — усмехнулся Олег. — Прекрасное у вас время, ребята, я завидую вам. Если б не семья и тысяча забот, тоже бы с вами отправился по фестивалям, горам и лесам...

— Да, но осенью нужно сдаваться на работу. Вадику-то хорошо, он в колледже преподает и в аспирантуре на заочке учится. Летом у него работы нет. А мне сложно приходится. Сдам на теплое время квартиру и катаюсь по миру. А зимой холодно, в Индию не всегда есть возможность укатить.

— О, в колледже преподаешь? — Драйвер с интересом поглядел на Игоря.

Тот встрепенулся, вновь осознав, что Вадик из разговора не совсем чужой ему человек.

— Да, биологию.

— Респект молодым ученым, — Олег почтительно приподнял очки за дужку.

К биологии Игорь никакого отношения не имел. Хотел когда-то поступать учиться на биолога, да испугался ЕГЭ. Стал расплывчатым «менеджером». Зато легко было учебу с работой совмещать. А вот Вадик мифический — нет! И ЕГЭ сдал, и делом, кажется, важным занимается. Приятно побыть в его роли... Игорь ему даже завидовать стал.

— В аспирантуре учиться в СПбГУ? — продолжил драйвер уважительно.

— Нет, в Герцена. В СПбГУ не взяли — интриги на кафедре, то да се...

«Хватит Вадику и Герцена», — мстительно подумал он.

— Да эти интриги всюду...

И водитель начал рассказывать про интриги в пермских учебных заведениях, а потом плавно переключился на интриги на собственной работе. Интриговали везде! Талантливых специалистов ни в грош не ставили, зато вездесущие прохиндеи прибирали к рукам и власть, и денежки, да еще и под науку все это маскировали.

Игорь сначала делал вид, что слушает, а потом весь углубился в музыку. Такую музыку он любил — старый добрый рок 60—70-х.

«Yesterday all my troubles seemed so far away», — пели битлы, и Игорь в очередной раз осознавал их правоту. Вчера и он был беззаботен и невинен. И не ведал, что делает, а потому и не делал ничего. Вспомнилось ему вдруг, как в школе на английском всю их группу дрессировали, заставляя зубрить этот текст. Он тогда выучил все как надо, а бездельник сосед его по парте, отвечая англичанке, прикрепил текст на спинку стула впереди сидящего одноклассника и внаглую читал. Обман, конечно, раскрылся. Сколько было возмущений, смеха, сколько было славы... И все не ему — все соседу, такому же прохиндею, как те, про которых только что шел разговор.

А Лила с водителем болтали уже о чем-то другом. Вот и пусть. Не всякому это дано — так просто и беззаботно болтать с первым встречным. Или это привычка? Интересно, если бы он проехал столько, сколько Лила, стал бы он таким же болтуном?

Скорость машины постепенно перестала его пугать. Темные леса сменялись редкими деревеньками с потухшими окнами. Дорожные знаки источали тревожное сияние. Фонари безнадежно пытались побороть ночь. Песня сменяла песню. А вдаль уже стал прорисовываться старинный город Псков. Он, Игорь, здесь никогда не был.

— Вас где высадить?

— Да нам надо еще друга подобрать, он в центре по кремлю шатается.

— Докину вас до центра.

— Спаси-и-ибо! — Лила очаровательно улыбнулась.

Машина мягко плыла по ночному городу. Все здесь было незнакомым и в то же время таким, как везде. Как в Питере непарадном, как в Новгороде не в историческом центре, как в родном Уханове, поселке городского типа. Никуда не убежишь от привычных видов. И Минск, верно, такой же...

Меж тем показался белокаменный кремль, а машина перетекла через мост и остановилась.

Водитель пожал руку Игорю и шепнул на прощание:

— Девушка — огонь!

Игорь, еще не совсем простивший герлу за Вадика и все ее рассказы, критически поморщился:

— Первым делом, первым делом самолеты.

— Ну смотри...

Олег уехал. И снова Игорь с Лилой остались вдвоем на холоде.

Игорь взглянул на экран мобильного. Половина первого. Неплохо. Так бы и на автобусе было.

«Любимая, я в Пскове», — отправил он СМС.

— Эй, Игорь-Вадик! — окликнула его Лила. — Я пошла.

Игорь оторвался от телефона.

— Из города тебе проще выехать на такси. Там продолжишь стоп. Одна машина на твоём счету есть, ты молодец! — Лила засмеялась. Обняла его.

И, прежде чем Игорь что-либо сообразил, она уже неслась куда-то вперед по набережной со своим огромным рюкзаком.

3.

Осмотром достопримечательностей заниматься было некогда. Старый кремль манил Игоря в свои стены, обещая показать новую картинку, ради которой сюда стоило приехать. Но Игорь был непоколебим: «Не сегодня, дорогой кремль, у меня еще много дел. Как-нибудь потом с Надей, непременно». Он загуглил номер местного такси и ждал прибытия машины.

— Что это вы на ночь глядя в путь? Приключений захотелось? — поинтересовался старый, бритый наголо таксист.

— Мне к утру надо в Минске быть. На автобус опоздал.

— А на другой день не отложить?

— Срочное дело. — Игорю не хотелось лишний раз слышать про то, что он слишком сильно старается.

— Вы что, бандит или наркоман?

— И тот и другой, разумеется, — буркнул Игорь и не оставил чаевых. Впервые за всю историю своего путешествия он был рад выйти из машины.

Время приблизилось к часу ночи. Скорей бы, скорей рассвело! А пока Игорь оказался во власти темноты. Он надел под ветровку удачно захваченный дома теплый свитер — как будто чувствовал, что пригодится! — включил фонарик и начал стоп.

Машин стало меньше, и опять все они проносились мимо, сверкая голодными фарами.

«Страшный все-таки зверь — машина. Морда лица его преимущественно агрессивная или надменная. Особенно у иномарок. Наше советское производство придавало автомобилям более человеческое выражение. Оттого-то, наверное, на дорогах сейчас так мало машин с добрыми глазами — вытеснили злобные басурмане».

Хотя недавняя «тойота», на вид та еще стерва, приютила их, подвезла.

Сколько еще так ждать? Сколько дум передумать можно? Холод крадется по ногам, подбирается к ладоням. Да, девушка в стопе — находка. Девушку всем жалко, девушку подвезут, а он что? Какой-то парень со скучным именем, в обыкновенных джинсах и глупой оранжевой ветровке. Эх, был бы на его месте дредастый Илья! Этот бы вмиг долетел, куда ему надо.

Только вспомнил он Илью, как тот уже и звонит. Видать, беспокоится, что вверг приятеля в пучину авантюр.

— Ну как ты, Игорюха? Едешь?

— Стою под Псковом. Доселе домчал благополучно и в приятнейшей компании. (После пятнадцати минут одиночества на трассе общество Лилы уже казалось Игорю приятнейшим.) Так сказать, посвятили. А теперь вот дороги разошлись, стою один, мерзну.

— Давай ты сейчас позу дерева сделаешь, — ободряюще начал Илья. — Смотри, руки над головой соединяешь, локти слегка касаются ушей. Ноги вместе. Постой так пару минут — умиротворяет. Нужно силы восстановить.

— Я бы лучше кофе выпил. Дурак я, надо было хоть поесть, когда в Пскове был.

— Брось. Еда сама придет к тебе, когда станет надо.

Игорь вскипел и запричитал:

— Это у вас, просветленных, еда сама приходит! А мы, простые смертные, вынуждены ее зарабатывать, да и вообще...

— Игорюха, запомни, с тобой происходит только то, чего ты на самом деле хочешь... — Илья явно собирался ему целую проповедь прочитать, да, видно, подумал, бог с ним, еще успеется. А потому замолчал.

— Да, я просто мечтал не попасть на автобус!.. — Игорь звучно зевнул и, тоже не желая вступать в спор, примирительно добавил: — Ладно. Продолжу стоп.

— Сделай позу дерева. Все будет хорошо. Легкая карма, светлый дух, не забывай об этом.

Хорошо ему, Илье, говорить! Сидит себе в позе лотоса в своей теплой комнате на коврикe из бамбука, распивает пуэр и слушает транс. Или девушек с изящными спинами массирует... А он тут стой. И минуты бесплодного ожидания растягивают границы времени. Одна минута на трассе равна трем минутам обычной жизни. Впрочем, сам виноват: и что опоздал, и что Илью послушал... Почувяв в очередной раз приближение демона самокопания, Игорь решил-таки сделать позу дерева — хоть какая-то смена деятельности...

Положив рядом свой полегчавший рюкзак, Игорь соединил стопы, поднял руки над головой ладонь к ладони и закрыл глаза. «Легкая карма, светлый дух... легкая карма, светлый дух...» — шептал он себе. Ноги должны прорасти в землю, голова — устремиться в космос. Дыхание спокойное. Где-то внутри источник силы, его нужно только раскрыть. Ночи нет. Холода нет. Успокойся, Игорь-Вадик. Ты пребываешь в состоянии удивительного путешествия. Помни об этом. Легкая карма, светлый дух... легкая карма, светлый дух...

Грузовик затормозил внезапно.

— Эй, парень, плохо тебе? Залезай, подвезу!

Игорь вмиг возвратился в реальность, схватил рюкзак и поспешил к машине.

На грузовике ему еще ездить не приходилось. Вид из окна и впрямь обширный. Дорога перед тобой так и стелется. Жаль, темно.

— Я стопом в Минск еду. Машин не было долго, решил гимнастику поделать. Спасибо, что остановились.

— Ну, я до Терехова. Там заночую.

— Это же на трассе? Тогда я там тоже выйду.

— Долго тебе еще ехать, на хоть чаю попей. — Водитель указал Игорю на термос, катавшийся туда-сюда по торпедe. — Бутербродами подкрепись. — Порылся на спальной полке и вытащил их целый пакет. — Жена еду готовит на двух меня, а я больше дорожные кафешки люблю.

Он хитро рассмеялся.

Игорь рассмеялся за компанию. Хорошо или плохо готовила жена дальнoбoя, он не понял, потому что голод всякую пищу делает вождeлeннoй. Один за другим уплел он целых три бутерброда.

Машина тронулась, затарахтела.

— Вот аппетит! — радовался водитель. — Ты мне помог, друже. А то жена, как увидит, что я не доел что-нибудь, обижается. Тонкая натура. Хозяйки, они что арфистки. Не съешь их стряпни — будто струны из инструмента повыдергиваешь.

Сравнение показалось Игорю странным. Ну да ладно: едет, и слава богу.

— Дороги у нас тут тихие. Хотя, бывает, гоп-компании встречаются. Так что ты смотри, приглядывайся к людям. И к женщинам одиноким за рулем.

Игорь пожал плечами:

— Да я вообще первый день еду стопом.

— И не боишься?

— Боюсь, не боюсь, думать некогда. Надо спешить.

— Отчаянная ты голова... Ну да ладно, не так оно и плохо — стопом ехать. Мой племянник вон машину не покупает, все стопом катается. Даже в свадебное путешествие с женой так поехал.

Игорю на миг представилась Надя в свадебном платье, стоящая с ним на трассе. Будет ли она так задорно смеяться? Вряд ли. Он тут же убрал Надю из сложившейся в уме картинки. Стоп точно не для нее. Слишком благоразумна. Слишком идеальна. Никогда не опоздает на поезд, никогда никого не подведет. А его ошибка заключалась в легкомыслии, продолжал уже за него демон самокопания. В минуты крушения планов он всегда был тут как тут! Вот и теперь подступил с клювом своим огромным... Надо было уже в пятницу взять выходной. Так бы сделал человек благоразумный. Или на поезде ехать — дороже, да надежней. А он сэкономить хотел, билет купил на рейс непонятный. Все забыл в суете будней. Вот потому и едет теперь по незнакомой трассе темной ночью, не зная, доедет ли.

У водителя в плеере играл блатной шансон. Сам он был мужчина крупный, словоохотливый. «Ах, тверичанка, тверичаночка!..» — голосил Михаил Круг. На припевах драйвер начинал подпевать, на куплетах — с Игорем разговаривал.

— А по жизни чем занят?

— Да работаю в офисе.

— Женат?

— Надеюсь, скоро буду.

— Да не спеши ты, парень...

— Что-то все как сговорились сегодня — не спеши, говорят, не спеши, — пожаловался Игорь. — А потом сетуют, что демографическая ситуация в стране плохая.

— Ну, это конечно. Только мужчине-то зачем спешить? Пусть бабы спешат. Их лето короче нашего. А ты не баба — не спеши... Катайся вон по дорогам. Столько дорог на свете! Я бы так ехал и ехал, вперед и вперед. Когда доезжаю — даже жалко становится. Не понимаю, как можно на одном месте сидеть, работать? Одно и то же помещение год за годом. Разве только в кабинет другой переедешь при повышении... Не по мне это! Грузовик мой хоть и маловат, а едет славно. Ах, тверичанка, тверичаночка!..

«Ах, белоруска, белорусочка», — начал уже импровизировать про себя Игорь.

— Дорога затягивает, — продолжал свое дальнобой. — Я вот и Европу объехал, и по России чуть ли не до Байкала доезжал! Ах, красота! Не был я, правда, во всяких странах экзотических, да и не надо

оно мне. Страна у нас большая, есть где разгуляться... Теперь, правда, жена далеко не пускает. Но держался я долго. Аж до тридцати восьми.

— В тридцать восемь умирают гении, — заметил Игорь.

— Ага, парень, это ты верно сказал. Мой дорожный гений умер в тридцать восемь. Зато семейный гений пришел ему на смену. Тоже хорошо. Тоже правильно. Ну, ты понял меня? Не спеши.

Игорь постепенно задремывал. Драйвер не стал ему мешать. Пусть отдохнет парень — долго ему еще ехать.

Вот они обогнули город под названием Остров. Смотреть там было не на что, тем более в темноте. И Игорь не смотрел, он забылся неровным дорожным сном. События минувшего дня мешались в голове. То ему виделось, что на самом деле он купил билет на поезд. И вот бежит по платформе и все не может найти нужный вагон. А то он оказывался уже в Минске, а Минск точь-в-точь как Озерки, где он снимает комнату в двухкомнатной квартире. И нет в этом Минске Нади. И адреса такого не найти. А вот уже и сама Надя появляется перед ним в белом платье в горошек и говорит: «Да и нет никакого дня рождения. Не у всех людей бывают дни рождения, понимаешь?» Я пошутила. Хотела тебя проверить, сильно ли меня любишь... Ну, ты понимаешь?» Игорь на это думает: «Ах, как хорошо, что не у всех бывают дни рождения! Некоторые люди вообще не рождаются. Как, например, Игорь-Вадик. Игорь-Вадик...»

— Игорь! — услышал он сквозь сон. — Ну все, Терехово, приехали!

На прощанье водитель крепко пожал ему руку и снова напомнил:

— Не спеши, парень, говорю тебе!

Игорь сонно кивнул и пообещал не спешить, лишь бы расстаться с драйвером на доброй ноте.

На экране мобильного высветилось время — половина третьего. Еще было темно, но близость утра ободряла. Подсвеченный фонариком, Игорь продолжил стоп. И опять, в лучших традициях, редкие ночные машины пробегали мимо. Но Игорю уже сделалось спокойно. Он хорошо продвинулся по заданному маршруту.

Раз остановилась машина, в ней сидела пожилая пара. Машина чуть попятилась в его сторону. Игорь подошел:

— В сторону Опочки можете подбросить?

Пара пробормотала что-то неразборчивое и уехала. Пожелав им сильно соскучиться на даче, или куда они там, Игорь вновь начал штурмовать трассу.

Эсэмэсок от Нади больше не было. Милая Надя спит себе и не ведает, в какие приключения впал дорогой ее человек.

А приключения продолжались.

Минут через двадцать застопился потрепанного вида уазик. Доброе лицо автомобиля совсем расслабило Игоря. В машине сидели два парня примерно его возраста. Орала музыка.

— Ребят, в сторону Опочки подбросите?

Парни переглянулись.

— Куда? — переспросили они, пристально его разглядывая

— До Опочки. Или, может, вы вообще в Беларусь?

— Мы ближе сворачиваем, но ты залезай.

Игорь разместился на заднем сиденье, машина тронулась.

Музыка сразу оглушила его. Владелец восточного акцента изливал душу рэпом.

— Кто таков, рассказывай! — меж тем заговорили с Игорем ребята.

Он плохо расслышал их вопрос, но решил не переспрашивать, примерно предположив, о чем его могли спросить.

— Зовут меня Игорь, я из Питера в Минск еду.

— Что? — Парни переспросить не постеснялись.

Игорь повторил. Они замолчали. Музыка забивала уши. Игорь чувствовал себя крайне некомфортно.

Проехав минут пять, машина вдруг завернула по грунтовке в лес.

— Эй, парни, вы куда? Если вам не прямо, то я пойду тогда.

— Сиди, — бросил тот, что был за рулем.

Углубившись в лес километра на два, машина остановилась.

«Ну вот и докатался!» — мрачно подумалось Игорю. Что-то теперь будет?

А голос, подчинивший себе пространство, продолжал исповедоваться:

Прошу, не усмири мой пыл!
 Прошу, не оставляй мой бой!
 Я так хочу остаться молодым,
 Я так не хочу говорить «постой»!

— Выходи, — прогремел голос водителя.

Игорь спешно надел рюкзак: авось убежать получится.

Парни грозно глядели на него. Водитель был ростом повыше, стриженный ежиком. Его сосед выглядел похлипче и носил толстовку с надписью «What a shit?» Действительно — что за дерьмо!

Можно было попробовать убежать, ребята вроде не вооружены. Но тогда демон самокопания долго еще будет клевать его бедовую голову, а потому Игорь решил выяснить, в чем дело. Грабить его вряд ли станут: видно же, что взять с него нечего...

— Вот мы и встретились, Вадик! Просто удача какая-то. Полгода тебя выслеживал, все поймать не мог, а тут раз — и на трассе! Про твои автостопные подвиги я слышан. Перст судьбы, не иначе... — проговорил тоном злодея из голливудского блокбастера парень, стриженный ежиком.

— С кем имею честь быть знаком? — улыбнулся Игорь, старательно скрывая волнение.

— Я все про тебя знаю, Вадик Соколов! Помнишь свою студенточку Свету Михайленко?

— Никак нет, извините.

— Ну, может, у тебя таких Свет и много, а у меня она одна была. И ты, сука, ее у меня увел!

— Соблазнил, вы имеете в виду?

— К вам в кровать не заглядывал. Да только она после факультативных занятий с тобой ко мне и носа не кажет!

«Вот оно что! Да этот Вадик — парень не промах!»

— Со Светой все в порядке? — Игорь вдруг забеспокоился о судьбе неизвестной девушки. — Ты парень бравый, ведь и зарубить где-нибудь на пикнике можешь. Она жива-здорова?

— Да, — нехотя ответил свежеиспеченный враг. — А вот у тебя проблемы.

— Убить меня хочешь?

— Не сразу, смерть будет постепенной, — вдруг встрял в разговор второй парень.

— Эй, ты, «What a shit?», двое на одного — не по-джентльменски...

— Игорь погрозил им пальцем, напряженнейшим усилием скрывая дрожь. — Ай-яй-яй, ребята!

Его «ай-яй-яй» внезапно переросло в настоящее «а-а-а!» — парень Светы Михайленко заехал кулаком ему в лицо.

Вот это влип! Что делать? Драться? С детства не дрался, в армии не служил, спортивной борьбой не занимался, друзей особенно не имел, девушек ничьих не уводил... Спасайся, Игорь, беги отсюда, ори, вопи! Любимая ждет тебя в Минске не с расквашенной мордой...

Но Игорь снял рюкзак и со всей яростью бросился на парня злополучной Светы, и они покатались по дороге. «Давай, ударь меня, верзила, но я тоже тебе задам, как могу, — за мою несбывшуюся жизнь, за Вадика Соколова, которым я никогда не был...» Мокрая от росы утренняя трава, печальные стволы берез, гордые колонны сосен, первые лучи пробуждавшегося солнца — все смешалось в одну ярость, в одну боль.

— Мы похороним тебя, Вадик! — прорычал парень Светы Михайленко, нависнув над Игорем.

Какой нелепый конец! Валяться на траве за чужие грешки. Вот так Вадик Соколов...

— Только сначала расскажи мне, кто я, — хриплым, уставшим от сражения голосом попросил Игорь.

Враг его на миг завис.

— Кто я? Биологию преподаю, наверное? Сколько мне лет? Я ничего о себе не знаю. Перед смертью хотелось бы... — пользуясь возможностью вздохнуть, забормотал Игорь.

— Да он смеется над нами! — К ним приблизился «What a shit?».
— Бей его!

— погоди, — сам удивившись торжественности своего тона, сказал Игорь. — Там, в рюкзаке, лежит мой паспорт. Ты посмотри туда. Я хочу знать о себе все!

«What a shit?» недоверчиво порылся в рюкзаке противника, вытащил паспорт.

— Да, Леха, смотри, паспорт вообще на имя Игоря Смирнова...

— Это развод какой-то! Не может быть! — прорычал в ответ Леха, но отпустил Игоря и сел на дороге.

Вот и завели меня вы, легкая карма и светлый дух! Ой, завели... Спасибо, брат Илья... Можно еще дать деру, но теперь у них мой рюкзак. Да и жалко это — удирать...

Ветер ласково шелестел, безразличная природа готовилась встретить новый день.

Парни молчали в растерянности. Игорь, все еще лежа на траве, продолжил:

— Ну что, богатыри, давайте, добивайте меня! Может, я шизофреник! Может, я действительно Вадик Соколов, а не бестолковый клерк Игорь, прозябающий в унылом офисе... Может, я веду жизнь собственной мечты и не догадываюсь об этом? Может, не девушки бросают меня в свои дни рождения, а я — их?

Он начал нервно смеяться. Пошло оно все! Будь что будет. Прекрасная Надя, я, наверное, вот-вот потеряю тебя, но зачем я тебе такой? Даже драться толком не умею...

— Да он, по-моему, того... — заключил «What a shit?».

— И по-моему. — Огромный Леха пожал тяжелыми круглыми плечами.

— Дурачок какой-то! Если он не Вадик, то так бы и говорил, а то сначала покуражиться решил!

Игорю вдруг стало обидно. Он медленно приподнялся и, не глядя на них, куда-то в тревожную утреннюю зелень сказал, отчеканивая:

— Да, я не Вадик Соколов. Увы, не Вадик. Но знаете, я бы им быть не отказался. Путешествовать автостопом, в колледже преподавать, влюблять в себя трепетных студенток... Хороша жизнь Вадика Соколова! Только нет его здесь. Едет где-нибудь по серпантину Крымских гор или ночует в объятиях нежных... Но я за него, если что. — Он решительно встал. — И давайте дальше драться!

Воинственный Леха хотел было принять его приглашение, но товарищ отвел его в сторонку и зашептал:

— Брось, Лех, поехали лучше! Пусть этот сумасшедший здесь остается. Морду ты ему разукрасил, кто его теперь такого подвезет? Поехали! Ему, может, жить надоело, а нам лишние проблемы ни к чему. И трасса тут недалеко... Поехали, Лех!..

Леха нехотя последовал за ним. За руль на сей раз сел «What a shit?», а друг его взгромоздился рядом на переднем сиденье. Из машины доносилась уже другая песня:

В кармане дуло — это неплохо.
И скажи мне: «Сука!» — получишь в ухо...
Мы здесь впервые, ни-ни-ни, но я спокоен,
Как перед боем, пацаны, как перед боем...

Машина начала удаляться, а звуки затихать.

Игорь постоял с минуту в оцепенении. В мокрой траве валялся его коварный гаджет. Он поднял мобильник, нажал на единственную кнопку — работает, собака! Он, Игорь, стоит, весь избитый, разувившийся в себе, в богом забытом лесу, а гаджет работает, работает исправно!

Игорь медленно побрел по дороге. Впереди шумела трасса.

Он посмотрел в веб-камеру. Да, лицо у него теперь совсем не внушает доверия. Тут надо просто машину тормозить, без всякого автостопа. За презренные монеты.

Машины проносились мимо. Стоит ли вообще продолжать путешествие? Даже встреча с Надей перестала волновать его. Что она скажет?.. Да какая разница? Ее героем он совсем перестал себя чувствовать. Туда или обратно — не все ли равно?

Часы на экране мобильного показали четыре утра.

4.

Трасса была почти совсем пустая, когда рядом остановился серый «мицубиси».

— Вас подвести? — томным голосом спросила прекрасная леди за рулем.

Игорь пожал плечами:

— Давайте. Я в Беларусь еду. Если подбросите в сторону границы, буду признателен.

Леди очаровательно улыбнулась:

— Садитесь.

Он посмотрел на нее. Она была в длинном сером платье с открытыми плечами и в перчатках выше локтя. Роскошная женщина! Растекающаяся тушь густо осела под глазами, придавая им зловещее выражение. Видимо, леди совсем недавно плакала.

— Я необычно выгляжу? — кокетливо рассмеялась она, чувствуя его взгляд.

— Вы как будто из черно-белого кино.

Леди таинственно улыбнулась:

— Я в самом деле из кино, — и, сделав небольшую паузу, добавила: — Я актриса. Мы сейчас здесь рядом фильм снимаем.

«Ну и дела!» — устало подумал Игорь. А вслух сказал:

— Вы как будто плакали?

Она явно только и ждала этого вопроса.

— Да, я повздорила с режиссером. Он опять вернулся к жене.

Пусть теперь поедет за мной!

Леди сильно надавила на газ, и машина рванулась вперед.

— Может, музыки? — Не дожидаясь ответа, женщина включила что-то из классики — или неоклассики, Игорь не знал.

За окном светало.

«Долгожданный рассвет, вот где и с кем я тебя встречаю! Мчусь по трассе рядом с женщиной из мира кино...»

Игорь сильно устал и с удовольствием помолчал бы, но леди всем своим видом просто напрашивалась на диалог. Да и невежливо это, как учила Лила.

— Вы, получается, просто катаетесь?

Женщина кивнула.

— А что это за фильм?

— Детектив в стиле нуар.

Про стиль нуар Игорь ничего не знал. А леди продолжала:

— Я играю жену миллиардера, которая сошла с ума и убивает гостей, заходящих в их особняк.

«Час от часу не легче!» — внутренне усмехнулся Игорь.

И тут Лара Фабиан запела «Адажио» Томазо Альбини. Кто поет, Игорь, конечно, не знал. Но песню слышал. Где, с кем? Надя такое не слушала. С кем-то из бывших, наверное. «Бывшие» — такое глупое слово! Как будто прошлое не все время с нами...

Дорога мелькала перед глазами. Машина ехала на большой скорости, но, утомленный, Игорь перестал это замечать. Он не искал взглядом дорожные знаки: положив руку на сердце, он уже и сам не знал, хочет ли приехать. Впрочем, возвращаться ему не хотелось точно. Так бы ехать и ехать, не зная куда и зачем. И чтобы музыка, музыка, музыка...

Он посмотрел на леди. Черные волосы красиво уложены, плечи совсем открыты. На шее ожерелье с пылающим камнем.

«Сначала гопники, а теперь какое-то безумное кино! Чем ты удивишь меня дальше, дорога?»

— Не быстро ли мы едем? — лениво поинтересовался Игорь, чтобы что-нибудь спросить.

— Пустяки. — Леди отмахнулась изящной рукой. — Я не боюсь штрафов и ДПС. Режиссер мне все оплатит. Поедем быстрее? Мне кажется, вы тоже любите большую скорость...

Игорь печально рассмеялся:

— Разве только с сегодняшней ночи...

— Вы выглядите так, как будто недавно из драки.

— Именно.

— Вы дрались из-за женщины?

— Из-за женщины, которую я даже не знаю. Меня весь день принимают за кого-то другого.

— Может, вы и есть другой? Кто-то ошибочно вас поместил в чужой сценарий и только сегодня это понял? — Она легким движением надавила на рычаг.

Скорость продолжала нарастать.

— Может быть, я теперь не знаю.

Леди опасно засмеялась. Игорь залюбовался было ее полуобнаженным телом, но встретился с ней глазами, с которых так жутко стекала тушь, и ему стало не по себе.

— А где у вас съемки проходят?

— В Подмоскowie. — И, опережая его вопросы, актриса пояснила: — Да я просто еду куда глаза глядят, а на такой скорости все близко! Пускай он только догонит меня — я ему устрою!.. Выпить хотите?

В другой раз Игорь бы непременно отказался, но сейчас он хотел расслабиться. Женщина указала ему на катавшуюся по сиденью бутылку «Лимончелло». Игорь сделал пару глотков. После этого леди показалась ему еще более притягательной. Пятна туши под глазами перестали пугать. Такая женщина рядом с ним впервые!

— Вот и славно. — Леди не глядя провела рукой по его щеке.

Он взял ее руку и поднес к губам... Что он делает? А почему бы и нет? В старых фильмах о временах плаща и шпаги его всегда восхищала эта манера красавцев героев так учтиво целовать женщинам руки. Побывать бы хоть чуть-чуть таким героем!

Песня Лары Фабиан закончилась, сменившись чем-то незнакомым. Небо окрасилось в нежные тона.

Игорь вдруг рассмеялся. Скорость все увеличивалась, но ему было так хорошо. Он действительно раньше не знал, что любит скорость!

— Поедем со мной? У меня здесь рядом особнячок в готическом стиле, — предложила леди.

— И вы убьете меня, как героиня вашего фильма? — улыбнулся он.

— Зато какая смерть! — заворковала она. — Это вам не дожить до старости, теряя силы и интерес. А сразу, в расцвете сил, с актрисой, так что потом и в СМИ напишут!

— И что бы вы со мной сделали? — продолжал подыгрывать ей Игорь.

— Это зависит от того, как далеко мы зайдем. — Она обожгла его взглядом.

— Или заедем... — оборвал ее Игорь, собрав остатки воли. — Но мне надо в Минск, увы.

— Вас там ждет женщина? — игриво поинтересовалась его собеседница.

— Разумеется. — Игорь еще отпил из бутылки.

Леди замолчала. С трудом подавив волнение, вызванное ее горячим взглядом, Игорь не пробовал продолжить беседу. В ногах у него валялся дорожный рюкзак с подарком, как бы напоминая ему, кто он и зачем. Игорь закрыл глаза и стал слушать музыку. Музыка поглощала его. Это, наверное, «Апокалиптика» играет. Самое время.

Мысли стали путаться. Перед глазами возникла Лиля, которая вдруг стала его звать с собой на фестиваль. Просветленно улыбался дредастый Илья. А потом появлялась Надя и возмущенно укоряла Игоря, что праздник уже начался, а он еще не приехал. Он начал оправдываться, ссылаясь на прошлый сон, когда она сказала ему, что нет у нее никакого дня рождения...

Вдруг он увидел прямо перед ними грозную морду грузовика. Затормозить они не успели. Машина въехала в грузовик, как в пасть чудовища. Все вокруг переливалось радужными искрами. Игорю стало весело-весело и легко-легко. Невыразимой красоты музыка продолжала играть фоном. Жизнь пронеслась перед глазами — такая смешная, нелепая жизнь!

Он посмотрел на леди. Та вся преобразилась: исчезли зловещие подтеки под глазами, платье засверкало.

— Поедешь со мной? — пропела ему она.

Игорь мял в руках свой рюкзак, пытаясь вспомнить, что ему нужно было сделать. Он нащупал коробку. Что в ней? Ах, точно! Подарок! Подарок Наде!

— Не могу! Не могу ехать с вами, извините!

Вмиг все вокруг поблекло, лицо леди снова стало зловещим.

— Ну как хочешь! — рассмеялась она.

Когда Игорь очнулся, они с актрисой все так же ехали.

— Что это было? — спросил он у леди.

— Ничего не было. Повезло тебе. Среагировал водила, а то бы... — вздохнула она мрачно. Весь ее игривый настрой как рукой сняло.

— Почему только мне? Тебе что — жить надоело?

— Вот мы и перешли на «ты»... — Она холодно улыбнулась и затормозила. — Выходи давай, раз со мной не хочешь.

Ошарашенный, Игорь подобрал рюкзак и вновь очутился на трассе.

Скоро его нагнала белая «Волга». Усатый водитель явно хотел поговорить. Игорь остановился.

— Куда идешь, парень?

— В Минск, я автостопщик. Меня высадили только что, ищу новое место для стопа.

— Это тебя сумасшедшая баба на «мицубиси» высадила?

— Ну да. Она актриса... со своеобразным характером.

— Не связывайся с психованными! Я из-за нее чуть не столкнулся с грузовиком.

Игорь пожал плечами: вот, мол, и не еду.

— Куда путь держишь? Садись — подвезу.

Водитель тоже ехал в Минск. И следующие минут двадцать Игорь, перебивая радио, старательно описывал драйверу свою жизнь, то есть события со вчерашнего вечера до теперешнего момента. А как только рассказ закончился, мгновенно вырубился, напрочь забыв дорожный этикет.

5.

Остаток пути он жадно спал. За окном разворачивалась первая в его жизни заграница с засеянными полями, аккуратными домиками, уютными гнездами аистов. Но Игорь всего этого не видел. Он спал, просто спал, на этот раз без всяких снов.

— Эй, парень, вставай, приехали! — затормошил его водитель.

Игорь открыл глаза, с удивлением глядя на мир вокруг.

— Высаживаю тебя у метро. Сообразишь, куда тебе надо?

Игорь кивнул, вяло пробормотал «спасибо» и вышел.

Первым делом он выпил стаканчик кофе у метро, предварительно добавив туда кока-колы, купленной там же. В голове у него просветлело. Неужели он приехал? Поискал в кармане телефон и ничего не обнаружил. Где он мог забыть его? Вариантов было много.

Разжившись смешным малиновым жетоном, Игорь стал соображать, куда ехать. Разбираться долго не пришлось: в метро все просто. Самое сложное будет на поверхности.

Его путь под землей лежал на вокзал, а оттуда пешком. Надя жила недалеко от центра.

Метро показалось Игорю каким-то игрушечным в сравнении с питерским. Поезда здесь приходили реже. Вынырнув на поверхность, он купил бумажную карту города. Потянулись улицы, похожие на улицы всех городов России одновременно, только названия их были написаны как-то диковинно. «Меняется ли мир вообще?» — думал Игорь. А перед глазами проплывали события минувшей ночи. Было ли все это? Или приснилось? Надо уточнить у Ильи, как только до телефона доберется.

В Минске было тепло, значительно теплее, чем в Питере. Рюкзак Игоря снова прибавил в весе, вместив в себя и свитер, согревавший ночью, и ветровку оранжевого цвета. Сонливость сменилась бодростью вкупе с головной болью.

Шел он полчаса, не больше. Периодически приходилось заговаривать с людьми, уточнять у них, где, что, как. Найдя дом Нади, Игорь остановился в обширном дворе, образованном многоэтажками.

Совершив несколько оборотов на скрипучей карусели, он собрался с мыслями. Надя где-то рядом — светлая, легкая Надя. Хорошо все-таки, что он не поехал с актрисой...

Домофона не было, он просто открыл дверь, поднялся по лестнице, нажал на звонок.

«А туда ли я попал? Не перепутал ли чего?» — судорожно бежали мысли, пока наконец за дверью не послышались шаги.

— Кто это? — услышал он знакомый голос.

— Надя, это я!

Дверь отворилась. Перед ним предстала Надя, строгая, аккуратная, в белом платье в горошек. Игорь стремительно заключил ее в объятия и стал целовать в голову.

Надя начала вырываться:

— Что ты делаешь?

— Целую тебя. — Он улыбнулся.

Надя еще попыталась сопротивляться, но недолго.

— Как ты здесь очутился?

— Приехал к тебе на день рождения.

Он снял рюкзак и достал коробку с подарком.

Надя удивленно открыла и улыбнулась — то, что надо: новенький планшет.

— Ты угадал...

Она предложила Игорю чаю, но он сразу нырнул в постель.

Проспав часа три, он проснулся с опустошенной головой. Дневной сон всегда такой бестолковый. Комната была столь же аккуратная, как и сама Надя. В углу письменный стол, а на стенах много-много грамот, дипломов, благодарственных писем... Легкие занавески медленно колыхались на ветру.

Подошла Надя.

— Как все-таки ты меня нашел? — Она глядела на него влюбленно и гладила по голове.

— Ты сама дала мне свой адрес. Сложнее всего было доехать автостопом.

— Ах да! Автостоп... Ты просто заехал ко мне выспаться?

— И выспаться тоже. — Он поманил ее к себе.

Она начала целовать его с небывалым жаром. Такой Нади он не знал — ни скромности, ни зажатости, ни попыток остаться приличной и независимой. Только веселый смех — да, тот самый сочный, задорный смех.

— Вадик, как я скучала по тебе! — шепнула она, когда они после всего валялись в постели.

Комнату пронизывала тишина.

«Какой еще Вадик? Да что они все сегодня?!»

А Надя продолжала:

— А у меня есть парень, он очень на тебя похож. Представляешь, вы как будто братья! Он должен скоро подъехать. Что-то не звонит... Ну и ладно, а то что я ему про тебя скажу? — Она хихикнула. — Я только оттого с ним и встречаюсь, что он — твоя копия внешне. А характер совсем другой. Обычный такой парень — хороший, но обычный. Весь к моим услугам. Наверное, хороший муж будет.

Игорь резко поднялся и, ничего не ответив, стал собираться. Она снова предложила чаю или поесть на дорогу. Он отказался.

— Мне пора, — сказал он.

— Оставайся! — Надя почти умоляла его. — Придумаем что-нибудь...

Идти ему было некуда, но в квартире с Надей вдруг стало невыносимо тоскливо. Скоро понабьются родственники, друзья — запомнишь имена, улыбайся, изображай интерес... Что он тут забыл?

— Извини, как-нибудь в другой раз. Мне на фест надо, трасса зовет. Заехал тебя поздравить. Только и всего.

— Опять эта трасса! Постоянно она нас разлучает. — Надя грустно обняла его.

— Ну давай, не скучай, у тебя гости скоро... Еще увидимся! — Игорь бодро улыбнулся и по-братски похлопал ее по плечу, точно зная, что больше к ней никогда не приедет.

«Что за чертовщина!» — думал он, спускаясь по лестнице.

Выйдя из дома, он побрел куда глаза глядят. Становилось жарко. Было ему ни грустно, ни весело — скорее странно. Чуть-чуть жаль себя, чуть-чуть жаль Надю. Или не жаль никого?.. Демон самокопания призывал отрефлексировать, что же произошло, но Игорь послал его подальше.

По пути встретил он маленькую кафешку с кондиционером. Играло все то же «Дорожное радио»: автомобили собою все заполонили, за ночь с далекой Эсмеральдой трое мужчин грозились продать душу дьяволу, а мама все ждала кого-то в домике с видом на сад...

Он решил сильно напиться, а перед этим зашел в туалет. Над раковиной висело зеркало. Игорь глянул в него.

В зеркале отражался чуть потрепанный после бурной ночи насмешливый сердцеед, путешественник и ученый Вадим Соколов.

Евгений ВИТЧЕНКО

**ИЗ ЦИКЛА
«АВАРИЙНЫЙ АНГЕЛ»**

* * *

Спи, пока беспробудно.
Спи, поскольку темно.
Аварийно и нудно
Загорится окно.

Аварийной посадки
Ангел требует твой.
И снаружи осадки,
И внутри проливной

Дождь. И слышно, как бьется
Сердце под простыней.
Пахнет выстрелом бронза
Рукоятки дверной.

То-то же поневоле
Обернешься назад:
Ты один в чистом поле.
И доносится залп.

* * *

Сыра земля, и вкус ее ржаной.
Ну как у хлеба дарницкого, что ли...
Душа живая станет мне женой
И на глаза, как траур, спустит шторы.

И будет, как при выходе, темно,
Когда идешь на свет из кинозала.
Немое и великое кино,
Которое мне смерть пересказала.

Кто я такой, чтобы ее (ее!)
Не ждать всю жизнь? Увидеться мгновенно,
Понять, что все, труба, сменить белье,
Иглу в пластинку вставить внутривенно.

Во что одеть мне вверенную ту,
Дрожащую под редким снегом, душу,
Как не в свою с рожденья наготу,
Со всей земной историей наружу?

* * *

Потому что зима.
Ну а в наших краях и подавно.
Потому что один:
Одиночество как бытие.
Потому что душа
Над землей пролетала и плавно
Неслучайно легла
На стекло, как дыханье твое.

Потому что продрог.
Воробьиного носа не дальше
Только высунешься —
И обратно уткнешься в перо.
Потому что январь
На носу. И крещенские наши
Обещают душе,
Даже если спуститься в метро,

Как в какой-нибудь ад.
 Скажешь, все это домыслы Данте?
 Отчего же тогда
 Тень твоей Беатриче дрожит,
 Словно это она
 Над землей пролетала? И сам ты
 Выдыхаешь тепло
 На покрытую инеем жизнь...

* * *

Как у голландцев, зимний свет
 И каждый выписан кирпичик...
 А если то автопортрет,
 Тогда при жидком свете спичек.

Живой качнется огонек
 На сквозняке, как в «Ностальгии».
 И солнца желтый осьминог
 Нас застает уже нагими.

Когда бы не понурость дней,
 Тогда б синей изнанка моря.
 Жизнь коротка, и, значит, ей
 К лицу все ярко-голубое.

Открой жемчужину, сим-сим,
 Прелестниц двух у входа в воду.
 Свет жизни еле различим,
 Особенно когда с исподу.

Наденем счастье на манер
 Туники (белой и просторной)
 И вспомним свет: то, как он бел,
 Еще светлее на полтона.

Куда ж еще? Уж и твоя
 Фигура все неразличимей...
 И задний фон небытия —
 Как свет, который не включили.

* * *

Жизнь как раз еще дается
В руки — что ж ее не брать?
Солнца мизерная доза.
Вальс снежинок. Благодать.

Через три-четыре вдоха
В воздухе — автопортрет.
Кружит как над нами долго
Ангел, что жестокосерд.

Там, у зимней переправы
Через речку, наш каюк.
И старик развозит пары
Всех влюбленных, и мою

Душу одиноку, каюсь.
Каюсь, каюсь: одинок.
То не ангел был, но аист,
Переплывший потолок

Однокомнатной пустыни.
Вот и высохла река,
Даже рта я не раскрыл и
Не потратил медяка.

Игорь и Евгений СТЕЦЕНКО

КОЛЕЧКО

Р а с с к а з

По мере остывания нагретое июльским солнцем небо все больше бледнело. Сейчас оно уже не содержало ни намека на полуденную, глубокую и сочную синеву, так поразившую Ирину. Проведя большую часть года в городе, она успела порядком забыть его цвет. В городе вообще быстро забываешь про небо: бетонные многоэтажки кромсают его бездонную чашу на узкие полосы, лоскуты, по которым взгляд шлепает, будто по лужам на асфальте. А здесь он, взгляд, проваливался в бесконечно далекий омут и уже не мог выплыть самостоятельно, и Диме приходилось окликать ее, чтобы вернуть на землю. Или Антошке. Или Илье Аркадьевичу. Или Артемиде Львовне.

— Венера зажглась, — заметил Илья Аркадьевич и рукой указал куда-то за спину Ирине.

Она развернулась и над самыми зубцами елей, темневших за забором, увидела, что ярко-желтая точка проколола небо, будто золотая булавка — вечернее платье.

— Первая звезда, — сказала Ирина.

— Это не звезда, — благодушно поправил сноху Илья Аркадьевич, — это планета.

— Точно, — смутилась Ирина.

— Планеты — от греческого «странники», они гуляют по небу. Сейчас это не очень заметно, надо подождать часок — посмотреть на нее, подождать еще часок — и еще посмотреть.

Илья Аркадьевич говорил как человек давно и с удовольствием наблюдавший за звездами. Он радовался возможности поделиться с кем-то своими наблюдениями. Ирине передавался его задор.

— И что же я увижу?

— Э-э, нет! Должна быть интрига, тогда будет толк. Давай с тобой посмотрим через часок на небо, и ты все увидишь.

— Давайте посмотрим через часок, — засмеялась Ирина и посмотрела снизу вверх на свекра.

Он был значительно старше ее, с годами сохранил рост и стать и мог бы играть аристократов в кино. Они оба были высокими, Илья Аркадьевич и Артемида Львовна, и то ли с самого начала похожи, то ли сделались такими после долгих лет совместной жизни. В результате Ирина не могла точно сказать, в кого из супругов-родителей пошел ее Димка и в кого — его младший брат Арсений.

— Ирочка, я начну убирать со стола? — напомнила о себе свекровь.

— Давайте я помогу, Артемида Львовна, — автоматически откликнулась Ирина.

— Нет-нет, посидите лучше здесь все вместе. Вы с Димочкой очень давно у нас не были на даче. А ведь ехать совсем недалеко. Правда ведь, Димочка?

— Да, мам, — буркнул в ответ муж Ирины.

— Были-то в прошлый раз, когда ни бани, ни беседки еще не было. Правда ведь, Димочка?

— Да, — снова буркнул Дмитрий.

— А теперь и баня, и беседка. И бассейн еще вот отец сделал.

— Да я здесь в прошлый раз только пни видел, которые потом выкорчевывал. Больше как-то не приходилось бывать, — снова вылетело с той стороны стола, где сидел Дмитрий.

Опускавшиеся июльские сумерки уже скрыли лицо мужа, но Ирине необязательно было видеть его, чтобы знать выражение. Ворчливость Димки с самого начала поездки портила ей настроение, а теперь, в завершение столь хорошо сложившегося дня, попросту стала ее пугать.

— А я хотел бы предложить тост, — снизил градус напряженности Илья Аркадьевич. — Давайте выпьем за вас! За тебя и Ирину. Вы невероятно много пережили и вынесли уже. И слава богу, что вы нашли друг друга.

— Да-да, — подхватила свекровь, — за вас, родные мои. За тебя, Ирочка! За тебя, Димочка!

После тоста Дмитрий с Ильей Аркадьевичем вышли из беседки выкурить по сигарете.

Артемида Львовна принялась аккуратно собирать посуду в невысокие стопки и по одной относить в большой каменный дом, стоявший в двух шагах от беседки в окружении высоких кустов с золотыми шарами цветов на верхушках. Все так их и называли: «золотые шары».

Ирина заметила, что сын трет маленькими кулачками глаза, и спросила:

— Устал, Антон?

Ей нравилось называть его по имени, как будто сын был уже взрослым, серьезным мужчиной, — наверное, потому, что даже сейчас, шести лет от роду, он казался ей невероятно похожим на своего

отца, ее мужа: так же, по ее мнению, смеялся, так же хмурил лоб, когда задумывался о чем-то, и так же плохо засыпал при включенном, пусть и самом слабом свете.

— Нет, мама, — ответил ее ребенок и продолжил тереть глаза.

— Устали, товарищ капитан, — констатировал факт вернувшийся за стол свекор.

Почетное звание внук получил сегодня днем. Справа от беседки стоял круглый бассейн, его голубой надувной борт едва доставал взрослому человеку до пояса. Для шестилетнего мальчугана размеры бассейна оказались достаточными, чтобы отправиться в кругосветное путешествие на надувном матрасе. В морском походе Антон провел добрую половину дня, а когда вновь сошел на берег, дед наградил его внеочередным званием.

— Нет, не устал, — мотнул головой Антон и зевнул.

В шесть лет человек еще не умеет толком слушать свой организм, не слышал голоса уставшего тела и Антон.

— Пойдем спать. Я тебе почитаю, — предложил присоединившийся к семье Дмитрий.

Антон кивнул. Он мог спорить с кем угодно, кроме отца. Пока кроме отца.

Ирина смотрела, как ее муж поднялся из-за стола, словно вырос вдвое, подошел к ребенку. Огромный человек, в сумерках казавшийся высоким, как ели за забором, взял на руки человека очень маленького и бережно понес в дом. Ей никогда не надоедало смотреть, как ее муж заботится о сыне, в эти минуты тихий огонек счастья в ее душе давал особенно много тепла. Также она надеялась, что дурное настроение мужа хоть на толику выветрится за время, что ему предстояло провести наедине с сыном.

— Э-эх, вы такие молодцы! — вздохнул Илья Аркадьевич.

— Почему? — спросила Ирина.

— Потому что родили такого замечательного парня. Потому что не разошлись, когда он заболел, и вместе прошли через все.

— Было трудно.

Зря свекор заговорил об этом. Застарелая обида, одна из многих, заворочалась глубоко в душе Ирины, в самом ее подвале, вход в который придавливали приятные впечатления прошедшего вечера.

— Да, — кивнул свекор, — но вы не дрогнули, прошли через все вместе, поддерживая друг друга.

«Вместе и без вас!» — захотелось добавить Ирине, но она промолчала. Слишком шумно Антон веселился в бассейне сегодня, слишком ярко светилось счастье в его глазах, чтобы выпускать свару из подвала души.

— А вот Сеня нас не радует, — продолжал говорить свекор, вероятно, уже скорее для себя, чем для собеседницы. — С семьей не

живет, мы с матерью из последних сил удерживаем их от развода. И вроде все у людей есть: здоровые дети, хорошая работа, а вот маются дурью...

Наконец он спохватился, исправился:

— Ладно, это все мои стариковские глупости, тебе совсем неинтересные. Ваш Антошка с таким удовольствием сегодня в бассейне корабельным гудком гудел. Он морем не увлекается?

— Нет как будто. Такого мы за ним не замечали.

— Сводите его на ледокол «Красин». Может, понравится. Я тоже, как только из отпуска выйду, кое с кем поговорить могу, чтобы его к нам пустили. Погуляем с ним по верфи.

— А это не опасно?

— Нет, что ты. Туда, где опасно, мы не пойдем. Ему и издали посмотреть хватит для начала.

— Ой, было бы здорово!

— Да. Только позвони мне, напомни. Я из отпуска... дай-ка подумать... в августе выхожу. Вот в десятых числа и позвони.

— Спасибо большое. Да, я позвоню.

— Да пока не за что, — усмехнулся свекор. — Я же ничего не сделал.

Из темноты опустившейся летней ночи материализовалась Артемида Львовна. Она уже успела отнести всю посуду в дом и возвращалась в беседку с легким пледом и небольшой деревянной шкатулкой в руках. Шкатулка как будто была не новой и, скорее всего, как и ее хозяйка, провела в двадцатом веке три четверти своей судьбы.

— Ирочка, это тебе. Уже становится прохладно, — сказала свекровь, протягивая Ирине плед.

— Спасибо, Артемида Львовна, я не мерзну.

— Возьми-возьми, — подхватил Илья Аркадьевич. — Днем очень тепло, но к ночи начинает немного холодать. Такое уже стало лето.

— Спасибо! — ответила Ирина, укутываясь в плед.

Артемида Львовна села рядом с Ириной, поставила шкатулку на стол перед собой. Дерево стукнуло о дерево, звук вышел глухим: вероятно, шкатулка была чем-то заполнена.

— Вот и хорошо, — подытожил Илья Аркадьевич. — Пойду посмотрю на Антона еще разок, пока он не уснул. Вроде целый день вместе, а как мало на самом деле. Долго не засиживайтесь. Темочка, следи за временем, пожалуйста! Ирина, а с тобой мы потом посмотрим, куда же дошла странница Венера.

Сказав это, он покинул беседку и пошел к большому дому, где ранее скрылись муж и сын Ирины. Дойдя до крыльца, Илья Аркадьевич остановился, чтобы включить уличный фонарь. Сразу после щелчка выключателя холодный электрический свет неумовимо быстрым для

глаза движением устремился от фонаря на садовый участок и все, что на нем находилось: стройные карликовые яблони, облитые летней зеленью газон и цветочные кустарники, серую плитку дорожки и покрытые поликарбонатом теплицы. Свет упал и на автомобиль Ильи Аркадьевича, припаркованный слева от дома.

Все это время Ирина смотрела свекру вслед и думала: хорошо бы встречать старость так же уверенно, как это делал он — без мешков под глазами, без избытка седины на висках, без деформированной неправильным питанием фигуры. Даже походка свекра была тверда, как будто это не он вырастил двух уже сорокалетних сыновей.

Обида опять заскребла когтями в душе Ирины. Не двух — одного. Только одному из сыновей Илья Аркадьевич и Артемида Львовна дали путевку в жизнь, и это был не ее муж. Не ее муж учился в математической спецшколе, занимался с репетиторами для поступления в один из лучших технических вузов страны. Не ее мужу купили машину, квартиру, давали деньги на туристические путевки, помогли устроиться на хорошую работу.

Они вдвоем, Ирина и Дмитрий, до сих пор не выплатили кредит за свою малолитражку. Когда в прошлом году Антон заболел, пришлось давать врачам деньги, потому что бесплатного лечения сын мог и не дожидаться; и она, Ирина, до сих пор отлично помнила то чувство, когда заплатила банку и врачам — и выбирала, кому покупать еду в первую очередь: мужу, ребенку или себе. И страх, конечно, — всегда был страх, что в следующем месяце денег на лечение или кредит не хватит.

Нужда развела ее душу кислотным дождем и оставила шрамы, которые пока не зажили. Родители Ирины помогали чем могли и не требовали взамен расписок, но они и сами были отнюдь не богаты. У Ильи Аркадьевича и Артемида Львовны Дмитрий тоже просил денег — причем взаимно: не как сын, которого они растили и должны были любить, а как давний сосед, которому они могли доверять, — но получил отказ. Потом Ирина и Дмитрий узнали о новой машине Сеника, о том, что помощь мамы и папы позволила тому избежать зависимости от банка...

— Знаешь, что у меня здесь? — спросила Ирину свекровь.

— Нет, — ответила Ирина, и сорокино любопытство затрещало в ее душе, заглушив скрежет обиды. — Золото партии?

— О, намного лучше, что ты! Намного лучше. У вас, молодых, есть ваши телефоны, и вы сохраняете себя в их памяти. В наши времена такого не было, и мы сохраняли вещи. Разные безделушки, достаточно мелкие, чтобы их было удобно хранить.

Несмотря на клубившуюся между ними темноту, свекровь, как ей показалось, разглядела в глазах невестки страх и поспешила успокоить ее:

— Не пугайся, я не буду мучить тебя своей жизнью. Она вышла довольно обычной и ни для кого, кроме меня, интереса не представляет...

— Почему? — улыбнулась Ирина. — Для Ильи Аркадьевича, я уверена, представляет.

— Ну и для Илюши, да, — кивнула Артемида Львовна. — А я просто хотела показать тебе одну вещь, колечко. Оно хорошее, и мы с Илюшей очень любим вспоминать его историю. Включи, пожалуйста, свет. А то он умный такой — ушел, везде свет зажег, а про нас забыл.

Ирина встала, дошла до выключателя на столбе рядом со входом в беседку, щелкнула пластмассовой клавишей и вернулась на место. Едва невесомая ткань теплого желтоватого света упала на стол, свекровь открыла шкатулку.

По самую крышку та оказалась заполнена разными мелочами, хорошо перемешанными и давным-давно слежавшимися до почти полного превращения в однородную, одноцветную массу. Артемида Львовна запустила в нее свои тонкие, не по годам гибкие, свободные от артритов и артрозов пальцы и зашуршала, скорее на ощупь, чем на глаз, отыскивая нужное. Достав из шкатулки колечко, Артемида Львовна протянула его собеседнице, чтобы та могла лучше рассмотреть находку.

На ладони старой женщины лежало совсем тоненькое золотое колечко примерно шестнадцатого размера. Оно было без вставки, зато на ее месте мастер поместил узор из двух переплетенных веточек.

— Мы очень любим с Илюшей вспоминать его историю, — повторила Артемида Львовна. — Илюша только-только устроился работать на кафедру... названия точно не вспомню... в общем, технологии судостроения. Там был такой важный и серьезный заведующий — Борис Михайлович Поздняковский. Он и кафедрой заведовал, и проректором потом стал. Илюша знал его давно, и Сенечка потом у него защищался. И, наверное, через месяц после Илюшиного устройства Борис Михайлович нас позвал на день рождения своей супруги — Катерины Матвеевны. Мы, конечно, пошли. Помню, я в парикмахерскую бегала еще накануне. И потом на дне рождения за столом сидели и даже танцевали под проигрыватель. А Борис Михайлович пел прекрасно. Очень красивый голос у него был! И вот там-то я и увидела это колечко у Катерины Матвеевны. Сильно мне оно запало в душу, как тогда говорили. Пришли мы с Илюшей домой, и я ему: «Илюша, закрываю глаза и вижу это колечко». А он сидел и слушал меня...

— В то время, наверное, тяжело было что-то достать.

— Конечно. Трудно было. А у меня каждый день, как закрою глаза, это колечко перед ними стоит. И вот прошло, наверное, полгода, а может, чуть меньше, и была наша годовщина. И мы, конечно, пошли с Илюшей в ресторан. И уже в самом конце ужина он достает из пиджака конвертик, а там как раз это колечко! Да, как раз оно. А как он его делал, это ведь целая история...

— И как же?

— Ну, с Борисом Михайловичем Илюша, можно сказать, дружил. И вот пошел он к Борису Михайловичу и говорит: так, мол, и так, скоро годовщина у нас с Темочкой, уж очень хочется что-то особенное ей достать. А Борис Михайлович и спрашивает: «Чего же достать-то?» Ну мой Илюша уже все продумал и объясняет: «Хочу ей колечко, как у Катерины Матвеевны. И мастера уже нашел, и материал есть — браслет от часов, но образец нужен». Ну и договорились они. Борис Михайлович привозил утром кольцо в институт, а мой Илюша в свободное время, между парами, бежал на кафедру и делал дизайн-проект, как сейчас говорят. А после работы отдавал кольцо Борису Михайловичу. И так каждый день, пока в точности не скопировал. Ну а потом уже мастер все сделал. Вот мы смотрим на это колечко и вспоминаем историю эту... Ее вспомним — и вас с Димочкой вспомним.

— Нас?

— Да, вас с Димочкой. Помню, как вы с Димочкой только познакомились и он за тобой ухаживал и долго копил тоже на колечко тебе. И размер ведь как раз по этому кольцу подбирал.

— Да, я это тоже помню.

— Ну вот, и мы помним с Илюшей. Как же много времени прошло! И много чего мы сделали и не сделали. И не всегда правы были с вами...

— Артемида Львовна, не стоит, наверное... — попробовала остановить свекровь Ирина.

— Нет-нет. Я сейчас это хорошо понимаю. Не всегда правы мы были, не всегда помогали, когда нужно было.

— Ну правда же, не надо про это, — снова попыталась уйти от этой темы невестка.

— Нет-нет! Так и есть, как я говорю. Виноваты мы с Илюшей перед вами. Виноваты.

— Что было, то прошло. А вот сегодня был просто замечательный день! И Антону нашему очень понравилось.

— Сегодня, действительно, замечательный день. И Антоша такой довольный был, и вы с Димочкой отдохнули... Ирочка, я хочу, чтобы ты его взяла себе.

— Что?

— Мое колечко себе взяла.

* * *

Дмитрий повернулся на бок и открыл глаза. Зрение уже привыкло к темноте и вместо черной пустоты рисовало перед ним комнату различными оттенками серого, точно художники-графики. Далеким маяком на противоположной стене горела подсветка выключателя.

Спиной Дмитрий чувствовал тепло прижавшейся к нему жены, через правое плечо до него долетал ее сонный шепот, разорванный на короткие фразы:

— Нет, серьезно! Я думала, Антону станет плохо. Он так смеялся, когда плавал... А вылез ну просто весь синий... Зубы стучали, но светился от счастья. А потом эти кораблики на пульте управления с дедом... Не оторвать было... Хотя бы за это твоим родителям спасибо!.. Завтра во сколько поедем?

— Сразу, как Антон проснется и поест. Надо как можно раньше уехать, чтобы без пробок добраться.

— Хорошо, значит, я в районе семи встаю. Твоя мама тоже обещала в это время встать. Знаешь, я все никак не могу понять... Твои родители... Ну просто как подменили их. Мы никогда так с ними не общались... За все двенадцать лет — никогда! А на этих выходных все совсем по-другому... Знаешь, я, конечно, много всякого про них говорила, но сегодня я их просто не узнавала. Как ты думаешь, что случилось? Почему все так поменялось? Как все-таки иногда приятно быть неправой!..

— Давай спать.

— Давай...

Дмитрий прикрыл глаза — и против воли вернулся в недавний разговор с отцом.

— Дима, ты же всегда поступал правильно, — убеждал его Илья Аркадьевич.

Дмитрий отошел от стола к окну и увидел двух женщин в беседке. Одна из них что-то рассказывала другой. Он вернулся к столу.

— Вот и сейчас я прошу тебя поступить правильно. Мы с мамой тебя просим.

— Отец, вы серьезно? — Дмитрий говорил тихо и размеренно, словно не стремился донести свои эмоции до собеседника, а спокойными движениями втыкал в него, как в распятую для препарирования лягушку, иголки и смотрел за реакцией.

— Дима...

— То есть — вполне серьезно.

Он уже давно все понял и про своего отца, и про мать, которая, очевидно, не просто так сидела с Ириной в беседке, а связывала его супругу каким-нибудь пустым разговором.

— Дим, ну Сенька ведь твой брат. И наш сын.

— А я чей сын?

— Ты тоже наш сын. И мы тебя любим. Тоже. Но ты ведь знаешь, что Сеньке надо помогать.

— А мне — не надо?

— Дима...

— Я все понимаю, отец.

Ему было интересно следить за отцовской реакцией: как будто амeba уворачивается от поднесенной соли, меняет форму, выпускает и убирает ложноножки.

— Дима...

— Серьезно. Я уже давно все понимаю.

— Дим, ну послушай, пожалуйста! Ведь у вас с Ирой уже есть дача. Зачем вам эта? Эту мы хотели бы подарить Сеньке. Ты всегда все делал правильно...

— Отец, в этом ты прав. Я всегда поступаю правильно.

Дмитрий еще раз посмотрел на лежавший перед ним документ — добровольный отказ от претензий на дачу, выдохнул и подписал быстро, резко, будто отрубил что-то.

— Подавитесь! Ире скажете — пеняйте на себя.

Он давно отучился ждать от родителей хоть каких-то проявлений любви и заботы. Ему пришлось сотворить такое с собой, чтобы двигаться вперед, добиваться своих целей. Но на дне души еще оставалось что-то — возможно, след привязанности или ожидание маленького мальчика, что к нему придет настоящая мама.

Оно и вышло наружу вместе с выдыхаемым воздухом.

Татьяна САПРЫКИНА

СВЕТЛОСТЬ БЕЗЫМЯННАЯ

Р а с с к а з ы

*когда цветут пустые яблони
когда на небе вместо неба ночь глухая
в глаза смотри мне в глаза смотри
не по лицу меня узнаешь*

Светлость безымянная

Светлана Ивановна Кругаля в кругу родственников всегда выступала за мир. Она сочувствовала всем видам живых существ, кроме комаров.

В этом мире не могло быть никаких «однажды», все имело опору. Ведь если есть рассвет и закат, то все остальное как-нибудь к этим двум само привяжется.

В июне СИ (протяжная нота глубокого синего цвета) укусил еж, в июле занозилось плечо.

СИ куталась ночью в два дачных одеяла и удивлялась небу — все возможно, все терпимо.

В августе, в день рождения поэта Державина, позвонил Вергилев. «Надо же, — подумалось СИ, — любимое время года, а что себе позволяет!»

— Кружка... — весело начал Вергилев.

СИ никогда не была ни полной, ни пустой и шутку эту не понимала. Прижимая телефон к уху плечом и на ходу стягивая перчатки, перепачканные землей, СИ зашла в дом. Стащила с головы кепку — считай, пересадка пиона пропала — и присела в продавленное кресло.

— ...жизнь — это вентилятор.

СИ прошлась взглядом по комнатке. Что видим, то и поём?

— А также кастрюля. И выбивалка для ковров... — язвительно добавила она.

Надо было как-то поддержать беседу, хотя и не хотелось.

Вергилев охотно рассмеялся. Помнится, он всегда был готов к празднику.

СИ насторожилась. Чего надо этой старой злопамятной заплатке на практически безупречной скатерти ее судьбы? Она и фотографии-то все их совместные давно выкинула. Была когда-то искра, сияла и звала. Но он хотел мерцания миров и еще много пива с друзьями. А она — окно законопатить, чтобы не дуло.

— Зубы-то не все еще выпали? — весело продолжил беседу давний знакомый.

СИ глубоко вздохнула и приготовилась сбросить звонок. Но Вергилев вдруг посерьезнел:

— Дело есть.

Оказывается, у него не так давно родилась двойня.

«Так тебе и надо! — с радостным злорадством подумала СИ. — В пятьдесят-то с хвостиком!»

— Маша и Наташа. Что-то не идут они у меня... Растут плохо. Хилябундеры.

«Я-то тут при чем?» — захотелось рявкнуть СИ, но она сдержалась.

Интересно все-таки, зачем он звонит?

Злоба, древняя как мир, поднималась из груди медленно, верно, зная, зачем она идет — все разрушить и убить. Начнет с самого слабого — с душевного равновесия. Жутко захотелось вернуться к кусту пиона. Нет, хватает наглости звонить, а? Подумаешь, радость — двойня у него...

А ведь клал и ей Вергилев горячую ладонь между лопаток, и текла золотая капля по позвоночнику...

— Помнишь, — Вергилев как-то стыдливо запнулся, — ты говорила, у тебя бабкин заговор имеется? Волшебный, всемогущий... Ты только не смейся...

Он что это, серьезно?

— Да ну тебя! Сдурел ты, Костя. Лучше доктора нормального найди...

Вергилев вздохнул и совсем уж упавшим голосом чиркнул:

— Если прошу, значит, надо. Очень.

От этого его беспомощного полусшепота СИ мигом вынесло в прошлое. Помнится, в комнатке, которую они снимали, невыводимо пахло пылью. И на потолке была трещина в виде страдающей от безводья Африки.

«...Я вот сейчас на ухо твое глупое скажу такое, отчего ты всегда, всю жизнь счастливым будешь. Простым, умным и хорошим. И правильно все будет у тебя. Только не смейся».

Но он, конечно, смеялся. И сам за ухо ее кусал, вместо того чтобы слушать.

«Дуроблямба ты! — шептал, будто пчела по мочке ползла, — и все таяло, текло перед глазами. — Мир — это квантовая спираль. Скачок пустоты. Безымянная светлость. Бабкин заговор против каких-то невидимых квантов? Смешно и сравнивать!»

«А я все равно скажу! — Она сердилась, и, кажется, по-настоящему. — Если... подстрижешься...»

Вергилев стихи писал. А она под диваном никак эту проклятую пыль вывести не могла — даже шваброй. И опять злилась. Злилась, злилась...

то что не рождается само рождает все
 то что не меняется само меняет все
 я твоя изнаночка
 ты моя изнаночка
 будь моей петелькой
 потяни меня потяни за собой...

Как там дальше? Забыла. Да и зачем такое помнить? Не помогли им ни стихи, ни моющие средства.

СИ вздрогнула и поймала свое отражение в зеркале. Забылось. Да не все... Вон как сердце-то прыгает.

— Разве ты в бабкины заговоры теперь веришь?

— Кружка, — подозрительно серьезно задыхал Вергилев в трубку, — я тебе что хочешь куплю. Хочешь, мультиварку куплю? Хочешь — посудомойку?

— Иди ты! — рассердилась СИ.

Бросила бы телефон о стену, да нельзя — дорогой.

Она почувствовала, что больше не может. Уже и голос дрожит, и в горле комок. Дыхание через раз. Это значит, здравствуй, бессонная ноченька. Заварить бы ромашки. Надо завязывать с бесславным прошлым.

— Мне поискать надо. Где-то записано.

Когда Костя наконец от нее отцепился, СИ стекла с кресла на пол и отшвырнула телефон. Старый дачный коврик пах средством для стирки.

Штора.

Окно открыто.

Старая этажерка с хламом в углу...

Вот и они. Пришли слезы. СИ решительно их подавила. Ну уж нет, Вергилев, снова ты меня не зацепишь этой своей непонятной светлостью. Ишь ты, петелька... Ну-ка давай, отцепляйся!

СИ решительно поползла к этажерке. Стала рыться на нижней полке. Дачные вещи — особая радость. Сосланные, брошенные, а возьмишь за них — бездна смысла. Память.

Очнулась — вечер. Пора кабачки поливать.

— Дурак ты, Вергилев! — прокричала она выключенному телевизору. И наконец по-настоящему расплакалась.

Маша и Наташа.

Так и лезло в голову — похожи они на него? Так же глупо улыбаются? Любят в шепталки играть. И лохматые, наверное...

Вот она, бабушкина тетрадь со старыми рецептами. Страшная клеенчатая обложка, страницы измяты, а последняя вырвана.

— Да сожгла я его, этот заговор. — СИ почувствовала, как сильно она устала. — Нечего тут искать. Все сгорело.

Ушел ты, Костя, в общагу с друзьями и подружками барагозить и стихи читать, а я психанула и сожгла. И свое собственное, не бабкино, недоброе заклинание в спину прокричала: «Не будет тебе ни счастья, ни простоты! И правильного ничего никогда у тебя не будет!»

Злая была. Злая осталась. Себя не обманешь.

СИ выдохнула, вытерла слезы, поджала губы.

Взяла телефон и в мессенджер Вергилеву начала набивать. Что видим, то поем? Ну ладно, Костя! Твои правила...

Что первое в голову приходило, то и писала:

«На встающее солнце повернуть человека и самому встать лицом, чтобы свет почувствовать. Сильное настоящее желание помочь не себе, а другому породить. Положить свою левую руку ему на пупок. От сердца сказать: “Расти семечко ясное у тебя внутри, как и у всех живых. Лижи солнце тебе глаза, лижи язык, лижи живот. Пусть дышат. Иди, беги, лети, делай, что захочешь, — да сам на месте оставайся, не теряйся.

Сияй тебе изнутри свет без имени и пути и никогда не гасни.

Пусти, отпусти, все препятствия пропусти!”

Подуть на макушку и повторить три раза».

— Господи, прости меня, — выдохнула СИ и нажала «Отправить». — Пожалуйста!

Саёнара

Одна девочка подросткового возраста так любила иронизировать над своими родителями... Высмеивала их и всегда отпускала саркастические замечания. Вот прямо любые мелкие промахи и недостатки вышучивала.

Не знаю, надо ли дальше вам рассказывать. Дальше очень страшно будет.

Сама-то девочка была вполне адекватная. Мечтала жить в Норвегии, где у нее будет собственное кафе и собака корги, носить одежду оверсайз. Еще она увлекалась японским аниме и давно уже решила

поменять фамилию с Поляковой на Кабаяси. Ну или хотя бы имя — с Лены на Селению.

— Как вы, я жить не буду, — говорила она родителям и хлопала дверью, когда ее просили помыть за собою тарелку, — ни в этой мрачной квартире, ни в этой отсталой стране! Стремное все.

Родители, действительно, не японцы в Норвегии: мама на метро ездит на работу в библиотеку каждый день, папа — на автобусе в институт.

И все время девочка над своими родителями смеялась — какие они у нее глупые, даже инсты у них нет.

— Я буду блогером. Видео буду снимать про... что-нибудь. И так деньги зарабатывать. Реальные деньги, а не вот это вот все.

— Ну и ладно. Будешь так будешь, — говорили родители и покупали девочке кроссовки для занятий волейболом, заколочки с Пикачу и маффины с черникой к чаю.

Дальше вот что случилось.

Проснулась однажды девочка, а родителей дома нету.

Она всегда спала утром долго, если ее мама не будила и не выпинывала силком в школу, а все потому, что ночью девочка всегда в телефоне видосики смотрела о том, как она замечательно жить будет.

— Йоху! — обрадовалась девочка. — И зубы чистить не надо, и над ухом никто не зудит. Праздник!

Еще толком не проснувшись и еле-еле разлепив глаза, прошлепала она на кухню. В холодильнике почему-то было пусто, только лежало одинокое яблоко, которое с одного боку пахло не очень. Пожевала девочка яблоко и пошла в коридор к зеркалу — посмотреть на свои фиолетовые волосы, достаточно ли богемно они растрепаны.

Посмотрела — а оказывается, она выросла.

Но квартира та же, и даже диван в ее комнате старый.

Поглядела за окно — а там все как обычно: никакой Норвегии — советский дворик, умеренно загаженный.

Тут внезапно вроде телефон зазвонил, но звонок чудной. И сам телефон никак найти невозможно. Где он?

— Селения Олеговна Кабаяси, — сказал телефон, или что там вместо него теперь. — Идентификация. О'кей.

В воздухе, прямо в комнате, перед девочкой развернулось сияющее пространство размером с праздничное блюдо.

— Ненавижу этот шлак, — сказал тоненький голосок, и в блюде появилось милостивое личико. Девчачье, лет девяти или около того. — Это твоё отстойное имя. И дом, в котором ты живешь. И все у тебя такое глупое! Инста — это факи позорно. Пф-ф-ф...

Личико закатило глазки, довольное жирно подведенные блестками.

— Еще ты все время мечтаешь. Мечтаешь, мечтаешь, все рассказываешь мне, как ты будешь круто жить. Когда-нибудь... В Норвегии... А надо жить реально.

Девочка, которая выросла, ничего не могла понять. Она тихонько присела на свой старый диван и поджала ноги, которые вдруг стали казаться ужасно громоздкими.

«Может, если почаще моргать, что-нибудь прояснится?» — подумала она.

Но не помогло.

— Так что я решила все поменять, — продолжал бесноваться сияющий экран. — Я не ты. Саёнара. Имею право выбрать себе другую жизнь. Так что с тобой свяжутся. Так что пока. Ну и лицо у тебя — сейчас заистерись! Тот еще отстой. Ненавижу, когда ты истерись. У меня все.

Светящееся пространство размером с блюдо погасло. И тут же в воздухе на уровне покосившейся полки загорелись какие-то цифры.

«Наверное, счет за разговор», — с ужасом догадалась девочка, которая выросла.

И тут в нее стал просачиваться страх. Кое-что она начала понимать, а кое-что вспомнилось само.

— Селения Олеговна Кабаяси, вам пора на работу. — Снова этот кто-то незримый в квартире неизвестно откуда. Следят за ней, что ли?

— Выходите из дома, — приказал бесстрастный голос, и никак нельзя было понять, откуда он исходит. — Через тридцать минут вы должны быть в библиотеке, иначе вас ждет штраф.

Цифры стали мигать, отражаясь на обоях на стене.

И тут девочке, которая, оказывается, выросла, стало так страшно! Так страшно, что я и передать не могу.

Это не моя знакомая, но мне ее ужасно жалко.

Она криво улыбнулась и хотела было пошутить по привычке, но никого рядом не было. Оглядывайся или нет — без разницы. Не издеваться же над самой собой. Или?..

Не зная, что еще сделать, девочка сильно зажмурилась, сидя на своем очень старом диване, — чтобы проснуться.

Может быть, в Норвегии.

Или хотя бы обратно как-то бы...

Но нет, не проснулась она.

Поэтому я и не хотела рассказывать вам эту историю. Правда, страшная она.

Ну ее.

Дальше не буду.

Борис ПРОТАЛИН

ДОМ, ГДЕ ЖИВЕТ ФОЛЬКЛОР

*К 100-летию со дня рождения М. Н. Мельникова
и 30-летию Новосибирского областного центра русского
фольклора и этнографии*

Улица Чаплыгина — не самая приметная в Новосибирске, несмотря на то что находится в центре города, недалеко от златоглавого «центра державы» — часовни святителя Николая Чудотворца, но есть на этой улице дом № 36, симпатичный приземистый старинный особняк с мезонином. И не просто особняк, а памятник истории и архитектуры, охраняемый государством.

В давние времена здесь жили новониколаевские купцы Иконниковы, и торговали они не только в России, но даже в Америке. Жили купцы, не тужили, пока не грянула революция — и советская власть дом не экспроприровала.

С тех пор много воды в Оби утекло. Менялись времена, сменялись поколения. Сколько хозяев обживали особняк, всем ли было тепло в его стенах, трудно сказать...

Но в 1997 году в пригожем домике из красного кирпича поселился областной Центр русского фольклора и этнографии. И дом преобразился! Зазвучала в нем русская музыка, песни, стены украсились росписью — старинный особняк с мезонином превратился в живой очаг традиционной народной культуры.

Вот такая присказка. А сказка уже стала былью. И даже быльем начала порастать.

* * *

Официально областной Центр русского фольклора и этнографии был создан еще в 1991 году по инициативе выпускника Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, фольклориста и композитора Вячеслава Владимировича Асанова как структурное подразделение комитета по культуре администрации Новосибирской области. Произошло это не

вдруг и не в одночасье. Возникновению учреждения специального направления деятельности предшествовала многолетняя работа Ансамбля сибирской народной песни, которым руководил Вячеслав Асанов.

С 1981 по 1991 год ансамбль, помимо концертной деятельности, вел еще и активную исследовательскую работу, а запись музыкальных произведений русского фольклора стала одной из его важнейших задач: в деревнях, селах и городах Новосибирской области, во многих уголках Западной Сибири участники коллектива отыскивали талантливых народных песельников, музыкантов, танцоров, ремесленников, сохраняющих и продолжающих традиции фольклора.

Как исполнительский коллектив, Ансамбль сибирской народной песни побывал во многих городах России, участвовал в фольклорных фестивалях, выступал на самых престижных концертных площадках Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Омска, Барнаула и других городов, принимал участие в международных фольклорных фестивалях в Бельгии и Германии. Ансамбль одним из первых вступил в общероссийскую общественную организацию «Союз любительских фольклорных ансамблей» (впоследствии переименованную в «Российский фольклорный союз»), где Вячеслав Асанов был избран вице-президентом.

Следует отметить, что в организации и становлении областного Центра русского фольклора и этнографии как государственного учреждения культуры большую помощь и поддержку оказал известный сибирский ученый, фольклорист Михаил Никифорович Мельников. Вот что рассказывает о временах становления Центра В. В. Асанов: «В конце 1980-х годов фольклорное движение в России набрало силу. Так, в Екатеринбурге сначала

Областной Центр русского фольклора и этнографии. Фонд-архив ОЦРФИЭ

учредили областной фольклорный клуб, а потом, в 1989 году, — государственный областной Дом фольклора. В 1990 году в Барнауле был открыт Центр фольклора и ремесел. Фольклористы понимали, что уже не просто расппевают песни для своего удовольствия, а занимаются народной культурой, которую надо изучать, транслировать, собирать. И это уже дело государства — поддерживать традиционную культуру, поэтому надо организовывать бюджетные государственные центры, которые в полном объеме должны заниматься изучением, распространением традиционной культуры, создавать фонды».

В 1989 году в Москве состоялся масштабный съезд фольклористов, где Асанов заодно начал собирать подписи в поддержку создания центра фольклора в Новосибирске — поддержали все, кто был на съезде. Затем, вернувшись в Новосибирск, он обратился к депутатам, к другим влиятельным людям — было написано Положение о Центре фольклора и составлены документы, которые передали и. о. председателя исполкома областного Совета народных депутатов Виталию Петровичу Мухе.

Третьего января 1990 года Новосибирский областной Совет депутатов и постоянная комиссия по культуре, искусству, физкультуре и спорту вынесли решение о создании областного фольклорного центра. И 30 июня 1991 года исполкомом Совета народных депутатов был официально создан при комитете по культуре облисполкома областной Центр русского фольклора и этнографии!

В решении было сказано: «Комитету по культуре обеспечить финансирование Центра за счет бюджетных ассигнований, выделенных на содержание учреждений культуры. Рассмотреть возможность обеспечения Центра помещением».

Дом офицеров Сибирского военного округа первым приютил фольклористов, у которых уже были бухгалтер и несколько методистов, получавшие маленькую, но государственную зарплату.

В. В. Асанов расппустил Ансамбль сибирской народной песни, просуществовавший к тому времени уже десять лет, и предложил участникам, ставшим уже опытными фольклористами, создавать свои коллективы. Так возникло несколько фольклорных ансамблей: «Лодка» (рук. Вячеслав Асанов), «Воскресенье» (рук. Татьяна Мартынова), «Радоница» (рук. Наталья Индан (Кутафина)), «Венец» (рук. Любовь Барбуцько (Суровяк)), «Майдан» (рук. Виктор Аникеев), «Росстань» (рук. Галина Аникеева).

Эти коллективы активно работали, накапливая собственный репертуар и организовывая годовой абонемент в Доме офицеров, где показывали разные программы (народная свадьба, воинские песни, песни из какого-либо села, «Святки») — пока их деятельность заключалась только в этом.

В 1997 году В. В. Асанова вызвали в городское управление культуры и сообщили, что появилась возможность дать Центру помещение на улице Мичурина, 6 (рядом с Новосибирским командным речным училищем) — двухэтажное здание, памятник архитектуры! Пошли смотреть. А там — трещины по всему зданию, нужно делать капитальный ремонт. Маленькие комнаты, нигде не развернуться: посадить людей можно, а зала нет, надо все переделывать...

А потом вдруг предложили здание на улице Чапыгина, 36 — тоже памятник архитектуры, но в хорошем состоянии. Конечно, фольклористы согласились! И заселились в него в 1997 году, правда, на птичьих правах, поскольку здание и земельный участок были в аренде, но все равно это был уже свой угол, в котором можно было планировать работу и разворачивать деятельность...

Государственное бюджетное учреждение культуры Новосибирской области «Областной Центр русского фольклора и этнографии» до сих пор находится по этому адресу, а Вячеслав Владимирович Асанов, как истый пахарь и сеятель, до сих пор возделывает почву и бросает в нее добрые семена, прорастающие и дающие всходы.

Это я о том, что за многие годы работы у Асанова появились десятки, а может, и сотни учеников и последователей практически во всех крупных городах Сибири и за ее пределами, успешно и самостоятельно трудящихся на ниве русской традиционной культуры. Это ли не завидный урожай? Это ли не счастье для учителя?

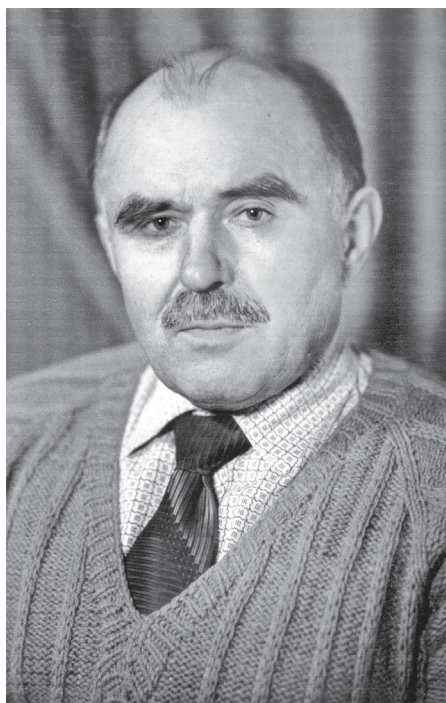
* * *

Отдавая должное вкладу В. В. Асанова в создание Новосибирского областного Центра русского фольклора и этнографии, хочется отметить, что, конечно же, еще до Асанова начал эту работу Михаил Никифорович Мельников (10.08.1921 — 13.08.1998) — один из крупнейших ученых-фольклористов Сибири, профессор Новосибирского государственного педагогического института (университета), член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Союза писателей СССР.

С начала 1970-х годов он уже организовывал фольклорные экспедиции, а в педагогическом институте на своем факультете готовил почву для зарождающегося фольклорного движения. Но об этом чуть позже.

...Когда Ансамбль сибирской народной песни организовался в 1981 году, Асанов поставил задачу так: давайте, ребята, будем заниматься тихо, чтоб о нас подольше никто не знал, а то замучают, будут звать на концерты, встречи... Не будет времени на репетиции. Так они год занимались, полтора — и вдруг приходит Михаил Никифорович Мельников.

Асанов удивился:

Михаил Никифорович Мельников (1921—1998) — один из крупнейших ученых-фольклористов Сибири.
Фонд-архив ОЦРФиЭ

— Как вы нас нашли? Мы же еще нигде не выступали...

А Мельников-то, понятно, собирал информацию о фольклорных коллективах! В общем, нашел он их и со всей своей энергией взялся помогать, направлять, оказывать организационную и моральную поддержку.

Сноха и душеприказчица Михаила Никифоровича Елена Константиновна Мельникова в своей статье о нем утверждала, что Новосибирский областной Центр русского фольклора и этнографии был создан по инициативе Михаила Никифоровича Мельникова.

Мы не будем разделять вклад Асанова и Мельникова в дело основания и становления Центра фольклора в Новосибирске. У обоих была неиссякаемая энергия, было огромное желание вывести живую работу по изучению, сохранению, распространению традиционной культуры Новосибирской области на государственный уровень. И были возможности, которые здесь соединились: у Асанова — живая, практическая работа с коллективами, у Мельникова — авторитет, научное обоснование, организаторская и пробивная сила на всех уровнях власти. И здесь они помогали общему делу и дополняли друг друга.

Михаил Никифорович Мельников, предвидя перспективность работы областного Центра русского фольклора и этнографии и глубоко ценя его значимость, завещал свою библиотеку и часть своего личного аудио- и рукописного архива именно Центру фольклора. И мне приятно, что именно я принимал от хранильницы, Елены Константиновны Мельниковой, эти бесценные материалы, часть которых позднее была исследована, доработана и опубликована в изданиях Центра фольклора.

Вот как Елена Константиновна Мельникова вспоминает о Михаиле Никифоровиче: «Имя Михаила Никифоровича Мельникова многим знакомо. Разговор о его жизни и творчестве, несомненно, вызывает интерес, поскольку его научное и литературное наследие — это значительный вклад в науку и культуру, и не только сибирскую. Его научная деятельность велась в следующих направлениях: детский фольклор и народная педагогика, фольклорные взаимосвязи восточнославянского населения Сибири и экология культуры. Михаил Никифорович был идейным вдохновителем и руководителем множества конференций различного уровня и направленности, особое внимание уделял собирательской работе. Одна из главных целей, которую он ставил перед собой, была спасти для потомков частичку культуры своего народа, он был абсолютно уверен, что сделать это необходимо через сохранение песен, сказок, пословиц, обычаев и обрядов. Именно поэтому М. Н. Мельников был организатором ежегодных летних фольклорных экспедиций по Западной Сибири, во время которых со своими студентами-учениками ему удалось записать и систематизировать около 200 000 произведений русского, белорусского и украинского фольклора. Материалы, которые собрал этот замечательный ученый, легли в основу сборников «Календарно-обрядовая поэзия сибиряков», «Свадьба Обско-Иртышского междуречья», «Сказки Васюганья», «Хороводные и игровые песни Сибири». Его научное наследие — более 100 публикаций, из которых около 20 книг (монографии, учебники, методические пособия, словари) по проблемам народной педагогики, детского фольклору и народной культуре. Под редакцией М. Н. Мельнико-

**Фольклорная экспедиция областного Центра русского фольклора и этнографии.
Село Первокаменка, Третьяковский район, Алтайский край. 1993 г.
Фонд-архив ОЦРФиЭ**

ва вышли четырнадцать книг и шесть сборников “Сибирский фольклор”, а художественные повести “Добродей” и “Северное сияние”, сказки, очерки и стихи печатались в журнале “Сибирские огни” и сборниках сибирских писателей и поэтов.

В последние годы Михаил Никифорович трудился над работой “Школа материнства”, а также над составлением томов серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”. Тринадцатый том был издан в соавторстве с Н. В. Леоновой и Ф. Ф. Болоневым».

Собранные Мельниковым аудио- и рукописные записи фольклора теперь хранятся в трех местах: в Государственном архиве Новосибирской области, в архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории и, как я уже сказал, в фонд-архиве Новосибирского областного Центра русского фольклора и этнографии.

Кстати, когда в начале 2000-х годов в Центре фольклора появилась компьютерная техника, мы в первую очередь начали спасать аудиоматериалы фонда Мельникова. Наши сотрудники, имея опыт работы со студиями звукозаписи, научились вымачивать старые катушечные пленки в специальном растворе, чтобы их можно было хотя бы один раз проиграть и перенести на электронный носитель. Работа была сложная и кропотливая, поскольку записей — огромное количество!

Сотрудник Государственного архива Новосибирской области Елена Андреевна Мамонтова сотрудничала с нами в работе с коллекцией Мельникова: узнав, что мы приступили к оцифровке аудиозаписей Мельниковского фонда, она попросила помощи. И наши ребята приходили в ГАНО, консультировали технических сотрудников, объясняли им премудрости оцифровки старых магнитофонных пленок.

После фонда Мельникова мы взялись за фонды, собранные сотрудниками самого Центра фольклора, и прошли годы, прежде чем была закончена эта работа: последнюю аудиокассету оцифровали только в 2019 году. Правда, тут же принялись переносить на электронные носители видеоматериалы...

* * *

Вторым директором областного Центра русского фольклора и этнографии стал автор этого материала, я, Проталин Борис Евстафьевич. Назначен на должность был в 2001 году уже не комитетом, а управлением культуры Новосибирской области. И что обнаружилось?

Экспедиционная работа практически не ведется. Нет денег. На все учреждение есть только один старенький компьютер — и тот у бухгалтера. Ремонта давно не было. Ни одной книги по фольклору не издано. А главное — фонд-архив Центра! Магнитофонные катушки и кассеты, на которых записаны сделаны десять, а то и двадцать лет назад, приходят в негодность. Надо было срочно принимать какие-то меры...

Тогдашний начальник управления культуры НСО Владимир Григорьевич Миллер, напутствуя нового директора, так и сказал:

— Наведи порядок в Центре фольклора!

Разумеется, у новоиспеченного руководителя не было опыта административной работы с фольклорным направлением в культуре, но был свой опыт и свой багаж. Кроме того, новый директор тоже был собирателем фольклора.

Постепенно стало понятно, почему нет денег на экспедиции, на издание учебно-методических пособий и на многое другое — оказалось, что в управлении культуры Новосибирской области Центр русского фольклора и этно-

Областной Центр русского фольклора и этнографии проводит фольклорный фестиваль «На Кирилла и Мефодия». Окружной Дом офицеров, 1995 г.
Фонд-архив ОЦРФИЭ

графии причислили к «национально-культурным центрам». К тем, которые работали исключительно с диаспорами: татарской, немецкой, украинской и белорусской. У них было минимальное финансирование — и у Центра фольклора такое же. Много раз директор Центра фольклора говорил своим кураторам и в управлении культуры, и в департаменте, потом уже в министерстве культуры:

— Поймите, мы не просто национально-культурный центр! Они работают с ограниченным контингентом, их аудитория — несколько процентов населения области. А русские в России — не диаспора! У нас другая деятельность и другие задачи: например, переселенцы привезли в Сибирь традиции со всех губерний России, и мы изучаем их по всей Новосибирской области. У нас собирательская, исследовательская работа, у нас много календарных, обрядовых праздников, больших фестивалей, выставок, мы обучаем молодежь собирательской работе, шитью костюмов, росписи по дереву — нам как воздух нужны экспедиции! И нам нужны деньги на издание книг. Немецкому Центру помогает Германия, татарскому — Татарстан, Украина и Белоруссия своим помогают. А русскому Центру в России никто помогать не хочет...

Областной Центр русского фольклора и этнографии тогда почему-то воспринимали как маленький захудалый Дом культуры и требовали вести концертную деятельность. На экспедиции денег не давали. Мы выкручивались — и экспедиции были регулярными. На издания денег не давали. Мы выкраивали, искали помощи — и Центр фольклора выпустил в свет десятка два изданий, в том числе на основе материалов, собранных в экспедициях. Это был глоток воздуха для фольклорных коллективов области.

В 2002 году всероссийский праздник День славянской письменности и культуры проходил в Новосибирске. Мы пригласили фольклорные коллективы Российского фольклорного союза. В Первомайском сквере на сценической площадке был выстроен балаган, и праздник прошел с успехом как балаганное представление!

В следующем, 2003 году Центр на хорошем уровне провел межрегиональную научно-практическую конференцию «Мельниковские чтения» — гости и участники собрались из многих регионов России: приехали фольклористы, ученые, этнографы, музыковеды, этнопедагоги. На заключительные мероприятия в краеведческий музей пришел губернатор Новосибирской области Виктор Александрович Толоконский, и мы обратились к губернатору с просьбой выделить финансирование на компьютерную технику. Надо было спасать аудиозаписи фонда Мельникова, своих фондов. Толоконский к просьбе отнесся благожелательно и прямо в зале дал распоряжение помощникам. Вскоре в учреждение пришли деньги на закупку необходимых технических средств.

Справедливость требует сказать, что не всё в те годы было радужно и гладко, возникали и серьезные проблемы: то кто-нибудь решит вдруг присоединить Центр фольклора к другому, неспециализированному учреждению культуры (а это неизбежно означало бы утрату архива и уничтожение Центра), и мы вынуждены были подключать наших сторонников в структурах государственной власти и общественные силы Новосибирска для защиты, то вдруг захотят отнять здание...

Надо сказать, что заходы на «выкуривание» Центра фольклора из дома на Чаплыгина, 36 были с разных сторон — когда у недругов не получалось решить вопрос кардинально, через губернаторов, то «наезды» шли через депутатский корпус.

Хотели отнять арендованное помещение и землю, несколько раз выносили вопрос на голосование — не вышло. Тогда стали засылать комиссии, фотографировать трещинки в здании: мол, зданию нужен капитальный ремонт, съезжайте на время работы, а потом вы въедете обратно. Мы прогнали эту комиссию. Потому что на руках было техническое заключение: здание в хорошем состоянии...

В общем, это была война. Кому-то областной Центр русского фольклора и этнографии не нравился самим фактом своего существования. Был как кость в горле. И получалось, что вплоть до 2012 года самой важной задачей было — защитить Центр фольклора от посягательств и фактического уничтожения.

С 2012 по 2018 год директором Центра фольклора была Надежда Петровна Мисюрева. Это был период ровной, стабильной работы коллектива.

* * *

Собрание фольклорных произведений региона, дневниковые записи переселенческих и местных традиций — это ядро фонд-архива областного Центра русского фольклора и этнографии, его основа. На ней строится изучение материалов, исследование традиций и организуется живая работа в Новосибирской области по сохранению этих традиций.

Фонд-архив Центра фольклора состоит из материалов, собранных разными людьми, разными организациями и в разное время (от 1970-х годов до наших дней), при этом он всегда будет пополняться. В состав фонд-архива входят аудиозаписи на разных носителях (катушках, кассетах, CD), видеозаписи (на кассетах и DVD), рукописные материалы и фотодокументы, а также небольшая этнографическая коллекция (тканые опояски, рушники, музыкальные инструменты, предметы быта).

Можно выделить три составляющие части фонд-архива: первая (основа) — это экспедиционные записи участников Ансамбля сибирской народной песни, а также руководителя коллектива В. В. Асанова в период с 1982 по 1991 год, вторая — записи экспедиций собственно Центра фольклора с 1990-х по 2021 год включительно и третья часть — переданные в дар Центру фольклора материалы М. Н. Мельникова.

Основная часть мельниковского архива попала в Государственный архив Новосибирской области, а в Центр фольклора было передано 1290 книг, 252 тетради, 229 магнитных лент. Собрание этих документов получило название «Фонд М. Н. Мельникова», и они весьма разнородны.

Наряду со студенческими «отписками» (самостоятельные курсовые работы студентов) есть и экспедиционные записи самого М. Н. Мельникова и В. Г. Захарченко, которые порой просто уникальны. Так у нас оказались записи Анны Мефодьевны Красниковой из деревни Ольшанки (Коченевский

район), Ефросиньи Денисовны Прозвицкой, Александры Ермолаевны Егоровой, сказочницы из деревни Ичкала (Северный район).

По материалам фонда М. Н. Мельникова областным Центром русского фольклора и этнографии были изданы: сборник «Песни села Ольшанка», книга сказок «Золотая птица», «Свадебный обряд и песни в записи от Е. Д. Прозвицкой» (приложение к сборнику материалов VI межрегиональной научно-практической конференции «Мельниковские чтения»).

Материалы, собранные В. В. Асановым, включают в себя записи из экспедиций, в которые он ездил от Союза композиторов, от обкома комсомола и от областного научно-методического центра (ныне — Дом народного творчества), а также записи с районных этапов областных фольклорных фестивалей.

Вот как рассказывает о первых экспедициях Ансамбля сибирской народной песни и о содержании коллекций хозяйка фонд-архива, начальник отдела экспедиционно-исследовательской деятельности Центра фольклора Татьяна Юрьевна Мартынова: «Ансамбль сибирской народной песни, продолжая дело М. Н. Мельникова, начал с экспедиций по области, логично считая, что прежде всего надо записать местный фольклор. Нередко мы повторяли маршруты Михаила Никифоровича. Основные направления тех лет по районам: Кыштовский (Макаровка, Верх-Тарка, Колбаса, Крутиха), Северный (Бергуль, Северное, Гражданцево), Куйбышевский (Балман, Гжатск, Чумаково), Сузунский (Мышланка, Шайдурово), Болотнинский (Козловка, Кандереп), Мошковский (Ташара, Дубровино), Ордынский (Верх-Алеус, Рогалево), Усть-Таркский (Покровка, Красноникольское, Новоникольск, Майское), Татарский (Новомихайловка, Степановка, Моховая), Венгеровский (Ночка, Мариинка), Маслянинский (Мамоново). Но был в экспедиционной работе ансамбля небольшой перекокс: Вячеслав Владимирович Асанов считал, что писать нужно только старожилов, из переселенцев он делал исключение лишь для старообрядцев. Очень много мы тогда упустили из переселенческих традиций, которые в 1980-е годы еще были в полном расцвете. А позже пришлось собирать уже остатки.

Кроме работы в Новосибирской области Ансамбль достаточно активно собирал информацию и в регионах, в частности — в Томской (Большая Галка), Кемеровской (Варюхино), Омской (Большеречье, Шипицыно) и Курганской (Яутла) областях, Алтайском крае (Тулата, Первокаменка, Новоалейское, Плоское, Туманово), в Восточно-Казахстанской области (Верх-Уба).

Первые экспедиции по районам были обязательно разведывательными, последующие же многократно обращались к конкретному селу, конкретной традиции. Особенность записей этого периода в том, что песни записывались не ради того, чтобы просто собрать как можно больше материала, редких образцов, не для научного исследования, не для издания сборников. Главной задачей было — научиться петь, вникнуть в традицию.

Полевые исследования, которые осуществляются в процессе экспедиционной практики, — это обязательная часть работы Центра фольклора. Несмотря на бытующее мнение, что всё уже давно записано-перезаписано, сотрудники Центра регулярно выезжают в экспедиции и из каждой привоз-

ят наглядные доказательства того, что в Новосибирской области до сих пор сохранились традиционные народные обряды и песни.

О содержании современных экспедиционных записей можно сказать следующее: сейчас записываем меньше музыкального материала, но больше — репортажей о календарных праздниках, о семейно-бытовых обрядах, о традиционных ремеслах и региональных особенностях костюма. Это та информация, которой практически не было в записях 1980-х годов по причине острой нехватки пленок. Также много записей одиночных исполнителей, что связано с уменьшением количества коллективов. Но экспедиционный материал, грамотно собранный и систематизированный, дает очень большие возможности для реконструкции традиции, восполнения того, что, казалось бы, безвозвратно утрачено.

Перефразируя известную народную поговорку, можно сказать: “Не тот архив хорош, что красиво на полке лежит, а тот хорош, что к народу по дорожке бежит”.

Материалами фонд-архива Центра фольклора активно пользуются фольклорные ансамбли и студии города в поисках репертуара. Архив помогает в поиске и подборе местного репертуара областным фольклорным коллективам (участие в областном фольклорно-этнографическом фестивале “Сибирская глубинка” предполагает обязательное исполнение хотя бы одной песни своего села или своего района). Проводятся очные и заочные консультации для студентов Новосибирска, Красноярска, Омска и Москвы, оказывается помощь в подборе материалов для курсовых и дипломных работ. В районах и отдельных селах области регулярно проводятся выездные семинары и мастер-классы “Песни родного края” по разучиванию местных песен, обрядов. Бывали случаи, когда нам говорили: “А у нас в селе нет своих песен”. Мы им в ответ: “Извините! Но двадцать лет назад в вашем селе мы записали песни. Перепишем их на диск, вам привезем. Разучивайте, пойте. Восстанавливайте традицию...”

Большую роль в пропаганде областного фольклорного наследия, распространении материалов архива играет творческая мастерская для руководителей областных фольклорных коллективов “Фольклор Сибири”, которая задумывалась сначала как двухгодичная, а теперь стала постоянной. Слушатели мастерской обеспечиваются аудио-, видео-, печатными материалами.

По материалам архива Центра изданы нотные сборники: “Песни села Шайдурово”, “Песни села Верх-Алеус”, “Песни села Новомихайловка”, детский сборник “Шла коза по мостику”. Поскольку руководители фольклорных коллективов не всегда владеют нотной грамотой, в качестве дополнения к сборникам выпущены аудио- и видеодиски. По материалам архива также делаются описания объектов нематериального культурного наследия. С увеличением количества архивных материалов все труднее становится ориентироваться при поиске необходимых, поэтому ведется работа по созданию единой электронной базы».

В 2016 году работники областного Центра русского фольклора и этнографии Н. В. Леонова и Т. Ю. Мартынова подготовили и издали обширный методический материал по работе как раз с объектами нематериального культурного наследия, где, в частности, говорится: «Активная экспедиционная

работа и исследовательская деятельность последних десятилетий не ограничивались фиксацией естественных изменений в современном состоянии традиционной культуры и обозначением негативных динамических процессов; в частности, отмечая развивающуюся тенденцию угасания исторически ранних фольклорных форм, теоретики и практики фольклористики заговорили о необходимости реконструкции и сохранения утраченных фрагментов народных традиций с привлечением для этих целей потенциала специализированной образовательной и исполнительской деятельности. Следующими обстоятельствами, наводящими на мысль о сохранении подлинных форм традиционной культуры, стали кардинальное изменение форм бытования фольклора, ставшего материалом для фестивальной, концертной и конкурсной деятельности, и влияние средств массовой информации, а ныне и интернета, в распространении произведений фольклора далеко за пределы региона их естественного бытования. В чужой исполнительской среде нередко возникают весьма вольные интерпретации оторванных от родной традиции образцов, что приводит к изменению, а то и искажению их облика.

В работу всероссийского проекта по формированию Единого электронного каталога объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации Новосибирский областной Центр русского фольклора и этнографии включился в 2012 году по приказу министерства культуры НСО (№ 513 от 20.08.2012) как организация, имеющая богатый опыт экспедиционно-исследовательской деятельности и систематизации архивных

Репетиция «Концерта для фольклорного ансамбля и оркестра русских народных инструментов» композитора В. В. Асанова. Большая концертная студия Новосибирского радио и телевидения. Исполнители: Ансамбль сибирской народной песни (руководитель Вячеслав Асанов) и оркестр русских народных инструментов (дирижер Владимир Гусев). 1992 г. Фонд-архив ОЦРФИЭ

документов. С целью отбора для Каталога объектов и обеспечения профессионального уровня научно-доказательной документации был создан Экспертный совет, куда вошли представители не только Центра фольклора, но и Новосибирской консерватории, Института археологии и этнографии СО РАН.

В Электронный каталог за 2013—2014 годы от ОЦРФ и Э были занесены 3 объекта НКН и еще 3 были подготовлены в качестве кандидатов для пополнения. Параллельно с работой над объектами для Каталога в 2013 году Центром русского фольклора и этнографии был разработан сайт Электронного каталога, предназначенный для каталогизации, хранения и демонстрации данных об объектах НКН Новосибирской области. <...> Исходили... из того, что подготовленный материал должен работать максимально широко, быть понятен и доступен пользователям в районах и селах Новосибирской области.

В связи с этим была определена особая специфика подготовки описательных материалов, основа которых должна базироваться на научных изысканиях специалистов и в то же время быть достаточно популярно изложена — чтобы быть понятной простому читателю. Критерии отбора объектов: историческая и культурная значимость, уникальность и высокая художественная ценность, широкое распространение (или, наоборот, редкость, уникальность), самобытность культурной традиции, ее преемственность. В первую очередь подлежат описанию объекты, уже имеющие научно-исследовательскую базу, достаточное количество публикаций, видео-, фото- и аудиоматериалов.

Для областного Каталога разработали свою систему классификации описываемых объектов НКН. Конечно, она включает многие позиции, присутствующие в российских каталогах, и затрагивает широкий тематический спектр для определения и группировки явлений традиционной культуры, но при этом она учитывает собирательский опыт сотрудников Центра русского фольклора и этнографии и более демократичную направленность материалов Областного каталога. <...>

В первую очередь в Каталог вошли объекты по самым ярким традициям — своеобразным “визитным карточкам” фольклорной культуры области, известным далеко за ее пределами; это объекты, связанные с традиционным творчеством старообрядцев Васюганья, старожилов Балмана, украинцев села Белого. Изначально было принято, что Каталог должен включать объекты, характеризующие не только русскую (славянскую) культуру (русские старожилы, крестьяне и казаки; “расейские” переселенцы конца XIX — начала XX века с запада и юга России, украинцы, белорусы, старообрядцы разных территорий выхода), но и неславянские традиции, что связано с полиэтничным составом населения области (коренные сибирские татары: чаты, барабинские; остяки, вогулы; а также мордва, чуваша, эстонцы, латыши, немцы). Советский и постсоветский периоды добавили большой и пестрый поток переселенцев с Кавказа и Средней Азии. На сегодняшний момент в Каталоге представлены русские, украинские и белорусские переселенцы, один из последних объектов посвящен традиционной музыкальной культуре чувашей. <...>

В 2016 году совместно с Институтом филологии были проведены экспедиции по белорусским селам Маслянинского и Кыштовского районов. В настоящее время на основе экспедиционных материалов планируются объекты по календарным и свадебным обрядам белорусских переселенцев Новосибирской области. Центр фольклора активно сотрудничает с районами области, привлекает к описанию объектов не только профессионалов, но и фольклористов-любителей, краеведов. Так, текст объекта «Чиняевская глиняная игрушка» был написан Татьяной Стафеевной Лысенко — инициатором создания и руководителем музея традиционной народной игрушки в районном центре городе Купино. Т. С. Лысенко — единственный в Новосибирской области специалист по уникальной керамической игрушке Купинского района, перенявший мастерство непосредственно от носителя традиции. Объект «Традиционные верования старожилов Убинского района» описан методистом Убинского отдела культуры Е. П. Шаяновой, многие годы собиравшей материалы по фольклору своего района. Работу по привлечению сельских краеведов к подготовке объектов НКН для областного Каталога Центр фольклора намерен продолжить».

Остается добавить, что на сегодняшний день количество объектов нематериального культурного наследия Новосибирской области, описанных областным Центром русского фольклора и этнографии и включенных в Электронный каталог, уже приближается к пятидесяти.

* * *

В настоящее время областной Центр русского фольклора и этнографии — это специализированное учреждение, которое занимается собирательской, исследовательской деятельностью, обработкой и систематизацией фольклорных материалов, изучением и сохранением традиционной народной культуры Новосибирской области. Экспедиционные материалы, собранные более чем за сорок лет, легли в основу фонд-архива Центра. На основе изучения аудио-, видеозаписей, рукописных дневниковых записей и других материалов Центр фольклора издает книги, сборники, учебно-методические пособия по фольклору, этнографии и ремеслам.

Успешно работают и приобщают молодежь к традиционной культуре любительские объединения и творческие коллективы Центра — на протяжении истории своего существования они достойно представляли Новосибирскую область на международных, всероссийских, межрегиональных фестивалях и форумах.

Большой организаторский опыт и профессиональный уровень сотрудников Центра фольклора позволяют сохранять статус региональных для основных мероприятий и социально значимых акций, в числе которых научно-практическая конференция «Мельниковские чтения», фольклорный фестиваль «На Кирилла и Мефодия», посвященный Дню славянской письменности и культуры, фестиваль народного костюма «Славенка». Среди областных мероприятий — самый массовый, единственный в своем роде фольклорно-этнографический фестиваль «Сибирская глубинка», который проходит в районах области в течение полугода и охватывает всю Новоси-

Участники Ансамбля сибирской народной песни на праздновании Дня города Новосибирска. 1989 г. Фонд-архив ОЦРФиЭ

бирскую область; не менее востребован и необходим детский фестиваль-лаборатория «Жаворонки».

Основная работа Центра по сохранению народных традиций строится на взаимодействии с районными отделами культуры Новосибирской области, проведении календарных, обрядовых праздников на сельских площадках. Особое внимание уделяется деятельности по сохранению и развитию нематериального культурного наследия Новосибирской области. Целенаправленная деятельность по сохранению объектов нематериального культурного наследия, подкрепленная финансированием, началась более девяти лет назад. За это время проделан значительный объем организационной, собирательской, исследовательской работы. Центр фольклора организует и проводит семинары для работников культуры Новосибирской области, ведет неустанную живую работу по привлечению детей, юношества и молодежи к освоению народных традиций.

В 2018 году в областной Центр русского фольклора и этнографии был назначен новый директор, Евгений Александрович Бабиков, член Союза писателей России, почетный работник культуры Новосибирской области, ученик М. Н. Мельникова, участник фольклорных экспедиций.

С приходом Е. А. Бабикова областной Центр русского фольклора и этнографии расширился и укрепился. К Центру фольклора присоединился и стал еще одним отделом Дом русских традиций «КрАсота» (руководитель О. И. Выхристюк), также появился отдел казачьей культуры (руководитель Г. В. Жданов), Музей этнографии детства (руководитель Ж. Ю. Сорокина).

Кроме того, Центром фольклора наконец отвоеван земельный участок на территории охранной зоны нашего здания-памятника. После сноса уже

развалившегося старого здания купеческой конюшни на этом месте предполагается построить ремесленные мастерские, зал и другие необходимые помещения.

А на обжитой территории Центра фольклора уже функционирует этнокультурный проект «Русское подворье», автором и организатором которого является Ю. А. Неупокоев, — это будет площадка постоянно действующего туристического маршрута с погружением в атмосферу живых народных традиций: ярмарки ремесел, выступлений фольклорных коллективов, концертно-игровых программ.

Большое значение в работе «Русского подворья» отводится организации дополнительного образования школьников, молодежи и взрослого населения. «Русское подворье» — это большой комплекс, в котором будут размещены ремесленные мастерские: гончарная, ткацкая, традиционной росписи, художественной обработки дерева, бересты, народного костюма и другие.

На этноплощадке уже состоялись мероприятия, посвященные Дню славянской письменности и культуры, казачий праздник, посвященный Дню отца, «День семейных традиций», фольклорный праздник «Александровская береза» и другие. Несомненно, эта работа будет способствовать сохранению русской культуры, возрождению и дальнейшему развитию народных художественных ремесел.

В нынешнем, 2021 году Новосибирский областной Центр русского фольклора и этнографии отметил тридцатилетие своей деятельности — он внесен в Национальный реестр ведущих учреждений культуры России, творческий коллектив Центра по-прежнему неустанно собирает, сохраняет и бережно дарит людям крупинцы традиционной народной культуры, делясь теплом своих сердец, отстаивая свои принципы и всегда оставаясь открытым для сотрудничества.

Народные мемуары

Яна ГЛЕМБОЦКАЯ

О ТЕХ, КТО ВОКРУГ

Мне сложно писать о текстах Яны Глембоцкой. Не потому, что мы хорошо знакомы много лет, а писать она начала своем недавно и это стало неожиданностью. Нет, ее чувство слова, понимание людей, неэгоистичный интерес к миру, наблюдательность и талант рассказчицы всегда были очевидны. Сложно потому, что я хорошо знаю почти всех персонажей этих рассказов. Точнее, знаю их прототипов, а некоторых даже очень хорошо. И это знание немного мешает читать эти, называем их условно, физиологические очерки как просто тексты, написанные лично незнакомым автором.

Это, разумеется, не совсем «просто тексты», это очень хорошие документальные тексты. Написанные подчеркнуто бесстрастно и сухо, они напоминают «нулевую степень письма» Ролана Барта, который приводил как пример таковой «Постороннего» Альбера Камю. Мне эти тексты кажутся конспектами романов, синопсисами, из которых будто выпарена вся вода, все лишнее и оставлена только суть. Но при этом они не перестают, что удивительно, быть законченными историями с портретами героев, лаконичными, но достоверными и убедительными. Сила достоверности еще и в том, что хоть фокус авторского зрения и наведен на персонажей, на их истории, но везде, пусть и скупо, присутствуют необходимый фон и контекст, обозначенные буквально двумя-тремя деталями и дающие этим историям глубину и, пафосно говоря, историческую перспективу последних нескольких десятилетий нашей жизни (и тут можно говорить не только о физиологическом очерке, но и о социологическом исследовании среды обитания российского среднего класса).

Возвращаясь к персонажам: мы на их примере можем наблюдать химически чистый опыт превращения реальности в литературу, смены читательской оптики, когда бытовое знание о хорошо знакомом человеке со всеми его недостатками и особенностями вдруг становится жиз-

ненной полнотой существования литературного героя, отделяясь от прототипа и дальше шагая по жизни, оборвав пуповину сходства.

Может ли писатель брать из жизни — события, портреты, характеры — и вставлять их в неизменном или в сколь-либо преображенном виде в свои тексты? Безусловно. Во все времена писатели так и делали, порой вызывая нештучные скандалы. И вызывают до сих пор.

Вот, например, совсем свежая история, о которой напомнил поэт и критик Лев Оборин. В 2017 году в журнале *New Yorker* молодая писательница Кристен Рупиньян напечатала рассказ «Кошатник» о романе двадцатилетней студентки со взрослым мужчиной — роман неудачный, и, когда она пытается его прекратить, мужчина преследует ее и оскорбляет. Рассказ срезонировал с движением #MeToo, стал вирусным, получил бешеную популярность, а Рупиньян стала звездой. Писательница говорила, что события рассказа вымышлены, но написала она его, отталкиваясь от своего опыта. И вот стало известно, что у рассказа реальная основа: об этой истории написала молодая женщина, которая жила в одном городе с Рупиньян, работала в том же кинотеатре, что и героиня рассказа, имела отношения со взрослым мужчиной и рассталась с ним. Отличие только в том, что преследования и оскорбления не было. Автор, как выяснилось, знала этого мужчину и всю историю отношений отследила по соцсетям.

Прототипы персонажей Яны Глембоцкой не высказывались публично. Хотя могли бы. Но какой-то читатель в соцсетях «предъявил» автору, что герой одного из текстов не был настолько положителен в жизни, а вовсе наоборот. Автор, обескураженная такой претензией, чуть было не убрала тексты со своей страницы — не делать этого убедила единодушная поддержка читателей. Но вопросы остаются. Этично ли использовать жизнь других людей в своих текстах? Не должен ли писатель вначале получить разрешение от прототипа? Не ждут ли авторов иски от оскорбленных читателей, увидевших в персонажах сходство с собой? Может, стоит авторам в свете этих щекотливых вопросов не трогать реальных людей и события, а сочинять — и героев, и обстоятельства?

Один мой друг, прекрасный критик и прозаик, как-то говорил мне, что считает особой доблестью в своей прозе не использовать ничего из жизни, а все придумывать, но придумывать так, чтобы было не менее убедительно. Я совсем не уверен в этой методе: откуда же писателю черпать, как не из жизни — своей и своих близких? Своей в первую очередь: хороший писатель, как правило, в первую очередь пишет о самом себе.

Яна Глембоцкая пишет не только о друзьях и знакомых, но и о себе — пишет бесстрашно и бесстыдно. И тем в результате превращает все эти истории в литературу.

Сергей Самойленко

Остров. Просто остров

Набережная в Кемерове — это не просто место прогулок, это мечта о том, каким мог бы быть весь город. Она вписана в ансамбль центральной части, соразмерна взгляду и протяженности человеческой прогулки — не слишком короткая, но и не чрезмерно длинная. В нее вливается улица Весенняя, с нее смотришь прямо перед собой — на правый берег, или направо — в волнующую даль верховья Томи на рассвете, или вниз прямо перед собой — на остров. В моей детской топографии это был остров Буян — мне казалось, что остров, где выросло по волшебству царство Гвидона и его мамы, соломенной вдовы, примерно так и выглядит, ну или, может быть, Буян был немного больше.

А у острова не было названия, он был просто остров. На дальней его кромке, невидимой с набережной (как на обратной стороне Луны), располагался галечный пляж, выходявший на главное русло Томи, а к пляжу вел понтонный мост. Мост выглядел шикарно сверху, а вблизи и вовсе завораживал мирным покачиванием, уютными скрипами и тихими всплесками воды. Впрочем, там я бывала редко, мы с родителями отдыхали далеко в верховьях реки, правда, это было в 1970—80-е годы.

Но личная история, развернувшаяся вокруг острова, для меня началась раньше, задолго до моего рождения.

Мои дед и бабушка по материнской линии, Павел Чубасов и Полина Вяткина, поженились еще до войны, оба были 1917 года рождения. Она — учительница, он — выпускник химического техникума. Он мечтал летать, и его взяли в конце концов в летную школу — стал пилотом-любителем, а перед самой войной быстро доучился и попал в полк тяжелых бомбардировщиков. Полк направили на Дальний Восток, опасаясь нападения Японии. Полина даже успела съездить к мужу в отпуск, привезла оттуда беременность и твердую веру, что Павлик вернется с войны. А у него была переброска на Западный фронт, сражение под Прохоровкой, плен, два года после Победы в ГУЛАГе и возвращение домой в 1947 году.

Полина же, получив на Павлика ошибочную «похоронку», снова вышла замуж — жить-то надо. Но, когда дед вернулся, новый брак был спешно расторгнут, новобрачный не спорил, смирился и уехал в Москву. Семья потеряла жилье (как семья военнопленного) как раз в тот год, когда родилась моя мама. Комнату в коммунальной квартире отняли, надеяться было не на что, поэтому с помощью родных купили полуземлянку в Щетинкинском логу, там, где теперь находится Кемеровский городской сад.

Полуземлянка была холодной, топили ее «по-черному», по ночам углы покрывались льдом и к ним примерзали бабушкины длинные тяжелые волосы. В лето 1948 года нужно было готовить полуземлянку к зиме, и дед придумал, как сделать хороший пол в убогом холодном жилище. По ночам они с бабушкой тихонько подплывали к мосту, снимали несколько досок, сплавливались вместе с ними до лога, под покровом ночи несли доски к себе и сушили на крыше землянки, на стороне, обращенной к солнцу. Домик был крошечным, досок много не понадобилось. Но как же они рисковали! Это ведь ущерб народному хозяйству, тяжкая уголовная статья. Молодые были,

смелые, счастливые. Войну пережили, все хорошо, лето, тепло, дочка маленькая, вся жизнь впереди!

Потом Полина Вяткина писала письма Ворошилову — о том, как несправедливо с ними обошлись. Письма подействовали или что-то другое, но после смерти Сталина им дали квартиру в Кировском районе. Деда реабилитировали, он стал инженером, начальником службы техники безопасности, работал на заводе «Азот» всю жизнь.

Щетинкин лог засыпали, на его месте теперь городской сад. Но какое-то время горсад и нищие землянки Щетинкиного лога существовали по соседству. Моя мама, Нина Чубасова, была еще маленькой, когда в городском саду заливали каток с музыкой. Она смотрела через забор на это великолепие — лед, фонари, она слушала музыку и знала, что так выглядит счастье. Коньков у нее не было, но иногда удавалось пробраться на каток и потанцевать на льду в валенках. Когда получили квартиру, полуземлянку продали, купили на эти деньги хорошее пианино, чтобы мама училась музыке. Она стала учителем музыки, все сбылось.

Через двадцать лет родилась я — и мой другой дед, Ян Глембоцкий, нес на себе по льду Томи ванночку для купания первой внучки: мост в ту зиму треснул от холода, автобусы ходили только до берега, а по реке пассажиры шли пешком и там уже садились на другой автобус, чтобы ехать дальше. Зима 1968/1969 годов, мороз за пятьдесят, и дед мой — еще крепкий, здоровый мужчина тоже чуть за пятьдесят — в унтах, собачьей шапке и крытом полушубке шел как раз мимо острова, оставляя его по левую руку. Ванночка закрывала его от ветра.

Когда, не дожив до пятидесяти пяти лет, умирал от инсульта мой отец, Олег Глембоцкий, он, уже в полусознании, повторял формулы и что-то объяснял неведомо кому про схему электрического освещения нового моста, который тогда проектировали взамен старого, лопнувшего от мороза в год моего рождения, но после ремонта простоявшего еще больше тридцати лет. Отец нового моста не увидел, но он гордился этим проектом, он любил его, новый мост, со всеми его современными яркими фонарями и надежной схемой электропитания. Как любил повторять отец, «чем проще устройство, тем оно надежнее». Он обожал Кемерово, никогда не ездил в отпуск к морю, Томь была своя, родная, исхоженная вверх и вниз на десятки километров.

Когда мои родители были молодыми, мы садились в свой катерок и шли вверх по Томи, мимо острова, «мимо острова Буяна, в царство славного Салтана». Проходя мимо пляжа на острове, мы приветственно махали отдыхающим, и они нам отвечали. Шли «на острова». Островов было много, обустроивались на них с комфортом, везли с собой дрова, выкапывали яму под органический мусор, бумагу сжигали, пластика еще не было, стеклянные банки сдавали. Пакетики из-под еды стирали хозяйственным мылом и использовали много раз. Жили в палатках по неделе, по десять дней. Как говорил в шутку мой отец, «отдых на природе — это тяжелый труд». На самом деле он все это очень любил, и я в детстве не знала ничего прекраснее походной жизни на реке. Особенно хороши были Куриные лапки — речной архипелаг с множеством мелких рукавов и перекатов, там было много пескарей. И знаменитая барабулька в Сочи ничем не лучше наших сибирских

пескарей, изжаренных на костре в черной сковороде с длинной деревянной ручкой, которую отец делал из какой-нибудь ветки, и ей пользовались, пока ветка не сгорала.

Но вернемся на остров. Каждую весну он уходит под воду — это спасает его от застройки и от разных неприятностей, которые несет с собой хозяйственная деятельность. Весной на острове разворачивается вороний базар. Вороны там не гнездятся, но прилетают общаться, кормиться и радоваться весне. Для меня вороний грай всегда к радости, к оттепели, к победе над зимой. Как это сказано в стихотворении Сергея Самойленко?

Ударил вороненый грай,
раздался звон в небесном граде,
и жизнь перешагнула грань
безумия и благодати.

Теперь старый мост, отрезанный от берегов, зарастает. Есть ли пляж на острове, не знаю, давно там не была. Но этот вид, где справа восход, мое детство и папина молодость, а слева — закат и новый мост, построенный уже после смерти отца, — он со мной навсегда.

А передо мной остров без названия. Просто остров.

Старенький Пегас

Валентину включили в делегацию на фестиваль авторской песни «КАТЭК», который все так долго ждали. Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс — так прозаично расшифровывалась аббревиатура, но само по себе слово было запоминающимся и звонким, не то каток, не то котэ, то есть котик, одним словом, поехать очень хотелось. Родители подписали заявление, что они не возражают, и веселая кампания тринадцати-четырнадцатилетних подростков из разных районов города погрузилась в поезд, гремя рюкзаками, к которым были прикручены железные кружки. Всю дорогу пели, с нетерпением ожидая, пока дойдет очередь по кругу, много раз подстраивали гитару. У Валентины был с собой даже камертон, хотя для бардовского фестиваля это был, конечно, перебор.

Делегация из семнадцати человек включала двух участников, которые выйдут на сцену, и болельщиков, то есть группу поддержки. Группа везла с собой транспаранты с надписью «За нас, за вас и за Кузбасс» — белой краской на красном фоне. Обычно так выглядели лозунги на демонстрации («Слава КПСС», «Мир, труд, май»), но решили, что для проявлений кузбасского патриотизма такое оформление тоже годится.

Валя была в группе поддержки, но уже на фестивале девочка, которая должна была петь, простудилась после ночи в палатке и потеряла голос. Отдавать свое время в концерте было обидно, и Валю единогласно выдвинули в качестве дублера. Долго советовались, что бы ей такое спеть. Лирически-любовный репертуар не подходил по возрасту, военно-патриотический звучал в ее исполнении неубедительно, остановились на песне Владимира Ланцберга про старенького Пегаса. Это было мило, без претензий и хорошо

подходило для ее индивидуальности. Голос у Вали был небольшой, но пела она чисто.

Оказалось, что на фестивале были определенные правила и перед тем, как включить исполнителя в большой вечерний концерт, его «отслушивали» мэтры, причем среди мэтров регионального уровня обязательно должен был быть какой-нибудь бард со всесоюзной известностью — или Егоров, или Городницкий, или Ким. В тот год ждали Городницкого, но он не смог из-за работы, и его срочно заменили на звезду местного значения.

Валя какое-то время простояла в очереди к большому костру, где совещалась комиссия. В комиссии было двенадцать человек. «Прямо как двенадцать месяцев у огня», — подумала Валя. Песню она спела хорошо, слова не забыла, в аккордах не запуталась, перебор сыграла чисто. Песенные авторитеты посоветовались и решили, что голос у девочки слабенький, но с микрофоном ее вполне можно послушать, концерта не испортит. И тут уже Валя начала волноваться. Выйти на высокую сцену под прожектора перед многотысячной толпой — это вдруг стало страшно.

Товарищи по делегации Валу сразу зауважали и стали общаться по-особенному, «со значением»: предлагали то яблоко, то шоколадную конфету, то чаю со смородиновым листом. В конце концов, чтобы спрятаться от внимания, которое казалось ей неестественным, она решила пойти погулять. После прогулки забралась в палатку, чтобы переодеться в любимый свитер с горлом «под Хемингуэя», и нечаянно уснула от свежего воздуха. Ее разбудили уже перед самым выступлением, с криками «Тебя все потеряли!» вручили гитару, и она помчалась к сцене.

Стоять за сценой было скучно и страшно. Когда ее наконец объявили, она стала подниматься на сцену и запнулась о развязавшийся шнурок на кедрах. Дошла до микрофона и подумала, надо ли завязать шнурок, вспомнила про Гагарина и не стала завязывать, решила, что потом.

Гитара оказалась слегка расстроенной, и ей пришлось немного покрутить колки, петь под фальшивые аккорды она не могла. Песня показалась ей длинной, она от волнения забыла последний куплет, спела вместо него еще раз первый, потом вспомнила последний, спела его тоже. Раздались недружные аплодисменты. Из публики кто-то крикнул «Завяжи шнурки!». Она положила гитару на сцену, села на одно колено и завязала шнурок.

Когда Валя спустилась к своим, ей сказали, что это очень плохая примета: положить гитару на сцену на концерте — все равно что уронить пьесу со своей ролью в театре (кто-то занимался в театральном кружке и знал все закулисные суеверия). Валя уже почти плакала, ей казалось, что этот позор пережить нельзя: шнурок, расстроенная гитара, забытый текст песни, которую она пела, наверное, раз двести, а может быть, и триста.

Она вернулась к своим и развела костер. Гитару убрала в палатку и просто сидела, глядя на огонь. До нее доносились звуки песен, иногда смех, иногда аплодисменты. Наконец на сцену вышел главный бард фестиваля. Он что-то долго говорил, потом пел, потом снова говорил, потом опять пел, потом участники концерта вышли на сцену и спели хором песню «Милая моя, солнышко лесное». Потом все побрели к своим палаткам. Пришли и ребята

из ее делегации, поужинали кашей с тушенкой и чаем со сгущенкой, потом стали петь. Валя петь отказалась, сославшись на усталость. Ее немного поговаривали, но потом смирились. Потом за Вале́й пришел человек от организаторов. Сказал, что всех участников концерта зовут к штабной палатке пообщаться с мэтрами. Валя и мальчик, который тоже пел в концерте, встали и пошли за этим человеком.

У штабной палатки им вручили грамоты участников и фирменные конфеты Красноярской кондитерской фабрики в красивых коробках. Коробки терпко и сильно пахли шоколадом. После общего разговора все участники разбрелись по своим делегациям, но Валею попросили остаться. Один из мужчин среднего возраста, очень красивый, со спортивной фигурой, стал расспрашивать ее о планах, семье и о том, куда она планирует поступать. Валя рассказывала, но почему-то ей было очень неловко. Разговор был совершенно невинный, но Вале казалось, что она делает что-то неприличное.

Потом она сидела во взрослой компании почти до двух часов ночи, слушала прекрасные песни, многие из которых были ей неизвестны, и умные разговоры, завораживавшие и слегка пугавшие. Человек, сидевший напротив и похожий на женщину, которая по недоразумению родилась мужчиной, отпускал какие-то шутки в адрес Вале и ее покровителя. Но ей сказали, что на него не стоит обращать внимания: «Он у нас Пегас, к тому же уже старенький!» Валя не поняла шутки. Потом она стала засыпать, и тот же провожатый, что привел ее сюда, отвел девочку обратно к ее палатке.

Валя тихонько забралась на свое место, но почему-то теперь не могла уснуть. Она ворочалась час, потом вылезла наружу и еще посидела у костра. Наконец под утро она снова заползла в свой спальник и уснула.

Проснувшись она от того, что в палатке стало жарко. Солнце припекало, и никого, кроме Вале, внутри уже не было. Она выбралась наружу, сказала: «Доброе утро» — ей никто не ответил. Валя умылась из умывальника, висевшего на дереве, и стала искать, чем бы позавтракать. Нашла холодную кашу в котелке, съела ее, запила кипяченой водой из чайника. Только после этого Валя поняла, что ей объявили бойкот.

Она пыталась спросить у одной из девочек, что случилось, но та отвернулась и промолчала. Валя ушла гулять, потом пошла к штабной палатке, потому что вчера забыла там конфеты и грамоту, — там ее накормили бутербродами. Она принесла грамоту и отдала руководителю делегации, коробку конфет открыла и попыталась угостить своих товарищей. Конфеты никто не взял. Валя ушла далеко от лагеря и там плакала, пока не устала.

На обратном пути в поезде она лежала на третьей полке, потому что с ней никто не разговаривал. Ехали сутки, и Валя не ела и не пила все это время, ее никто и не звал к столу. Ночью ее разбудил один мальчик, который ее пожалел и спрятал для нее пару бутербродов с сыром. Они пошли в коридор, и там их увидела проводница, которая позвала Валею в свое купе поесть нормально с горячим чаем. Проводница спросила, что случилось, Валя рассказала про бойкот.

— Ну ничего, — сказала женщина, — зато ты среди них самая красивая.

Валин спаситель ждал в коридоре, пока она не вышла. Он объяснил, что ее теперь все презирают как «проститутку», потому что она провела ночь

с чужими взрослыми мужиками. Валя сказала, что ничего такого не было, к ней даже никто не приставал, только пели песни.

— Это никого уже не интересует, — ответил Паша (так звали мальчика). — Теперь на тебе клеймо, как у Миледи.

Паша оставил Вале свой адрес, но она ему так и не написала, а адрес вскоре потеряла.

Валя пошла учиться на археолога, а бардовскую песню разлюбила. Когда в экспедициях пели у костра, она могла настроить гитару, показать аккорды любой песни, но сама не пела. Стихи эти теперь казались ей плохими и фальшивыми. Вся эта милота про солнышко лесное была неискренней и какой-то шаблонной. Валя теперь читала и помнила наизусть настоящие стихи Пастернака, Мандельштама, Самойлова, Левитанского, Тарковского.

На одной из лекций по антропологии Валя узнала, что у аборигенов есть такой способ казни: племя кладет преступника лицом на землю, исполняет вокруг него устрашающую ритуальную пляску и скандирует: «Умри! Умри!» — и человек умирает, без всякой на то реальной физической причины, просто от позора, страха и отчаяния.

Никто из ее однокурсников не поверил, что такое возможно. Но Валя точно знала, что это правда.

Месяц в колхозе

Тоня очень любила математику, музыку и книги. Книги позволяли уходить в другие миры, математика тоже предлагала путешествие в иную реальность, абстрактную и не менее прекрасную. В отличие от многих девочек-одноклассниц Тоня хорошо понимала, что такое красивое доказательство или элегантное решение задачи, а музыку воспринимала и математически, и образно — в музыке были характер, эпоха, но была и геометрия. Мелодия представлялась Тоне графиком, ломаной линией, идущей по ступеням звукоряда: в мозгу отображалась кардиограмма мелодии, а кровь и солнечное сплетение откликались на красоту гармонии.

Поступив после восьмого класса в специальный математический класс одной из центральных школ Кемерова, она ездила на троллейбусе целый час в одну сторону. Садилась на конечной остановке, чтобы можно было занять место у окна и спать, опершись головой на стекло. Зимой было совсем удобно — меховая шапка служила подушкой. Правда, волосы под шапкой сминались, поэтому Тоня носила всегда одну и ту же прическу — косичку. Ну, или две косички, или косичку, уложенную вокруг головы.

Когда ехала обратно, приходилось стоять, но, покидая центр, троллейбус на каждой остановке выпускал пассажиров и до спального района, где жила Тоня с родителями, доезжал уже полупустым. С остановки Тоня бежала бегом, размахивая портфелем.

Мечтой Тони был механико-математический факультет Новосибирского университета, и она поступила заочно в ФМШ — физико-математическую школу при университете.

Про очное обучение она даже не подумала, да и с родителями расставаться было жаль.

Тоня покупала самые тонкие тетради в клетку, решала в них задачи, отправляла в Новосибирск, а потом по почте получала свои тетради с оценками и исправлениями. В конце обязательно была какая-нибудь записка с пожеланиями успехов и похвалой. Тоня думала, что эти работы проверяют профессора в очках, с благородной сединой и бородкой клинышком, но потом оказалось, что эту работу делали студенты в порядке шефской работы.

Поступать в университет Тоня поехала с подружкой Вероникой. Родители Вероники нашли трехкомнатную квартиру каких-то общих знакомых, куда и поселили девочек практически сразу после школьного выпускного. Девочки получали задание, весь день решали задачи, а вечером приходил серьезный репетитор средних лет, проверял работы и отпускал их, наконец, погулять. Так прошел целый месяц до экзаменов.

Тоня поняла, что заниматься только математикой она не может, и втихаря читала Дюма — роман «Граф Монте-Кристо». Потом она узнала, что такое поведение называется в психологии «замещающим» — тебе нужно делать что-то важное и ответственное, но твой мозг не хочет напрягаться и находит отговорки и уловки. Она читала про Монте-Кристо и раньше, но теперь это был единственный способ перестать думать о математике. Музыка слушать было негде, телевизор был выключен — удлинитель закрыли в секретере на ключик. Иногда по радио передавали какую-то классику, но это было редко. В конце концов Тоня приноровилась заниматься на балконе, потому что соседи часто включали музыку, и музыка была хорошая: Цой, «Наутилус Помпилиус», The Beatles, ABBA, Гребенщиков. Подруга Вероника ворчала, что это не дает ей сосредоточиться, и они поменялись комнатами — Вероника ушла в комнату без балкона, а Тоня поселилась поближе к соседскому магнитофону и к началу экзаменов поняла, что ей уже все равно, как она их сдаст. После этого задачи стали решаться даже легче, и больше времени осталось на запретные развлечения — чтение Дюма на балконе под соседскую музыку.

Устную математику Тоня сдала на четверку. Сидела в аудитории часа три, экзаменатор предлагал ей все новые задачи, она их решала и получала еще. За письменную математику ей поставили «отлично», хотя потом оказалось, что в двух заданиях из пяти она напутала в расчетах, но зато пятую задачу, которую почти никто не осилил, она решила, да еще каким-то оригинальным способом, через векторные уравнения. За сочинение был получен позорный трояк, но все равно Тоню зачислили. Это был тот год, когда школьный аттестат без троек давал преимущества, да и конкурс был невысокий, три человека на место.

Эйфория от поступления быстро сменилась усталостью, и Тоня поехала домой на междугороднем автобусе. За окном бежали сибирские лесостепи — выгоревшая трава августа и темно-зеленые кроны деревьев настраивали на элегический лад. Подороги она спала, а когда бодрствовала, то не думала ни о чем. Ей смутно виделся граф Монте-Кристо в облике экзаменатора по устной математике, и, просыпаясь, она пыталась представить себе чувства графа, когда он сбегал из тюрьмы и спешил повидать свою неверную возлюбленную Мерседес.

Дома жизнь закрутилась на ускоренной перемотке — встречи с друзьями и родными, прогулки по набережной и в городском саду. Тоня даже съездила в Кировский район посмотреть на школу, которую окончили ее родители. Школа была красивая, 1950-х годов постройки. Мама рассказывала, что в их школе проходили танцевальные вечера, примерно как в фильме Рязанова «Карнавальная ночь» — с серпантином, костюмами и масками. Лето катилось к своему закату, беззаботное, немного ленивое и пыльное.

Деканат университета, перед тем как отпустить новоявленных первокурсников по домам, провел с ними работу: всем было строго-настроено приказано явиться первого сентября и быть готовыми поехать на месяц в колхоз копать картошку. Если кто не явится без уважительной причины, будет отчислен. Уважительная причина одна — больничный со справкой. Тоня отнеслась к перспективе месяца в полях довольно беспечно, приехала вовремя.

Колхоз был ужасен, спали в комнатах по двадцать человек, кровати стояли вплоты, белье не меняли весь месяц, было холодно, мыться и стирать было негде. В душевой было холодно, мылась еле теплая вода, мыло было только хозяйственное, а привезенное из дома быстро кончилось. Рабочий день длился по четырнадцать часов, кормили плохо. Из пионерского лагеря, где жили студенты, ехали до поля часа полтора по плохой дороге. Особенно было тяжело девушкам во время критических дней, но уставали все: каждый день одно и то же — бесконечное поле, картофельный комбайн, за которым надо было идти, наклоняясь на каждом шагу и перебрасывая упавшую картошку на соседнюю борозду, где комбайн пойдет обратным ходом. Тоня думала, сколько картошки они «спасают» в пересчете на тонны и не проще ли было оставить ее там, где есть, или запустить всех желающих с ведрами собирать остатки урожая бесплатно.

Ближе к концу мучительного этого месяца она поняла, что просто больше не может. До колхозной демобилизации оставалось дней пять, когда у Тони пошла носом кровь и остановить ее не удавалось. Командир отряда отпустил Тони домой раньше других. До возвращения в город оставалось меньше недели, но из-за усталости эти считанные дни были страшной перспективой. Остававшиеся в рабстве товарищи по курсу смотрели на Тонию с завистью, но она не смогла бы отказаться от условно-досрочного освобождения даже ради них.

Тоня помчалась на вокзал, но билетов не было. Проводник, посмотрев на ее измученное похудевшее лицо и кое-как заплетенные тусклые косички под грязноватой косынкой, сжалился и сначала посадил ее в почтовый вагон, а когда поезд тронулся и прошли по вагонам инспекторы с проверкой билетов, Тоня смогла перебраться в плацкарт на третью полку и проспала все пять часов до дома без сновидений. Под головой у нее был рюкзак, она не раздевалась, хотя в вагоне было жарко.

Дома у Тони нашли вшей. Она рыдала часа два, пока мать обрабатывала длинные волосы какой-то едкой мазью, кажется, с цинком. Потом голову помыли дегтярным мылом, волосы стали тусклыми, как солома, и пахли чем-то чужим. Тоня попросила их обрезать. Мать обкорнала, как смогла, потом Тоня сходила в парикмахерскую и ее аккуратно подстригли под мальчика.

Тоня вынашивала планы мести: она пойдет в деканат, она устроит им истерику, заберет документы, уедет в другой город! Тоня отчаянно жалела себя с перерывами на сон и почти не ела. Слушая Тонины рыдания, мать сначала ее жалела, но в конце концов прикрикнула:

— Не ной! Твой дед в плену был и потом еще два года в советском лагере. Твоя бабушка в войну на заводе делала снаряды и умирала от голода. Это просто вши, а не брюшной тиф, в конце-то концов. От этого не умирают. На вот, почитай.

И дала ей журнал с повестью Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Тоня читала ее медленно, пытаясь представить себе все происходящее в подробностях: холодный барак, крыс, помой вместо еды, постоянный страх и унижения. Это было так далеко от мира графа Монте-Кристо, что Тоня не знала, как к этому относиться. Это тоже литература?

Потом Тоня посмотрела фильм «Они сражались за Родину», его очень любил отец Тони, но раньше она воспринимала это кино отстраненно, не вникая в детали. И вот вдруг разглядела — и у нее перехватило горло: бойцы были настоящими, они шли по пыльным дорогам грязными, в плохой обуви, в линялых гимнастерках.

Тоня вернулась в Академгородок после нескольких дней, проведенных дома, и узнала, что вши были у всех девочек из их «барака». Это был не барак, а корпус, но теперь Тоня думала про него как про барак. Кто-то состриг волосы, кто-то нет. Тему не обсуждали, это было почему-то стыдно.

Их собрали на линейку, поблагодарили за добросовестный труд, декан факультета сказал, что в столовой университета все студенты весь год будут есть картошку, собранную руками первокурсников, что урожай в этом году отличный, что они могут гордиться собой. Студенты дружно прокричали «Спа-си-бо!», долго аплодировали. Потом всем раздали печеную картошку, которую принесли из столовой в чистых эмалированных ведрах. Картошка показалась очень вкусной. В динамиках зазвучала песня Высоцкого «Товарищи ученые, доценты с кандидатами». Все это было хорошо и даже остроумно, но Тоня постоянно нервно чесала голову и шею, ей казалось, что вши вернулись. Они с девчонками каждый день осматривали друг другу волосы, чтобы не пропустить снова этот кошмар.

Постепенно история с картошкой забылась, жили подружки весело. После занятий шли все вместе обедать, потом делали домашнее задание, тоже все вместе, вчетвером. Как-то Тоня с Вероникой пришли в их любимую «Красную столовую» на Морском проспекте. Тетка на раздаче посмотрела на Тоню и сказала:

— Ну ты, милая, прямо как после тифа! Ничего, отрастут до свадьбы.

Тоня не знала, что ей ответить. Она взяла компот, расплатилась, улыбнулась и пошла искать свободный столик.

После летней сессии первого курса Тоня приехала домой и нашла у себя на столе журнал с повестью «Один день Ивана Денисовича». Она спрятала журнал подальше — он напоминал ей про сентябрь в колхозе, холод, грязное тело, вшей, тяжелый труд.

Только теперь до нее дошло, сколько сарказма было в советском фольклоре. «Колхоз — дело добровольное!» — этот лозунг она слышала тысячи раз с раннего детства и только теперь поняла, где тут смеяться.

Тысяча девятьсот восьмидесятый

Отец Кати умер скоропостижно от обширного инсульта в 2002 году. Катя дала объявление в бегущую строку на местном телеканале: прощание в ритуальном зале при областной больнице.

Неожиданно пришли Катини друзья детства, которых она давно потеряла из виду. Самой близкой подругой Кати из дворовой компании была Наташа. Она принесла цветы и огромную бутылку хорошей водки в сувенирном исполнении. Обменялись вкратце отчетами о годах, проведенных в разлуке. О себе Катя коротко сказала, что она доцент, преподаватель в университете, занимается наукой.

— Ну ты всегда была отличницей, Катюха! Значит, теперь вот оно как обернулось — ты у нас теперь ученая, в квашне моченая... Не обижайся, я не со зла, просто это из меня выскакивает, сама не знаю, откуда берется. Я тобой горжусь, правда. Вот ты такая умная, а дружила со мной. Я училась плохо, ты помнишь, еле-еле на «тройки». Отец алкоголик, памяти ноль. Почему ты не замужем, вот что не пойму. Я бы тебе нашла жениха, но мои варианты тебе не подойдут. Тебе ведь нужны «товарищи ученые, доценты с кандидатами», правильно говорю?

— Бери выше, доктора и академики. Космонавтов тоже рассматриваю, но они все женаты, я проверяла.

— Ой, слушай, я как-то в Сочи жила на квартире в доме матери космонавта Севастьянова, я тебе потом расскажу, это что-то с чем-то!

«Что-то с чем-то» — любимая с детства Наташина присказка, означавшая, что предмет вполне достоин рассказа о нем.

Наташа была подругой Кати по двору, они жили в пятиэтажных хрущевках, стоявших напротив друг друга, обрамляя квадрат большого двора с зарослями сорняков, старой песочницей и монументальной трансформаторной будкой. Если стоять спиной к дому Кати, то справа была еще одна пятиэтажка, где жила бабушка Наташи, баба Катя.

Баба Катя отмечала Катю как самую приличную из Наташиных подруг и при любом удобном случае угощала девочек домашними пирожками. Катя больше всего любила пирожки с капустой и сладкие, с морковью. Были еще с яблоками, с картошкой, с творогом и яйцом с зеленым луком. Баба Катя настаивала, что есть пирожки с яйцом и зеленым луком, где яйца гораздо больше, а есть — наоборот, и эти вторые она презирала.

Наташа принадлежала к миру, совершенно не знакомому Кате: Наташин отец сидел в тюрьме, и все во дворе знали, что он убил свою любовницу, с которой вместе жил и пил после развода с Наташиной мамой, тетей Таней.

Тетя Таня работала экспедитором и часто уезжала в командировки на несколько дней, оставляя дочь одну. Наташа ночевала у бабы Кати, а уроки делала дома и туда же звала подруг послушать на проигрывателе пластинки и записи Джо Дассена и группы АВВА на магнитофоне. Наташа знала много всяких поговорок из полублатного мира отца и его друзей, украшала речь прибаутками общего пользования: «Тебя искали трое: двое с носилками и один с топором», «Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец»,

«Не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки», цитировала песни и частушки типа «Хороша я, хороша, плохо я одета, никто замуж не берет девушку за это», любила житейские парадоксы вроде «новые носки со старыми дырками».

Были в ее лексиконе грубые выражения, но материться в присутствии Кати она себе не позволяла. На вопрос: «Как дела?» — Наташа отвечала: «Еще не родила» или «Лучше всех, никто не завидует». Подгоревшая картошка сопровождалась комментарием «Что сгорит, то не сгниет», а при появлении новых ухажеров у своей матери Наташа торжественно изрекала: «Зарекалася свинья в луже не купаться».

Мать Наташи, тетя Таня, была яркой женщиной — стройная, невысокая, но идеально сложенная, с тонкими запястьями и прекрасным лицом с оттенком цыганской красоты.

Когда девочки подружились, ей не было еще и тридцати и вокруг нее постоянно кружились поклонники, как правило, совсем молодые. Когда Катя слышала песни Высоцкого о роковых красавицах, она всегда представляла себе тетю Таню. «В тот вечер я не пил, не пел, я на нее всю глядел, как смотрят дети, как смотрят дети. Но тот, кто раньше с нею был, сказал мне, чтоб я уходил, сказал мне, чтоб я уходил, что мне не светит...» Такой и была тетя Таня — веселой, легкой, нарядной, праздничной. Она дышала духами и коньяком, с дочерью была скорее подругой, чем матерью, — родила она Наташу в семнадцать лет. Каждое возвращение тети Тани домой отмечалось трехдневным застольем с обильной закуской, множеством разноцветных бутылок и переполненными пепельницами, рассованными по всем углам трехкомнатной квартиры — за время праздника квартира превращалась в притон с горами немытой посуды и кучами мусора на кухне. Потом тетя Таня снова уезжала в командировку, а Наташа убирала этот «сроч», но не за так, а за деньги. Деньги были серьезные — пять рублей.

Иногда Катя помогала Наташе выносить мусор после этих уборок — нужно было дожидаться мусорную машину, которая двигалась от дома к дому строго по расписанию, и Катя приносила к 18:15 еще и свое ведро мусора к Наташиному дому, потому что иначе добежать вокруг двора к своему подъезду и подняться в квартиру за ведром она бы не успела.

Наташа при участии Кати отмывала квартиру до образцового состояния, заливала польскими духами «Быть может» и жила в ней спокойно до следующего приезда матери и трехдневного запойного веселья. Тетя Таня работала экспедитором и привозила из поездок вещи: импортный алкоголь, сигареты, капроновые колготки. Все это сбывалось с рук по умеренно-спекулятивным ценам, семья не бедствовала, а баба Катя шила на заказ и тоже таким образом зарабатывала прибавку к пенсии.

Катю всегда удивляло, как Наташа питалась: она не ела ничего с самого утра, а днем, около пяти часов, съедала большую сдобную булку с маслом и пила очень сладкий чай с молоком. Ей этого хватало до вечера, а вечером были пельмени или жареная картошка. Катю заставляли есть кашу на завтрак и суп днем, ужин был уже с родителями — котлеты или жареная рыба. Суп Катя подогревала в железной миске на плите и ела с черным хлебом. Вечером ей обычно приходилось чистить картошку для ужина, десять штук, это

была их семейная норма на ужин, плюс еще оставалось немного на завтрак. Остывшую картошку утром поджаривали и заливали яйцом. За тем, что ест Наташа, никто не следил, и Кате это казалось высшей формой свободы.

Пятирублевые купюры, полученные за уборку, Наташа складывала в деревянную шкатулку в квартире у бабы Кати — копила на поездку в Москву. В Москве из их знакомых тогда мало кто побывал.

Подружились Катя с Наташей в год смерти Высоцкого. Тогда из многих окон звучали магнитофонные записи его живых концертов под гитару, песни на французском языке, записанные с оркестром, звуковые дорожки немногочисленных выступлений на телевидении, записанные на магнитофон при помощи обычного микрофона, приставленного к динамику телевизора. Качество записей было плохое, но это было совершенно не важно. Отец Кати самозабвенно любил Высоцкого и считал, что исполнение его песен другими людьми — настоящее кощунство.

После смерти Высоцкого начался Афганистан, где погибали ребята из их двора, но говорить об этом можно было почему-то только шепотом. Однажды Катя и Наташа даже пришли на прощание с убитым при исполнении интернационального долга мальчиком из соседнего двора. Гроб был закрытым, в комнате шуршала магнитофонная лента и тихо звучал голос Высоцкого: «И ни церковь, ни кабак, ничего не свято. Нет, ребята, все не так, все не так, ребята». Если бы не Наташа, Катя бы ни за что не пошла «смотреть на покойника». Тогда принято было хоронить с похоронным оркестром, и это было очень страшно.

Наташа была бесшабашной девочкой и учила Катю, что со всеми можно договориться. Подруги катались на мопедах и мотоциклах, сидя за спинами у парней, ходили к медицинскому институту, чтобы освободить бродячих собак из вивария, взломав дверь (из этого ничего не вышло), жгли костры на пустыре и жарили на палочках принесенный из дома хлеб, лазали по замороженной стройке легкоатлетического манежа, рискуя сорваться с не огражденных перилами лестниц, катались с ледяных гор и строили пещеры в сугробах. Наталья научила Катю играть в карты, а Катя показала ей, как ходят фигуры на шахматной доске. Наташа искренне любила Катю и ее родителей; когда в девяностые оба родителя остались без зарплаты, Наталья купила у них за хорошие деньги хрустальную люстру, кое-что из посуды и золотые украшения Катиной мамы. Катя хотела потом все это выкупить обратно, но Наташа уехала в другой город, и пути подруг разошлись на многие годы.

Наталья вышла замуж в восемнадцать, и в девятнадцать у нее родился сын, а потом еще один. Одновременно родила мальчика и тетя Таня — от молодого красивого веселого мужа, который обожал Высоцкого. Наташин кровный отец вышел из тюрьмы и снова сел. Наташа объяснила, что кражу он совершил с таким расчетом, чтобы его быстро поймали и посадили, точнее, «закрыли», как это правильно называлось на жаргоне. Жить на свободе он уже не умел. Потом он снова вышел — уже семидесятилетним больным стариком с разрушенным здоровьем, почти совсем без зубов. Жить ему было негде, и он поехал к другу детства в деревню. Там они пили три дня, пока его не забрала к себе старушка лет восьмидесяти, разбитная самогонщица и матерщинница. У нее в доме Наташин отец пил запоем три месяца, пока

не умер. Как сказала Наташа — «опился», с ударением на последний слог. Больше никогда в своей жизни Катя не общалась так близко с людьми из этого пугающего мира — с сидельцами, работягами, шоферами, их женами и детьми.

Наташа после школы работала продавцом, кассиром, горничной, кладовщицей, даже таксистом, но в конце концов стала успешным риелтором. Первый муж ее уехал в Краснодарский край и остался там, забрав с собой обоих сыновей и приспособив их к работе на автомойке. Наташа вышла замуж повторно, и с этим мужем, отсидевшим в тюрьме, но завязавшим, они жили душа в душу, детей во втором браке у нее не было.

Все это Катя узнала на поминках после кладбища. Они с Наташей сидели рядом и обсуждали, где встретятся на девять дней.

— Хочу во дворе нашем старом собраться, за тем деревянным столом с лавками, на котором взрослые в карты играли, помнишь? А нас за него не пускали. Сможешь?

Наташа на секунду задумалась.

— Ну ты наивная, Катюня. Стола нет уже, сто пудов. Привезем с собой стол раскладной походный и стульчики рыбацкие. Это хорошая мысль. У меня в машине есть все, что нужно, термосы возьмем, я пирожков испеку с капустой, с морковкой, с картошкой. Какие еще там бывают? А, да, с яйцом и луком!

— Но не наоборот!

— Вот-вот! У нее все свое, и жилье, и белье...

— Как мама? Муж все тот же?

— Мама уже давно баба Таня, счастливая бабушка пятерых внуков. Муж все тот же, шофер, совсем не пьет.

— Высоцкого слушает?

— А то! Стабильность — признак мастерства. В Москву ездил на его могилу, поездом в плацкарте. Один раз только был в Москве, ради кладбища этого и поехал, в июле специально подгадал к годовщине смерти. Увижу, говорит, Владимира Семеновича, поклонюсь, он нам всем жизнь спас, не дал скурвиться и допиться до белочки. Магнитофон свой старый туда отвез, кассетник, там и оставил со всеми кассетами, на могиле. Твой отец тоже Высоцкого слушал, я все удивлялась, интеллигентная семья, а слушают всё то же, что у нас. Помню, все подписано было, каждая песня на кассете, все по номерам, мелким ровным почерком, как будто напечатано.

Отец Кати был младше Высоцкого всего на десять лет, но относился к нему как к учителю, старшему товарищу. Он вообще любил это слово — «товарищ». Катя старалась не заплакать. Магнитофон и коробка с кассетами лежали дома, на своих местах, весь Высоцкий. Выбросить невозможно, хранить бессмысленно, Катя не знала, как ей быть с этим наследством. Что написать на надгробии отца, она уже решила: «И наградою нам за безмолвие обязательно будет звук».

Володя ЗЛОБИН

**ДУХ ЖИВЕТ ГДЕ ХОЧЕТ:
«ПЛАМЕНЬ» ПИМЕНА КАРПОВА**

*С уважением и благодарностью
к труду Николая Аверьяновича
Шатохина, изучающего наследие
Пимена Карпова с 1972 года*

Иногда в незнакомом доме, скользая взглядом по книжной полке, можно наткнуться на корешок, который все прояснит о хозяине. Такие книги не редки и даже не дороги. Они живут плоско, в стопках макулатуры, а если вот так, стоймя, — о, человек, который их поднял, многое хотел рассказать.

Одна из таких книг — «Пламень» Пимена Карпова. Если обнаружить ее, как и вообще Карпова, возможно два исхода. Первый — это любовь к поэтам крестьянской купницы, что-то почвенническое, об иконах в углу, о березовом ситце. Так Карпов стоит в родном курском краю или в доме блюстителя старины. И по заслугам, кстати, стоит. Только вот Карпова знают даже меньше, чем Клычкова или Ширяевца, ему просто нечем на полке быть — тоненькие дореволюционные книжечки, тоненькие пореволюционные брошюры и разве что воспоминания «Из глубины» 1956 года¹. Издавать Карпова стали только после конца СССР, а там уж какая купница — другие б полки наполнить.

А вот второй исход... он, наверное, даже Исход. Так Карпов стоит у людей отшелых, подозрительных, выскобленных до крови или со свороченной бородой. У таких людей и полки-то зачастую нет — стоит сразу алтарь, где молятся Солнцу Града. Такова слава курского воленника, певца потаенной России, единственного русского писателя, вокруг которого возник и существует настоящий религиозный культ. Важно уточнить — не обожание,

¹ Точной и полной библиографии Пимена Карпова не существует вплоть до сего дня. Установить ее — задача будущих исследований. Предварительная попытка была предпринята недавно. См. «Светильник любви». Из неперезданного: стихотворения, проза, драматургия, приложения, фотоматериалы. — Воронеж: CHAOSSS/PRESS, 2017. — 464 с. Наиболее полной представляется автобиблиография самого Карпова от 1946 года. Помимо публицистики, в списке тридцать две позиции. См. РГАЛИ. Ф. 1368. Оп. 1. Ед. хр. Л. 3—3 об.

не поклонение таланту, а именно религиозный культ. С подземными мессами, радениями и тихой скорбью о смерти земли².

Прожил Пимен Карпов (1886—1963) непростую жизнь, подробности которой до сих пор неизвестны. На могиле его в курском селе Турка стоит дата 1884, и даже 120-летие писателя было отпраздновано на два года раньше, пока из найденной метрической книги не выяснилось, что Карпов родился в 1886 году³. А на просторах Сети до сих пор можно повстречать краткую статью о Карпове, сопровождаемую фотографией поэта Михаила Лозинского. Проведя значительную часть жизни в двух столицах и лишь на лето возвращаясь в родное село, будучи участником есенинского круга и неоднократно печатаясь, Карпов сумел остаться тайным и неизвестным. Что уж говорить, раз даже его родное село — обезлюдевшая ныне Турка — делится на нижнюю и верхнюю, Первую и Вторую, в чем можно запутаться и по сю пору.

Как и остальные поэты-деревенщики, Карпов быстро столкнулся с немилостью советской власти: первый обыск состоялся в 1922 году, затем писатель мелькнул в протоколах допросов по делу «Ордена русских фашистов», но самое главное, имя Карпова всплыло совсем уж не вовремя, в нехороший 1937 год. Поэт Михаил Герасимов на допросе причислил Карпова к группе Клычкова, что «объединял вокруг себя писателей, которые в творчестве отражали кулацкую идеологию»⁴. Кулацкая идеология — это отсылка к эсерам, с которыми Карпов был связан еще с 1905 года по деятельности Всероссийского крестьянского союза. От социалистов-революционеров же Карпов в 1917 году безуспешно выдвигался по Рыльскому уезду в депутаты Учредительного собрания⁵.

С таким послужным списком можно было быть выкорчеванным так же, как и остальная крестьянская купница от Орешина и Ключева до Наседкина и Васильева. Но Карпову повезло. Он вовремя залег на дно в Турке, где за писателя «поручились им лично и имущественно крестьяне целого села». В письме в столицу Карпова представили почти сумасшедшим: «Пимен жив, но после перенесенного им потрясения болен физически и душевно настолько, что не всегда узнает своих близких»⁶. С 1922 года Карпова «замолчали» и он тоже себя «замолчал», жил очень бедно, любил собирать полевые цветы, занимался переводами, черновой литературной работой, незаметно мыкался по столице. Из безвестности Карпов вынырнул в 1954-м, когда со своими мемуарами явился в издательство «Советский писатель».

² См. деятельность воронежской группировки «Краденый хлеб». Существуют и иные группы, желающие остаться неизвестными.

³ Шатохин Н. А. Друг ты мой, товарищ Пимен... Статьи. Библиотека Дома литератора. — Курск: Издательский дом «Славянка», 2013. — С. 59.

⁴ Там же. С. 44. Краткая литературная энциклопедия дает Карпову весьма нелестную характеристику: «В рассказах пооктябрьского периода К. разрабатывает мотивы ущемленности деревенского интеллигента, обиженного городом, затертого и головоуятством деревенской советской общественности, и темнотой деревенского быта. Это подчеркивание безвыходности деревенского бытия — прямой мост к реакционному отрицанию возможности переделки деревни». См. Литературная энциклопедия. — М.: Издательство Коммунистической академии, 1931. Т. 5. — С. 142—143.

⁵ Салтык Г. А. Октябрь 1917 года в политической истории российских регионов (по материалам Госархива Курской области) // Революции 1917 года: взгляд через столетие: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. Л. Богданова. — Курск: ИП Афанасьева Е. А., 2017. — С. 11.

⁶ Солнцева Н. М. Крестьянский космос в русской литературе 1900—1930-х годов: Учебное пособие. — М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2013. — С. 40.

До сих пор неясна библиография писателя: «рецензенты-башибузуки»⁷, как называл их Карпов, нещадно резали его произведения. Несколько повестей и романов до сих пор лежат неопубликованными, а под конец жизни у Карпова на железнодорожной станции Хутор Михайловский украли чемодан с рукописями⁸. Писатель замкнулся, последовал инсульт и смерть в селе Турка.

Весьма тусклая по меркам Серебряного века судьба, но именно вокруг Карпова сложился упомянутый религиозный культ.

В культе этом повинен «роман» Пимена Карпова «Пламень» (1913). Описать его довольно сложно. Текст Карпова радеет, глядит суглобо и взмокло. Формальных признаков романа в нем немного. Вместо этого — вой, хлыстовская многоголосица, отсутствие структуры, странные до невозможности персонажи, подозрительные словечки, кровопролития, совокупления, «ехи» какие-то и «приклюки», черт возьми что вообще... Где ни читаешь «Пламень», все равно читаешь его в душной полутемной избе с запертыми ставнями.

Произведение рассказывает о «жизни и вере хлеборобов» села Знаменского, вовлеченного в тайные народные секты. Крестьяне пляшут и взывают Светлого Града под руководством хлыста-пламенника Крутогорова. Пламенники — секта, стремящаяся к духовному и революционному перерождению, единению неба и земли, ненависти и любви. Им противостоит древняя тьма — бог Тьмяной, выраженный в сатанаиле-помещике Гедеонове. Этот царский генерал — совокупность всех мысленных и действительных пороков. Он бесчестит невест, насилует сирот, подавляет крестьянские восстания и вместе с тем тоскует о недоступности как красоты, так и некоего абсолютного тотального зла. Мечта Гедеонова — навесить «на земной шар этакое чехло», скрывшее бы солнце и звезды, да отдергивать край за откуп, сдавать небо в аренду. Есть и пограничный тип, так называемая злыдота, которую возглавляет старец Феофан. Злыдота поклоняется Тьмяному, взывая при этом Светлого Града, но хочет достичь его через ужасы и злодейство. Злыдота — это не о причинении зла, а о его претерпевании. Присутствуют и некие красносмертники — радикальный пролетариат низин и лесов, мечтающий пойти на город войной. Их возглавляет одичавший водовоз Андрон, ушедший из поместья Гедеонова и вырывший в лесу землянку, чтобы славить «красную смерть». Пламенники, злыдота, красносмертники, сатанаилы — все эти толки взаимно друг с другом переплетены, а искания горного мира обильно политы кровью, из которой, как огненная лилия, поднимаются лепестки Солнца Града.

Текст «романа» существует в двух редакциях. Первое издание было запрещено. Чтобы понять почему, достаточно взглянуть на оригинальную обложку «Пламени», которую описал Розанов: «Вообразите себе огненного, палящего цвета лист, посередине которого нарисован не столько “язык пламени”, поднимающегося кверху, сколько толстый бычачий язык, толстым концом книзу, от которого идут змеи-лучи, как радиусы. Все это — в черном округлении. А за округлением какой-то продолговатый овал из переплетен-

⁷ Шатохин Н. А. Друг ты мой, товарищ Пимен... С. 100.

⁸ Там же. С. 32.

ных колючек, из терниев, из листов, крючков и кочней, где завязали и терзались нагие фигуры мужчин и женщин»⁹.

Рассматривая обложку «Пламени», трудно не согласиться с Розановым: разверзшаяся огненная вульва, звезда горняя, плоть-звезда, раскалившаяся, как чрево, тридцать четыре амебистых луча от нее. И этот «рог» по середине — в нем нет изящества языка пламени, он насуплен, плотен, тяжел. Не огонь, а контур изогнутой двери — войди, войди, войди, — вульгарный эротизм обложки обращен не столько к читателю, сколько в себя, за себя. Важная очень особенность: карповские пошлость, безыскусность и мода в сиянии «Пламени» всегда перерождаются во что-то иное, невозможное¹⁰. Ведь Карпов не то чтобы писатель, а скорее траурник, вопленник, тяготник, «темномордое» — как однажды назвал его Блок¹¹.

Протороман, текст «Князь тьмы», Карпов закончил примерно к началу 1910 года, но, столкнувшись с редакторской критикой, уже к концу года переработал его в известный теперь «Пламень»¹². Тогда же Карпов начинает пропихивать «Пламень» через переписку с влиятельными литераторами¹³. Издать «роман» удастся лишь в октябре 1913-го, что породило целый жанр, так сказать «обожженные “Пламенем”»: «И похоже на то, что вся книга — сплошная клевета, видимо, бессознательная со стороны автора, — клевета на человека вообще, на русское крестьянство и сектантство, в частности, а заодно и на те слои крестьянства, которые соседят с крестьянством»¹⁴.

В «Бюллетене литературы и жизни» заявили, что «Пламень» «не что иное, как бред, местами отталкивающий, возмущающий, местами потрясающий бред пришедшего в художественную литературу фанатика-сектанта, темного “хлебороба”»¹⁵. Критик Евгений Лундберг подсчитал: «По количеству убийств и насилий повесть г. Карпова вероятно оказалась рекордной»¹⁶. Публицист Ал. Ожигов нашел, что строки «Пламени» наполнены «стилистическим блудом»¹⁷. Обычно пристальный Иванов-Разумник заметил, что талант Карпова тонет в «хляби дешевого декадентства», а «через год-другой никто не будет помнить о “Пламени”»¹⁸. Были и очевидные диагнозы: «Книга Пимена Карпова — багровый сгусток крови»¹⁹. Военный врач Лев Войтоловский сказал, что Пимен Карпов «колдун, живодер, пророк, заго-

⁹ Розанов В. В. Собрание сочинений. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913—1915 гг.). — М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. Т. 23. — С. 253.

¹⁰ Обложку первого издания «Пламени» можно лицезреть по ссылке: Литфонд Аукционный Дом: [сайт]. URL: <https://www.litfund.ru/auction/4/198/> [Дата обращения: 30.05.2021]

¹¹ Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова [и др.]; [Вступ. статья, подготовка текста и примеч. В. Орлова]. — М.; Ленинград: Гослитиздат, 1960—1963. Т. 7. — С. 70.

¹² Блок и П. И. Карпов // Александр Блок. Исследования и материалы / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. Ю. К. Герасимов — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. — С. 242.

¹³ Список их обширен. Так, «Пламень» готовился к изданию Дмитрием Мережковским еще в 1911 году. См. Поливанов К. М. Карпов П. И. // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. — М., 1992. — С. 498. Вероятно, подразумевалась переписка Карпова с Мережковским, в которой Дмитрий Сергеевич пытался пристроить «Пламень», а Карпов выпрашивал у Мережковского предисловие. В частности, в письме от 21 ноября 1911 года Мережковский сетовал, что Карпов с рукописью ушел от книгоиздателя Сытина в типографию товарищества «Общественная польза». См. Шатохин Н. А. Друг ты мой, товарищ Пимен... С. 104.

¹⁴ Библиографический листок // Вестник Европы. № 1, 1914. — С. 466.

¹⁵ Новые романы и повести // Бюллетени литературы и жизни. № 6, 1913. — С. 338.

¹⁶ Отзывы о книгах // День. № 285, 21 октября 1913. — С. 3.

¹⁷ Литературные мотивы // Современное слово. № 2074, 17 октября 1913. — С. 7.

¹⁸ Жертвы вечерние // Заветы. № 11, 1913. — С. 171.

¹⁹ О крови // День. № 319, 24 ноября 1913. — С. 4.

воршик, что угодно, но только не писатель»²⁰. Якобы в «Пламени» бродят «люди, похожие на плевки» да ползают «черви, похожие на женщин». Тот же Войтоловский в беспокойном Киеве 1918 года, говоря о «Двенадцати» Блока, вдруг вспоминает когда-то разобранный им книгу: «Сейчас Пимен Карпов — один из деятельнейших членов курского совдепа и, не боясь наготы своей, обильно поливает родную землю кровью и... делает из кабака церковь.

Я боюсь, что лютования «Двенадцати» очень сильно сближают их с ехами, смрадами и отверженными душами Пимена Карпова, семя которых не дает чистого побега»²¹.

Собственно, Блок и дал самый известный и литературный отзыв на «Пламень». Это был единственный сильный голос, призывающий прислушаться к книге: «Так и из «Пламени» нам придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что о России»²². Консервативное «Новое время» указало, что если подходить к «Пламени» с литературной меркой, то это «сплошной бред похоти и крови»²³. Устами архиепископа Никона отреагировала синодальная Церковь: «какою мерзостью недавно угостил некто Карпов нашу интеллигенцию»²⁴. Педагогический журнал «Для народного учителя» заметил о книге: «ужасы, рассеянные в ней, кричат истерически о том, в какие нелепые тупики может заходить религиозная мысль одичавшего народа»²⁵. Знающий автора Дмитрий Философов выразился резко: «Нигде, кроме России, появление подобной книги немыслимо. Только в стране первобытного варварства, покрытого тонким легко исчезающим налетом культуры, возможно такое сочетание последней дикости с последним словом модернизма»²⁶. Исследователь раскола и сектанства Александр Пругавин заметил, что дурной пример писать о хлыстах подал «Петр и Алексей» Мережковского, а ««Пламень» привел прямо в ужас и содрогание даже самых мягкотелых и снисходительных критиков»²⁷. Сектантский стиль письма также уловил критик Львов-Рогачевский: «Автор велегласно возопил на первой странице, да так и продолжает вопить до последней страницы, душу выматывать. <...> Пимен Карпов не пишет, а радеет»²⁸. Публицист Владимир Шарков признался, что на середине книги его «охватил ужас, не покидавший до последних строк. Ужас, сплошной ужас!» Не нужно даже

²⁰ Летучие наброски // Киевская мысль. № 329, 28 ноября 1913. — С. 2.

²¹ Двенадцать // Киевская мысль. № 127, 2 августа 1918. — С. 2.

²² Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. С. 486. Стоит отметить, что в одной из последних советских публикаций о Карпове, посвященной выходу поэтического сборника «Русский ковчег», его вновь сравнивают с Блоком, а хлыстовский «Пламень» с «Двенадцатью»: ««Катка» — дочь карповской России». См. Руднев А. Бесшабашный // Вестник литературы, № 2-3 (38-39), 1922. — С. 19. Примечательно, что даже такая величина, как К. М. Азадовский, усмотрел в фигуре Руднева самого Карпова: «Кто такой А. Руднев, — неизвестно; скорее всего это псевдоним, за которым укрылся, может быть, и сам Карпов». (См. Блок и П. И. Карпов // Александр Блок. Исследования и материалы. С. 250.). На деле же А. Руднев — это московский корреспондент Карпова, Александр Борисович Руднев, муж небезызвестной Ольги Николаевны Вышеславцевой. Карпов неоднократно просил Руднева пристроить свои произведения.

²³ Заметки // Новое время. № 13511, 22 октября 1913. — С. 5.

²⁴ Куда мы идем? // Церковные ведомости. № 46, 1913. — С. 2111.

²⁵ Библиография // Для народного учителя. № 10, 1914. — С. 30.

²⁶ Бред // Речь. № 28, 14 октября 1913. — С. 5.

²⁷ Пругавин А. С. Бунт против природы. (О хлыстах и хлыстовщине). Вып. 1. — М.: Задруга, 1917. — С. 29.

²⁸ Вчера, сегодня и вероятное завтра русской литературы // Современник. Книга первая, январь 1914. — С. 130.

ничего сравнивать с «этим бездонным черным омутом ужаса и ненависти, преступления и отчаяния»: «Д. Философов назвал эту книгу “бредом”. Это не совсем так. Писатель заставляет самого читателя бредить, видеть самые невероятные, самые отвратительные кошмары, переживать сложную гамму ужаса, отвращения и того тошного ощущения, которое человек испытывает, глядя на бездонную пропасть — он заставляет читателя задыхаться под тяжестью этих кошмаров, проклинать и ненавидеть вместе с ним, но сам он не бредит»²⁹.

Разве что эгофутуристы, пойдя всем наперекор, заявили: «Книга Карпова дорога нам. В ней есть сила и пламень и напоминание о темной, далекой от нас России»³⁰.

По легенде, один из самых необычных отзывов о карповских пламенниках оставил не кто иной, как Никита Сергеевич Хрущев. Он земляк Карпова: родился в соседней Ольховской волости, в селе Калиновка. Якобы Карпов был у Первого секретаря на приеме со своими рукописями: «Сам Хрущев вряд ли что читал, но кто-то из доверенных лиц ознакомился и поморщился»³¹.

Миф, конечно, но все же Никита Сергеевич был тем еще хлебобобом.

«Пламень» вышел в самый апогей дела Бейлиса, дела о кровавом навете, гремевшего по всей России. Изначально карповский «Князь тьмы» рассказывал о бесчинствах помещика Гедеонова, которому противостояли светлые силы в лице старца Дмитрия и юноши Светозара³². Сектантская тема с радениями пришла в повесть при ее последующей переработке, совпадающей с делом Бейлиса (1911—1913). Есть вероятность, что тем самым Карпов решил сыграть на общественных настроениях³³. Даже начало продаж «Пламени» (8 октября 1913)³⁴ удачно совпало с финальной частью дела Бейлиса (октябрь 1913). Упоминание «Пламени» в периодике того времени происходит либо в контексте дела Бейлиса, либо по соседству с ним³⁵. Редактор «Биржевых ведомостей» Иероним Ясинский даже спровоцировал перебранку на этот счет: «...на днях вышла книга молодого автора Пимена Карпова “Пламень”, в которой, с огромным поэтическим мастерством и искренним пафосом повествуется о целом ряде ритуальных кровавых преступлений, совершаемых на дне нашей сектантской темноты»³⁶.

²⁹ Книга ненависти // Южный край. № 11696, 24 октября 1913. — С. 5.

³⁰ Между Тьмяным и Сушим // Очарованный странник. Альманах интуитивной критики и поэзии. № 2. — С. 15.

³¹ См. предисловие к роману Карпова «Кожаное небо», вышедшее в журнале «Наш современник», № 2, 2007. Легенда известна со слов писателя Николая Харченко.

³² Блок и П. И. Карпов // Александр Блок. Исследования и материалы. С. 242. Вероятно, Карпов использовал некоторые наработки из «Князя Тьмы» для более поздних произведений. Так, в рассказе «Соловьины песни» («Огонек», № 47, 1915, с. 11—16) вновь появляется лютый помещик, истязавший молодого Светозара.

³³ Тем не менее, столкнувшись с разгромной критикой, Карпов с мольбой доказывал, что его роман «написан три года тому назад», поэтому, «пожалуйста, стушуйте меня как члена религиозной общины пламенников и не упоминайте имени Бейлиса» (из письма к А. А. Измайлову, 1 января 1914). Реакция Карпова представляется странной. Он не мог не понимать, чем чреват выпуск «романа» о ритуальных жертвоприношениях в разгар дела о кровавом навете. Скорее, Карпов рассчитывал на совсем иной эффект.

³⁴ «Современное слово», № 2074, 17 октября 1913. — С. 1.

³⁵ Крапихфельд В. Литературные отклики // Современный мир, № 11, 1913. — С. 229.

³⁶ Костомаров, Хвольсон, Пимен Карпов и сатанаилы // Биржевые ведомости. № 13796, 10 октября 1913. — С. 3.

Далее Ясинский называет убийц Ющинского сатанаилами — словом, придуманным Карповым для обозначения самых лютых сектантов, поклонников Тьмяного: «Так вот, возвращаясь к киевскому убийству, к Костомарову, к Хвольсону, к ритуальной и уголовной чертовщине, и все больше и больше убеждаясь в полной неприкосновенности Бейлиса и кого бы то ни было из евреев к преступлению, совершенному над злополучным Андрюшей Ющинским, мучительно спрашиваешь себя: Что же это за сатанаилы, которые так страшно замучили ребенка, и почему в стороне?»

На эту заметку реагирует Владимир Бонч-Бруевич, друг Ленина и исследователь русского сектантства. Он с ходу называет «Пламень» «косноязычным бульварным романом», где крестьяне-сатанаилы «сначала вертятся и крутятся вокруг жертвенника, а потом зарезывают “отрока” для своей надобности, очевидно, для того, чтобы закусить, что ли, как бараниной, вечерком, после того, как напляшутся или упьются теплой человеческой кровью!»³⁷ По словам Бонч-Бруевича, который совсем скоро от имени Наркомзема будет зазывать сектантов в советскую Россию: «Графоманы всегда были и будут, и каждая психиатрическая больница имеет громадные архивы подобной пименовской литературы». В свою очередь, Ясинский отвечает на этот выпад в заметке «Власть тьмы и жаба»³⁸ от 29 октября 1913 года. Позже Ясинский одобрительно вспоминал, что Карпов собрал в «Пламени» образы «символического канибализма, религиозного изуверства, черносотенного иступления»³⁹. Собственно, именно Ясинский сделал из Карпова главное литературное событие 1913 года. Ясинский же подыграл желанию Карпова сойти за сектанта с крестьянского корабля: «И может быть, Пимен Карпов тут не посетует на меня, если я кстати скажу, что не так еще давно автор “Пламени” был деятельным сектантом-“пламенником”, искавшим света и в религии, и в революции...»⁴⁰

Сам же Карпов не находил себе места. В письме к Леониду Андрееву он с отчаянием заявил: «Меня рецензенты называют людоедом, пакостником, ритуалистом. Согласитесь, что это хуже физического убийства. Это убийство духовное»⁴¹.

Наряду с «Пламенем» Карпова в те октябрьские дни 1913 газеты расхваливали книгу профессора Германа Штрака «Кровь в верованиях и суевериях человечества». Известнейший разоблачитель кровавого навета, протестантский богослов Герман Штрак даже в весьма просвещенном 1900 году допускал наличие ритуального канибализма у некоторых русских хлыстов, которые «употребляют мясо и кровь новорожденного, а именно первого мальчика, рожденного избранной в “Богородицу” “святой девой” после экстатически-непристойного празднества, следующего за ее избранием»⁴². Штрак бесхитростно повторяет ряд ангажированных синодальных свидетельств, патетически восклицая о том, ответственна ли христианская религия

³⁷ Новый ритуалист // Киевская мысль. № 297, 27 октября 1913. — С. 3. Отповедь Бонч-Бруевича помещена меж колонок, посвященных кровавому навету и делу Бейлиса.

³⁸ Власть тьмы и жаба // Биржевые ведомости. № 13828, 29 октября 1913. — С. 4.

³⁹ «Светильник любви». Из неперезданного... С. 439.

⁴⁰ О бреде // Биржевые ведомости. № 13806, 16 октября 1913. — С. 4.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 2.

⁴² Штрак Г. Л. Кровь в верованиях и суевериях человечества: Народная медицина и вопрос о крови в ритуале евреев. — Санкт-Петербург: тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1911. — С. 36.

за подобные мерзости: «Если от такой “Богородицы” родится девочка, то она в свою очередь предназначается в “непорочные девы”, но если родится мальчик, “Христосик”, то в восьмой день после рождения он приносился в жертву. Из сердца и крови, смешанных с мукой и медом, готовился хлеб для причастия, и это называлось “причаститься кровью агнца”. Другие, как утверждают, причащались теплой еще кровью своего Христосика»⁴³.

Иногда реклама книги профессора Штрака «Кровь в верованиях и суевериях человечества» стояла вплотную с рекламой «Пламени» Карпова. Книга, развенчивающая миф о кровавом навете, соседствовала с книгой, где есть сцена ритуального убийства невинного отрока!⁴⁴ А над ними возвышалась реклама «Несравненной рябиновки» товарищества Н. Л. Шустова, вписанной в те же самые солнечные лучи, что и упомянутая обложка «Пламени». Полное православие.

Всего через месяц после выхода тираж «Пламени» был конфискован. По словам Карпова, разошлось успело около восьмисот экземпляров⁴⁵, но «черносотенцы, какой-то Орлов, Андреев и Клюев подали заявление в цензуру и теперь книга арестована, у меня произведен полицией обыск и предъявлено обвинение»⁴⁶. Уже 18 ноября 1914 года в Петроградском окружном суде Пимен Карпов давал отчет по второму пункту 73-й статьи и по 1001-й статье Уголовного уложения (богохульство и порнография соответственно). За порнографию Карпову грозило либо взыскание не свыше пятисот рублей, либо арест от недели до трех месяцев⁴⁷, а богохульство каралось высылкой на поселение⁴⁸. Первоначально же Карпову хотели вменить более жесткую 129-ю статью (преступная пропаганда). Обвинение в богохульстве по закону рассматривалось судом православных присяжных. Такой прямо русский Уайльд: написал ты книгу, как голые духини бегают по лугам, а в скитах царит свальный грех, и вот на тебя с непониманием смотрят двенадцать благочестивых православных присяжных... «После того, как обвиняемый дал пространные объяснения, подробно рассказав всю свою жизнь и коснувшись своих исканий», председательствующий судья отправил дело на доследование «для определения состояния умственных способностей обвиняемого»⁴⁹. В автобиографии 1946 года Карпов туманно описал конец разбирательства: «Я слег в больнице, в с. Архангельском. 1914 год. Началась первая мировая война, всеобщая неразбериха, меня потащили в суд, по болезни дело отложили. Великая раскачка кончилась великой революцией, которая покончила с моим делом. Оно сгорело в Окружном суде»⁵⁰.

⁴³ Там же. Собственно, книга Штрака — прекрасный образчик колониального мышления, которое не столько развенчивает саму идею кровавого навета, сколько сдвигает культурный фронт: евреи, конечно, не причастны к ритуальным жертвоприношениям, но вот у русских сектантов они, вероятно, имеются.

⁴⁴ В частности, можно посмотреть передовицу газеты «Современное слово» № 2074 от 17 октября 1913, где все эти объявления образуют треугольник с диалектическим основанием и алхимической вершиной.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 2.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 4. Карпов обвиняет в доносе «союзников», то есть членов Союза русского народа.

⁴⁷ Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. — СПб., 1904. — С. 425—426. Прим.: статья 281 уложения 1903 г. включала в себя статью 1001 предшествующего уложения.

⁴⁸ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 146.

⁴⁹ Судебные вести // Речь. № 313, 19 ноября 1914. — С. 5.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 1368. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2 об.

Запрет «Пламени» с его частичным⁵¹ уничтожением был хоть и главным, но не единственным цензурным приключением Карпова. Была запрещена пьеса в пяти действиях и восьми картинах «Сказка бытия», а также «запрещен и фильм по его сценарию “Светильник любви”». К сожалению, здесь есть ряд несоответствий⁵². У самого Карпова имеется рассказ «Светильник любви»⁵³, по которому, возможно, и был снят указанный фильм.

Также в списках дореволюционной запрещенки фигурируют памфлеты Карпова «У плуга», «Слушай слово», «Гимн братства»⁵⁴. В особенности «подлежала уничтожению» книжка-малютка «У плуга». Это один из памфлетов первого сборника Карпова — антиинтеллигентского⁵⁵ «Говора зорь», где есть и такие строки: «Все они — и “свободолюбцы”, и черносотенцы — уселись на хребет мужика и едут на нем, ну, и пусть бы ехали молча, так нет же, вся эта проклятая мошकारа — все эти земцы, врачи, адвокаты, писаря, купцы, арендаторы, стражники и прочие пришибатели, имя же им легион — уверяют каждый по-своему, что народ без них погибнет, что они делают большое одолжение для народа, когда навязывают ему свои “услуги”»⁵⁶.

Ранний Карпов отличался угрюмостью, даже озлобленностью. Он нетерпим и националистичен. У него то еврей⁵⁷ сосут из русских, то «инородцы-

⁵¹ Вопреки многочисленным утверждениям, что весь тираж «Пламени» был сожжен, часть его сохранилась. Например, в РГБ или РНБ. Более того, экземпляры «Пламени» сохранились даже у самого Карпова, который 29 января 1916 г. подарил «роман» Сергею Есенину: «Светлому поэту милостью Божьей Сергею Александровичу Есенину с горячей любовью Пимен Карпов 29 янв. 1916 г. Петроград». См. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 томах. Т. 1: 1895—1916. М., 2003. — С. 318. Тем не менее Карпов сам поддерживал миф о полном уничтожении «Пламени». В предисловии к воспоминаниям 1956 года «Из глубины» он писал: «...этот роман был расцнен “блустителями нравственности” как клевета на царскую Россию, — тираж его конфисковали и сожгли». Карпов П. Из глубины. — М.: «Советский писатель», 1956. — С. 3.

⁵² Сноска, данная литературоведом К. М. Поливановым в «Русские писатели. 1800—1917. Библиографический словарь», т. 2, М., 1992, с. 498, ошибочна. В вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» от 26 февраля 1915 года нет ничего о Карпове и «Светильнике любви». Такая информация обнаруживается в утреннем выпуске № 14696 (1915), с. 4, где под заголовком «Запрещение кинематографической картины» говорится лишь следующее: «По распоряжению петроградского градоначальника, воспрещена к публичному демонстрированию кинематографическая картина “Светильник любви”». Показательно, что даже энциклопедическое издание изобилует рядом фактических ошибок: указанные неверные год рождения Карпова и место смерти, утверждается, что слушания по делу «Пламени» так и «не состоялись», сказано, что Карпов был избран в Учредительное собрание, и т. п.

⁵³ Карпов П. Светильник любви // Огонек. № 25, 1914. — С. 5—10. Если экранизация «Светильника любви» и была запрещена, то лишь из-за дешевого эротизма: «Грудь ее мягко и горячо давила его грудь, а он все пил поцелуй, поддерживая ее покачивающуюся горячую голову левой рукой, и пил».

⁵⁴ Справочный указатель книг, брошюр, газет и журналов, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1-е января 1912 года. Киев. Типография И. Н. Кушнерева, 1912. — С. 128. Позднее запреты на «У плуга» продлевались в цензурных сборниках МВД за 1913—1914 гг.

⁵⁵ Карпов обвиняет Федора Сологуба, «автора гнусного “Мелкого беса”», в «чудовищной клевете» на русский народ. Михаилу Кузмину тоже достается за сознательную клевету на русский народ, «когда изображают его развратным и звероподобным, глупым и пошлым, диким и бессмысленным». По мнению Карпова, это делается ради писательского успеха. Ирония в том, что всего несколько лет спустя Карпов собрал подобные обвинения уже в свой адрес. Только с большим на то основанием.

⁵⁶ Книжка-Копейка. Универсальная хрестоматия. Избранные сочинения русских и иностранных писателей. Собрал и русскому родному народу посвятил В. А. Максимов. Вып. 11. С.-Петербург, 1910. — С. 84.

⁵⁷ В одном из писем к Розанову Карпов пишет, что крестьянство «не в силах бороться с еврейством, забравшим все торговые рынки и скупающим мужицкий хлеб за бесценок...» См. Карпов П. Пламень. Русский ковчег. Из глубины. — М.: «Худлит», 1991. — С. 8. Среди писем Карпова московскому книголюбу Александру Рудневу то и дело встречаются выражения вроде «Неудобный Пимен, умученный жидами» (письмо от 15 мая 1922); «Лебедеву-Полянскому — русской он нации человек или германо-иерусалимо-мазонской?» (письмо от 1 июня 1922); «Живу, точно в джунглях Африки, — с той разницей, что в настоящей Африке теперь вероятно тепло, черные негры бьют баклуши, греют яйца свои на солнце, а у нас белые негры прозябают, задыхаются в каторжной работе и яйца свои не греют, а отмораживают, т. к. у нас уже мороз, солнца нет и прикрывать оные яйца нечем: ходят почти что голые» (письмо от 1 октября 1925). Советский литературовед А. М. Лейтес, работая в 50-х с мемуарами Карпова, вычеркивает из них якобы реакцию Блока на прочитанную им черносотенную книжку А. И. Дубровина: «Ожидовела Россия». См. Блок и П. И. Карпов // Александр Блок. Исследования и материалы. — С. 252—263.

тунеядды» ведут Россию к гибели, причем инородец не «человек нерусского происхождения», а попросту интеллигент⁵⁸. Позже Карпов критиковал большевиков за то, что «им даже говорить о русской нации запрещено»⁵⁹. Поначалу же Карпова сочли махаевцем⁶⁰, то есть сторонником Яна-Вацлава Махайского, считавшего интеллигенцию новым рабовладельческим классом. Сказали и о влиянии эсера Евгения Лозинского, наиболее известного последователя Махайского, еще в 1907-м написавшего критико-социологический опыт «Что же такое, наконец, интеллигенция?»⁶¹, где Лозинский с яростью (по рублю за книгу) обрушился на умственный класс. В мистифицируемой автобиографии «Верхом на солнце» Карпов описывает свою встречу с Лениным, где тот также назвал его махаевцем⁶².

При всей схожести Карпова с новокрестьянскими поэтами, с характерной для них бутафорией, игрой и модернизмом, Карпов единственный, кто системно представил свое резкое и полное неприятие интеллигенции. Сделал он это не художественно-запевно, как Клюев в «В черных днях», а дерзко, напрямую⁶³. Сочиняя стихи, романы и памфлеты, он сам, разумеется, стал представителем интеллектуального «класса», но куда важнее не эта двойственность, а карповская уверенность в праве быть услышанным и признанным лишь по факту своего крестьянского происхождения и тяжелой бродяжьей жизни. Это приводит Карпова не к каким-то тайным темным омутам, о которых писали в газетах, а к народническим, социалистическим установкам городской культуры перелома XIX—XX веков. В случае Карпова все усугубилось еще и неонародническим стереотипом, полагавшим русское сектанство триединой вводной в крестьянский, духовный и революционный миры.

Стихийный «махаизм» Карпова проистекал из интеллигентского убеждения, что именно народ обладает неким чистым знанием жизни, давно утраченным господствующими над ним «классами», а значит, только он и может претендовать на какую-то правду. Так интеллектуалы сформировали убеждение, что очищенному от интеллектуальности «народу» доступна сокрытая истина, с которой «народ» затем приходит к интеллектуалам обналичить выданный ими счет — в полной уверенности, что обналичивает что-то сущностно ему принадлежащее. Поэтому было всего два больших писателя, которые восторженно похвалили Карпова: Лев Толстой и Александр Блок⁶⁴. Толстой поступил так из-за опрошенческой близости, а Блок из болезненного чувства своего интеллигентского геноза, уже по факту обязанного «человеку из народа», что, кстати, как раз на примере Карпова подметил филолог Николай Богомолов⁶⁵.

Но Карпов не просто «человек из народа». Поза его отличается, например, от знакомой ему писательницы Надежды Санжарь, торгашески упиравшей на то, что она смогла сохранить свою девственность, несмотря на мать-проститутку

⁵⁸ Новые романы и повести // Бюллетени литературы и жизни. № 6, 1913. — С. 338.

⁵⁹ Сергей Есенин / Куняев Ст. Ю., Куняев С. С. — М.: Мол. гвардия, 1995. — С. 262.

⁶⁰ Дмитрий Философов писал: «О махаевщине и пресловутых брошюрах Лозинского Карпов, вероятно, никогда не слышал, но психология “махаевца” у него была. Да и вообще махаевщина явление очень русское и типичное». См. Бред // Речь. № 28, 14 октября 1913.

⁶¹ Лозинский Е. Что же такое, наконец, интеллигенция? — С.-Петербург.: Новый голос, 1907. — 261 с.

⁶² Карпов П. Верхом на солнце. — М.: «Никитинские субботники», 1933. — С. 109.

⁶³ Советская Краткая литературная энциклопедия весьма точно это подметила: «К. примыкает к группе художников патриархально-кулацкой деревни (Клюев, Клычков), но отличается от них значительной степенью деклассации, своеобразного люмпенского отщепенства».

⁶⁴ Андрей Белый все же сделал это походя и лишь на волне своего интереса к народу 1909—1910 гг.

⁶⁵ Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. — М.: НЛО, 2004. — С. 29.

и отца-уголовника. Не похож он и на писателя из крестьян Ивана Вольнова, начавшего печататься в одно время с Карповым и реалистично описывающего деревню того времени. Сам Карпов представлял себя как человека «из-за» народа, поднятого из совсем уж темной сектантской гущи. По случаю выхода «Пламени» Карпов писал Розанову: «Эти сатанаилы — ужас, я сам все это видел, и, конечно, не следовало выводить всего того, что я видел»⁶⁶, а в газетах Карпов прямо объявил, что он «сектант, крестьянин-хлебороб» и в «Пламени» «все, что здесь от русского сердца — я пережил лично. На религиозном огне погиб мой отец. Вся семья моя так погибла»⁶⁷. В другой раз Карпов утверждал, что его отец погиб «на радении от паралича сердца»⁶⁸, однажды обмолвился, что отец «умер от голода и горя»⁶⁹, а судя по поздней пролетарской автобиографии, Ивана Родионовича доконали проблемы с царизмом.

Мистификации Карпова — не меньший жанр, чем отзывы на «Пламень». Писатель утверждал даже, что курские хлеборобы охотятся на него, дабы убить за разглашение сокровенных тайн⁷⁰. Мистификации Карпова чередуются с откровенным подлогом, когда для разных по направленности изданий он сочиняет прямо противоположные истории⁷¹. Некоторые из карповских мистификаций живы до сих пор.

Карпова повсеместно — от случайного упоминания до монографий — называют старообрядцем либо выходцем из старообрядческой семьи. Именно в таком качестве его в перестройку открыли Куняевы, по-видимому, впервые записав Карпова в старообрядцы⁷² по примеру Николая Ключева или Сергея Клычкова. Источником мистификации послужили некритично воспринятые строки карповских воспоминаний вроде «Наш край — село скрытников-староверов»⁷³ — и архивные свидетельства самого Карпова: «семья была старообрядческая, а у старообрядцев метрик не писали»⁷⁴.

Действительно, на переломе XIX—XX веков в Рыльском уезде Курской губернии проживало немало старообрядцев. Причем старообрядцев ядерных и эсхатологичных — беспоповцев, но сосредоточились они не в Амоньской волости к северу от Рыльска, откуда был родом Карпов⁷⁵, а в Благодатенской

⁶⁶ Куняев С. С. Последний Лель: Проза поэтов есенинского круга. — М.: Современник, 1989. — С. 566.

⁶⁷ Заметки // Новое время. № 13511, 22 октября 1913. — С. 5.

⁶⁸ О крови // День. № 319, 24 ноября 1913. — С. 4.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 3 об.

⁷⁰ Заметки // Новое время. № 13511, 22 октября 1913. — С. 5.

⁷¹ Посылая «Пламень» в консервативное «Новое время», Карпов обрушивается с критикой на «инородцев-тунеядцев» (то есть интеллигенцию), тогда как присылал «роман» в народническое «Русское богатство», в самое логово «инородцев-тунеядцев», он, подчеркивая свое крестьянское происхождение, лишь надеется на суд «правдивый и милостивый». См. Новые книги // Русское богатство. № 11, ноябрь 1913. — С. 405.

⁷² Карпов П. Пламень. Русский ковчег. Из глубины. С. 5. Вероятно, это первое публичное приписывание старообрядчества Карпову, т. к. в куняевских работах 1987 и 1989 годов о старообрядчестве Карпова не говорится.

⁷³ Карпов П. Из глубины. С. 100.

⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 1368. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1. Разумеется, метрика на Карпова существует и это вопрос принципиальный. С 1874 года метрические записи старообрядцев вело МВД, из-за чего подавляющее большинство староверов такой регистрации избегали. Регистрация в самой синодальной Церкви (даже формальная) для старообрядцев была также неприемлема, ибо совершалась после обряда крещения. После 17 октября 1906 г. (Им. Выс. указ о порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин) ведение метрических книг было поручено самой общине. Но Карпов называет свой приход «единоверческо-старообрядческим», а единоверцы, изначально признавая юрисдикцию синодальной Церкви, прекрасно вели свои метрики с самого основания прихода. Иными словами, версия Карпова об отсутствии у него метрик из-за «старообрядчества» не выдерживает никакой критики.

⁷⁵ Анализ подшивки Курских епархиальных ведомостей 1871—1918 гг. показывает, что в селе Турка, в отличие от других сел Курской губернии, вообще не фиксируется какая-либо миссионерская, сектантская или старообрядческая деятельность.

волости на юго-востоке от Рыльска. Свой приход Турка получила только в 1887 году, когда деревянный Знаменский храм выделили из амоньской юрисдикции⁷⁶. Он перестал быть приписным, то есть заимел свой причт — священника и псаломщика. Турка была бедным селом. Достаточно сказать, что на всю Курскую губернию в 1888 году нашлось всего 15 приходов, которые из-за недостатка средств не могли выписывать «Епархиальные ведомости», в том числе Знаменская церковь с. Турка⁷⁷. В отличие от других курских сел, каких-либо записных сектантов или раскольников на более чем пятьсот прихожан не значилось⁷⁸. В воспоминаниях Карпов называет эту церквушку «единоверческая-старообрядческая», но Турка не входила ни в один из шести единоверческих приходов Курской губернии⁷⁹. При этом Карпов рассказывает, что «в Турку прислали нового попа, из дьячков, — Ивана Архангельского», который якобы тоже был из «старообрядцев-единоверцев», по совместительству не дураком выпить и потанцевать. В Турке действительно служил некий Иоанн Архангельский⁸⁰. Совпадение прослеживается и в фигуре Андрея Константиновича, пьяненного псаломщика «Котятиныча» из воспоминаний Карпова, который якобы выкрал поповскую дочь Антониду⁸¹. Косвенно о старообрядчестве Карпова свидетельствует подчеркиваемая им неграмотность: «Люто возмечтал я о школе. Но у нас в деревне в те времена, как я уже говорил, школой еще не обзавелись. Гораздо позже, уже почти взрослый, работая в городе плотником, я начал учиться грамоте сперва по вывескам, а потом уже по букварю»⁸². Конечно, по вывескам Карпов не учился⁸³. Да и школа грамоты в Турке была⁸⁴.

⁷⁶ Официальные известия // Курские епархиальные ведомости. № 11, 1887. — С. 552.

⁷⁷ От редакции Курских Епархиальных Ведомостей // Курские епархиальные ведомости. № 28, 1888. — С. 452.

⁷⁸ Справочная книга о церквах, приходах и причтах Курской епархии: В 3 ч.: С картой Курской епархии: за 1908 год. — С. 176. Важно отметить, что синодальная статистика практически всегда занижала численность старообрядцев или сектантов. В документах село могло значиться «благонадежным», а на деле чуть ли не полностью пребывать в расколе.

⁷⁹ Там же. С. 252. К пяти представленным приходам нужно добавить приход с. Чаплыгино.

⁸⁰ Согласно «Справочной книге о церквах...» в Турке служил некий Архангельский Иоанн Федорович. Он и вправду был из дьячков. Иоанн Архангельский начал служить еще в 1861 г., а в Турку попал из с. Ковенки Путивльского уезда. Судя по ряду публикаций, священник пользовался уважением. В частности, Съезд духовенства Рыльского училищного округа в 1905 году проходил «под руководством старейшего из уполномоченных, священника Иоанна Архангельского». См. Курские епархиальные ведомости. № 39-40, 1905. — С. 410.

⁸¹ Некий Андрей Родионов был определен в Турку в октябре 1887 года. См. Курские епархиальные ведомости. № 21, 1887. — С. 1052.

⁸² Карпов П. Из глубины. С. 46. Карпов постоянно рассказывал о себе как о самоучке. См. Исповедь самоучки // Журнал журналов. № 1, 1916. — С. 18—19.

⁸³ Салтык Г. А. К биографии Пимена Карпова // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре: Сборник материалов межрегиональной научной конференции (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.) / Ред.-сост. А. И. Раздорский. — Рыльск: РАТКГА, 2012. — С. 258. Ссылаясь на архивы, Галина Александровна заявила, что Карпов обучался «грамоте самостоятельно, иногда ему помогал сельский псаломщик А. И. Рыболов. По некоторым данным, Карпов окончил школу грамоты в Рыльском уезде в 1899 г.». Это «бьется» с новыми данными: летом 1894 г. «учитель школы грамоты Алексей Рыболов определен, согласно прошению, исправляющим должность псаломщика в село Турки, Рыльского уезда». См. Курские епархиальные ведомости. № 29, 1894. — С. 515. Вполне возможно, что обучавший Карпова псаломщик Рыболов (через *o*) прежде работал в местной школе грамоты. Такие школы с 1884 г. были переподчинены епархиальным властям. Те требовали создания школы грамоты в каждом приходе, возлагая заботы по ее содержанию на предприимчивость приходского священника.

⁸⁴ Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Курской Епархии за 1890—191 учебные годы // Курские епархиальные ведомости. № 24, 1892. — С. 445. В качестве допущения можно предположить, что потом школу грамоты в Турке закрыли.

В воспоминаниях Карпов рисует старообрядческий облик своей бабушки: «Только на руках у бабки Вассы — четки: беспрестанно она крестилась, шептала божественное, жаловалась на плохое житье какому-то своему святому». Других специфических древлеправославных черт — долгих богослужений, наличия наставников и уставщиков, атрибутики вроде подручников, строгости нравов и т. п. — в воспоминаниях Карпова не присутствует. Напротив, корчма, водка, буйные танцы — крайне нетипичное поведение и быт для старообрядцев — больше намекают на вымысел либо на не-старообрядческое происхождение. В «Верхом на солнце» и «Из глубины» Карпов угодливо пролетаризирует⁸⁵ свою биографию и потешается над старообрядчеством, как, например, в сцене побоев тучного купца Корытникова. Если подобные сцены можно отнести к художественному вымыслу, то ряд других совпадений заставляет думать иначе. Карпов обмолвился, что после крестьянских волнений 1904 года он был обвинен в их подстрекательстве и спрятан в «Коренево (в соседстве — Благодатное). Воткнулся в артель сапожников, богомазов и... подпольщиков... Коренево — село у узловой железнодорожной станции. Старожилы — косники-одноворцы, хранители “древлего благочестия”, ремесленники, рабочие, шебаи-прасолы»⁸⁶.

Действительно, чуть ли не всей выделкой кос в Курской губернии заведовали старoverы, а Благодатное с окрестностями было сердцем местного раскола. Конечно, вряд ли Карпов с товарищами «громили там “духовидцев” (старь), начетчиков — за надувательство»⁸⁷. Ведь именно в Благодатное регулярно приезжали миссионеры для спора с древлеправославными наставниками. В частности, именно в Благодатном в 1908 году⁸⁸ состоялся знаменитый догматический спор между синодальным миссионером Ксенофонтом Крючковым и беспоповцем поморского согласия Львом Пичугиным. Что и кого мог «громить» в таком селе Карпов — непонятно. В любом случае Карпов приводит весьма точные подробности оборотной жизни Курской губернии — и рядом же очевидную выдумку, к которой, судя по всему, относится и самоприписанное «старообрядчество». Важно, что родственники писателя также отрицают старообрядчество Карпова.⁸⁹

А вот сектантом Карпов себя называл открыто: «Я ведь сам сектант. Весь род Карповых — сектанты»⁹⁰, «Так как я сам был немножко “хлыст-сектант”, о чем проговорился Блоку...»⁹¹ и т. п. Насколько это соответствует действительности — еще только предстоит выяснить. Сама по себе установка на сектантство повсеместно отыгрывалась интеллектуалами Серебряного

⁸⁵ Это Карпову не помогло. Он, хоть и избежал репрессий, с 1922 года практически не печатался. В пролетарской же критике имя Карпова порой использовалось как негативный троп (см. Клейнборт Л. М. Молодая Белоруссия: очерк современной белорусской литературы 1905—1928 гг. — Минск: Белорусское государственное издательство, 1928. — С. 392—393.). Не забывали похода ударить Карпова и напостовцы (Изгоев Б. Не тем засеяли // На посту. № 4, 1923. — С. 172). Отчасти положительные материалы стали выходить о Карпове лишь в позднесоветское время. См. Баскевич И. З. Курские вечера: Лит.-краевед. очерки и этюды. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1979. — 208 с.

⁸⁶ Карпов П. Верхом на солнце. С. 76.

⁸⁷ Там же. С. 79.

⁸⁸ Беседы со старообрядцами // Курские епархиальные ведомости. № 22, 1908. — С. 429—437.

⁸⁹ Внучатая племянница Карпова, Хмелева Марина Александровна, сообщает, что ее бабушка, Карпова Елена Александровна, бывшая замужем за братом Карпова, Филиппом Ивановичем, и знавшая остальных его родственников, какое-либо старообрядчество Карпова отрицает.

⁹⁰ Блок и П. И. Карпов // Александр Блок. Исследования и материалы. С. 261.

⁹¹ Там же. С. 276.

века⁹², апогеем чего стала фигура Распутина, которого повсеместно считали хлыстом⁹³.

Карпов «сектанализировал» себя с самой зари писательской карьеры, причем не оставлял этих попыток и в послевоенное советское время, когда даже в автобиографиях 1933 и 1956 годов, выправленных согласно революционно-рабочему канону, нет-нет да обмолвится про Тьмяного и Суцего, поклянется «рогами сатаны», вдруг вспомнит, что в Турке его считали «чернокнижником», или расскажет про попытку своего насильственного оскпления на Кавказе⁹⁴. К слову, у Карпова действительно есть одна характерная сектантская черта: он не имел детей, хотя под конец жизни сошелся с женщиной⁹⁵. Однако каких-либо достоверных сведений о непосредственном участии Пимена Карпова в сектантских «кораблях» допетербургского периода пока что не выявлено. Оказавшись в Петербурге, Карпов не только участвовал в деятельности Религиозно-философского общества⁹⁶ и «Башне» Вячеслава Иванова, но и посещал собрания неких «Божьих Работников», о чем можно узнать из письма к Андрею Белому: «...собрание Божьих Работников не состоится, так как заболел пророк. Сегодня я получил письмо от Нечаева, в котором он сообщает об этом мне»⁹⁷.

Что за «Божьи Работники» — до конца неясно. Федор Степун свидетельствует, что Белый бывал «на полулегальных собраниях толстовцев, штундистов, реформаторов православия и православных революционеров»⁹⁸, а сам Белый писал, что «имел беседы с хлыстами»⁹⁹. Хлысты именовали себя «Божьими людьми» и имели пророков, видимо, речь шла о какой-то хлыстовской группировке.

Само по себе это не новость: на собрания РФО захаживали самые разные личности. Петербургская интеллигенция сходила с ума по «крестьянской Еве» — хлыстовке Дарье Васильевне Смирновой. С ней виделись Иванов, Пришвин, Блок. В 1914-м она была обвинена в том, что запостила двух женщин до смерти, а также в свальном грехе. Михаил Пришвин вспоминал

⁹² См. исследование Александра Эткинда «Хлыст. Секты, литература и революция», М., НЛО, 1998. — С. 685. С этим исследованием (увлекательно неряшливым и ориенталистским) связана небезытересная инверсия. Эткинд попытался деконструировать предреволюционные настроения интеллектуалов Российской империи, показав их вовлеченность в сектантскую круговорот, что должно было пошатнуть традиционное политико-социалистическое толкование эпохи. На деле же книга Эткинда вызвала неподдельный восторг всего политического спектра, особенно его радикальной части. Замена сектантским политическое не только не подорвала политическое, но углубила и расширила его.

⁹³ Распутин хлыстом не был, но исповедовал некоторые близкие к хлыстам практики (не ел мяса, переживал снисхождение духа и т. п.). Корректнее было бы сказать, что Распутин — это не хлыст, а интеллигентский стереотип о хлысте.

⁹⁴ Карпов П. Из глубины. С. 131—132.

⁹⁵ Карпов сожительствовал с Ефросиньей Ивановной Дубининой, вдовой убитого в 1937-м писателя Дубинина. См. Шатохин Н. А. Указ. соч. С. 113.

⁹⁶ Секретарь петербургского РФО С. П. Каблуков в дневнике от 18 декабря 1909 г. записал: «Прочел сегодня ст. Пимена Карпова (автора "Красных зорь") "Неугасимый пламень", предположенную в Р.-ф. об-ве (Хр. Секции) в виде доклада "О религиозности русского народа". В ней немало любопытных фактов из жизни народа» (см. Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909-й // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН, № 31, 2012. — С. 298). В январе 1910-го карповский реферат в РФО был прочитан Д. В. Философовым.

⁹⁷ Поливанов К. М. Автобиография в прозе Пимена Карпова // «Вторая проза». Русская проза 20—30-х годов XX века / Сост. В. Вестстейн, Д. Рицци, Т. В. Цивьян. — Trento, 1995. — С. 261. Фамилия Нечаев, возможно, указывает на слепого художника Василия Ивановича Нечаева, посещавшего собрания РФО и писавшего стихи, стилистически близкие Карпову: «Мы жаждем солнца красоты. / Мы для мечты, для чуда страждем!»

⁹⁸ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. В 2-х томах. Т. 1. — М.: Берлин: Директ-Медиа, 2016. — С. 276.

⁹⁹ Белый А. Между двух революций. — М.: «Художественная литература», 1990. — С. 315.

о хлыстах: «Под влиянием их я целую зиму провертелся в Петербурге среди пророков и богородиц хлыстовщины»¹⁰⁰. «Пламень» выходил отнюдь не в отдалении от сектантства, а в близости с ним, и в посещении Карповым каких-то околоспетербургских «кораблей» не было чего-то специфического, «пламенного» или «сатанайского».

То есть, как и в случае носителя крестьянской истины, которую Карпов хотел обнародовать интеллигенции, в своем сектантстве Карпов сам поддается под ожидания интеллигенции того времени. Карпов не изменяет такому подходу и в третьей своей компоненте — модернизме.

Писателя сразу же заклеймили неудачливым модернистом, начитавшимся более успешных коллег — от Пшибышевского до Ремизова. Особенно отмечалось подражание «Навним чарам» Сологуба и «Серебряному голубю» Белого. О «Пламени» даже вышла большая насмешливая статья, в которой предполагалось, что модернизм оказал влияние не на мысль Карпова, а на его половое чувство¹⁰¹. Обвинения не беспочвенны: Карпов усиленно читал модернистскую литературу, моделям которой подражал как в жизни, так и в письме. Ряд карповских заимствований уже разобрал¹⁰², и к ним можно добавить еще менее очевидные. Например, в «Антихристе» Валентина Свенцицкого (1907) рассказчик исповедуется: «Но мысль, что другие думают то же, что и я, и не только думают, но и поступают так, заставляет меня буквально плакать от злобы. Я ревную всех женщин: и знакомых, и незнакомых. Я хотел бы, чтобы мне одному принадлежало право грешить и наслаждаться женщинами». Это же в «Пламени» гложет Сатану-Гедеонова: он тотальный поглотитель, хочет замкнуть грех на себе, потому добивается всякой девственности и даже собственной дочери. Гедеонову невыносима сама мысль, что природа «всем доступна». Генерал бы и готов наслаждаться красотой «цветов, зорь, солнца», но она «тотчас же и подымала на огненных копьях зависти и ревности. Ибо не одному ему на свете была дана...». Два сильнейших разочарования для Гедеонова — то, что его невеста не оказалась девой, и то, что собственная дочь полюбила Крутогорова. Карпов доводит наблюдение Свенцицкого до пика. Идея Феофана о достижении Града через предельный грех также выражена у Свенцицкого: «Может быть, путь греха, которым иду я, приводит к Добру только тогда, когда путь этот проходит до конца. Может быть, для моего спасения, для “святости” нужно, чтобы я сделал самое греховное, что только есть, и тогда наконец в ужасе от греха своего я отвернусь, и глазам моим представится Божественная гармония».

Даже именование карповских «пламенников» уже звучало в неопубликованной рукописи «Пламенники» Зиновьевой-Аннибал, жены Вячеслава Иванова. Это был текст, от которого шарахались все, от Батюшкова до Гиппиус, и который Иванов пытался безуспешно пристроить. Вполне возможно, что, тоскуя о потерянной жене, Иванов упоминал о ее «Пламенниках» в ходе собраний на «Башне», которые с рубежа 1909—1910 годов посещал Карпов как раз в пору переработки «Князя тьмы»¹⁰³. Также слово «пламенник»

¹⁰⁰ Пришвин М. М. Дневники 1920—1922. — М.: Московский рабочий, 1995. — С. 158.

¹⁰¹ Лубок символизма или модернистский кумач // Вестник знания. № 12, декабрь 1913. — С. 1168.

¹⁰² Поливанов К. М. Автобиография в прозе Пимена Карпова. С. 264—265.

¹⁰³ Карпов переписывал «Пламень» еще осенью 1912-го. «Не могу оторваться от работы — переписываю вещь, — ни одной свободной минуты нет...» — писал Карпов в письме Аркадию Руманову. См. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 2.

звучало во множестве стихотворений и гимнов Иванова. Примечательно, что в конце 1910 года Иванов дал Карпову весьма резкую характеристику: «Вы для меня, если хотите, кроме личности, еще и социологический тип, но не больше выразитель народа, чем Ваш покорнейший слуга»¹⁰⁴.

Здесь-то Карпов и начинает не ускользать даже, а заваливаться в какую-то щель. Были писатели тайные и потому культовые, неизвестные и потому желанные, но не при таких же неряшливых вводных: посредственных способностях, зависти и литературной нечистоплотности. Казалось бы, из всего вышеперечисленного следует вывод, что Карпов писатель третьестепенный: своими откровениями о сектантах он больше напоминает рескрипт МВД середины XIX века; говорит исключительно от имени «народа», «русских», «крестьянства», тем самым стыдливо прикрываясь от критики; даже в символистском письме он лубочный такой эпигон. Умом понимаешь, что здесь пошлость, эпатаж, мелодраматичность и эротизм, что Карпов слабый подражатель, что от него за версту разит нудным, обиженным на всех неудачником. Но вместе с тем не отделаться от ощущения, что есть здесь что-то еще. Непонятное. Неизбывное. Скрытое какое-то притяжение, незримая масса, которая влечет, как к центру земли.

Например, набившее оскомину сравнение «Пламени» с «Серебряным голубем» Белого. «Пламень» не столько подражал ему, сколько возражал. У Белого секта голубей губит забредшего в нее городского интеллигента Дарьяльского, тогда как в «Пламени» секты по итогу уничтожают город, несущий зло крестьянскому миру. Белый не верит ни в истину, находящуюся у народа, ни в народных пророков, ни в какой-либо союз между сектанством и интеллигенцией — Дарьяльского убивают, когда он, сбросив морок, пытается покинуть секту. Карпов же говорит прямо: темная народная гуща знает великую тайну и городу мы ее не выдадим. Белый в романе все еще болезненно полемизирует то с Мережковским, то с Блоком и, конечно же, с его женой¹⁰⁵, а Карпов манифестирует свои антиинтеллигентские взгляды из «Говора зорь», вышедшего тогда же, что и «Серебряный голубь». В один и тот же год сошлись предупреждение Белого и призыв Карпова, сходные разве что в политико-религиозном экстазе.

Но почему при объективном художественном превосходстве «Серебряного голубя» его сегодня не то что не ставят на самодельные алтари, но даже толком не обсуждают, тогда как «роман» Карпова в прямом смысле культовый? Потому что у Белого один модернизм, только знание, лишь талант. Своим романом Белый пытался выпутаться из символистских игр, тогда как Карпов попытался выразить потаенное.

Это видно по языку. «Роман» Карпова как земля¹⁰⁶ написан: сам писатель утверждал, что писал «Пламень» «плотничьим карандашом в поле на лемехе плуга»¹⁰⁷. Карпов плотно засеивает текст окказионализмами: «красносмертник», «ясновзорный», «ключеструи», «сребропennyй», «солнцевед», «костоглот», «крутосклон», «солнцебог». Благодаря скрещиваниям

¹⁰⁴ Блок и П. И. Карпов // Александр Блок. Исследования и материалы. С. 241.

¹⁰⁵ Белый А. Между двух революций. С. 323—324.

¹⁰⁶ Примечательно, что роман «Пламень» распространялся со склада издания «Земля», о чем гласит целый ряд рекламных объявлений. См. Сатирикон, № 41, 11 октября 1913.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 3 об.

«темь-жуть», «огни-зовы», «кровушка-матушка», «сон-дух» получается такая обработанная фольклорность, напевность городского представления о деревне. Карповское слово кружит, из радения не дают выйти повторы: «диким стонал свирепым стоном», «суд огнем над судами», «наклоненное лицо кровожадной улыбалось улыбкой», «бредил ночным лунным бредом сад...». Это лубок, сгущенный до «шелохливой мглы», картинка с выставки, на которой рядом с жар-птицей изображены красносмертники, пламенники и злыдота. Карпову ставят в вину именно эту базарность. Как скотину поят перед продажей, так и Карпов раздул свой «Пламень» декадентским томлением, бульварным эротизмом и псевдонародными причитаниями. Достаточно сказать, что в небольшом «романе» слово «бездна» повторяется сорок один раз, из которых двенадцать раз о бездне говорится как о «синей»¹⁰⁸. Весь «Пламень» соткан из однообразных лоскутков, схожих сцен, одинакового привоя, и это та экстагическая ритмика, которая уносит в измененное состояние сознания. Каким-то непонятным образом восклицания вроде: «О, бездны без предела! О, горний свет!» — выводят в ослепительное зазвездье. Переборщив с пытками, насилиями, окказионализмами, сектами и политическими идеями, Карпов ненароком вышел в экстремум, на пик всего — некоего русского потаенного.

Так, в «Пламени» крайне мало именно «сатанинских» деталей. Единственная подробная с ними сцена — это сатанаильская литургия на Чистый четверг, где стены «с черепами», и «топленные из человеческого жира свечи», и прочий необходимый реквизит. Это не «Огненный ангел» Брюсова (1908), где, с одной стороны, сходный символистский треугольник, что и в «Голубе» (Брюсов — Петровская — Белый), с другой — подчеркнутая Европа, XVI век, латынь и демонология. У Карпова ничего такого нет. Помещик Гедеонов лишь «улетал с ведьмами на тысячелетний дуб», где без подробностей куролесил. Карпов увязывает волшебство с тайным полесовым знанием, шабаш — с радением, а взыскание Солнца Града — с политикой. Это было не европейское, а русское, не католическое, а сектантское, не отвлеченное, а политическое. Как точно заметила литературовед Наталья Солнцева: «Опыты магии, полеты на шабаш, демонология — все это никоим образом не касалось ни христианского социализма, ни русского сектантства, ни проблем разрыва интеллигенции и народа»¹⁰⁹. Карпов взял русское сектантство и попытался радикально сократить им все расстояния. Вот почему «Пламень» еще и политический текст.

В нем Сатана-Гедеонов — это «железное кольцо государства», само подавление во плоти, город, источник всех пороков, техницизм, будущий тоталитаризм XX века. Сатанаилы — крайне правые, власть, у которой на привязи националисты-черносотенцы в лице чернеца Вячеслава¹¹⁰. Крас-

¹⁰⁸ Подсчитано по изданию 1913 г.

¹⁰⁹ Солнцева Н. М. Китежский павлин. Филологическая проза: Документы. Факты. Версии. М.: Скифы, 1992. — С. 98.

¹¹⁰ Что не мешало Карпову исповедовать гремучую смесь националистических, антиеврейских и социалистических убеждений, при этом включая в тот же «Пламень» патриотическую агитку за войну с Японией. Когда в печати Карпова открыто назвали черносотенцем — он очень этому удивился. На этот счет Карпову приходилось оправдываться и до «Пламени»: «не подумайте, что я имел когда-либо какое бы то ни было отношение к правым», — заверял писатель в письме к Аркадию Руманову. См. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 2 об. Карпов так хотел войти в мир столичной литературы, что, не разобравшись, сунулся сразу ко всем и собрал такие же всеобщие упреки.

носмертники громады Андрона — лесной «пролетариат», развращенный желанием убивать богатых и жечь их дома. Интересно, что Андрон — родной брат Вячеслава, а Вячеслав, в свою очередь, сын Гедеонова, то есть генеалогически левое и правое — от Сатаны, их спор пуст, тогда как правда за пламенниками — пантеистской крестьянской массой, и отчасти злыдотой — «анархистами» души, полей и оврагов.

Каждый из карповских толков ведет свое повествование о переустройстве мира. Особняком стоит помещик Гедеонов, очудовищенный настолько, что не может насытиться злом. «Надо найти то, что за Сущим... Или создать», — шепчет Гедеонов и мечтает утешиться погасшим солнцем. Гедеонов крут даже для сатанаилов, которые хотят установления власти дьявола, Тьмяного, а вместе с ним и русского владычества. Тьмяный хоть и имеет зримое воплощение, но аллегорически — это деньги, собственность, капитал, власть как таковая, тьма, черная туча, расплзающаяся над всем миром. Злыдота алчет преодоления Сущего, который, по их мысли, лют, ревнив, это злой Творец несправедливого мира. А раз мир в корне неверен, в нем можно творить что угодно, в том нет греха, а только его преодоление. «Верьте всему и всем!» — вопит злыдотник Феофан, и вряд ли когда на Земле был призыв страшнее. Красносмертники готовятся к тотальному переделу. Последователи Андрона видят выход в самой насильи, ожесточенном настолько, что оно воссияет новой путеводной звездой. Относительно положительны лишь пламенники, принявшие огненный венец самосожжения. Но светлы пламенники лишь на фоне других. «Кровь, убийство, ненависть — вот что зажигает души любовью!.. Без ненависти не было б любви!» — объявляет Крутогоров свою программу, из которой ясно, что светлого в ней — только направление ненависти.

Помимо четырех крупных толков в «Пламени» существуют и пограничные типы — например, «делегаты» духинь, лесовиков и скопцов, — зачастую выступающие связными между согласиями. Сатанаилы пытаются заключить договор с красносмертниками, злыдота сочетается с пламенниками, которые подозрительно настроены к красносмертникам и враждуют с сатанаилами. В конце «романа» противоречия снимает Христос: спускаясь в огненный сруб, он, не деля паству на пламенников и сатанаилов, вводит «отверженных в голубоалый предвечный Град». Сюжетные и сектантские отношения в «Пламени» настолько запутанны, что напоминают грибницу, простирающуюся нитями в земле.

Земля в «Пламени» выступает политическим телом. Во-первых, его нужно добыть («Теперь земля наша! На чернозем!.. В леса!.. К солнцу!..» — кричит вождь пламенников Крутогоров; «Земля — и все тут!..» — уперлись крестьяне). Во-вторых, земля является источником создания чрезвычайной ситуации, то есть, собственно, источником политического. «Земля — это магический круг для мужицкой души, песня его затаенная, светлый град, царствие божие», — писал Карпов в одном из своих рассказов¹¹¹. Народный бунт в «Пламени» вызван движением недр, когда «гул земли» призывает взяться за топор. Критик Клейнборт заметил: «Пимен же Карпов исхо-

¹¹¹ Карпов П. Трубный голос. Рассказы. — М., Госиздат, 1920. — С. 3.

дит в своей ненависти всецело из интересов земли. <...> Первого октября Карпову мало: он исходил из города. Ему нужен второй октябрь, — мужицкий, — который, не дав пощады городу, уничтожил бы интеллигенцию начисто»¹¹². Карпов поэтически оживляет землю, чтобы та, в свою очередь, оживила крестьянство, источник силы которого в почве, внутри древних родящихся пластов. В-третьих, земля сообщает народу движение посредством поэзии, выраженной не только в стихотворных вставках, но в самом характере текста. В нем вечно что-то качается, что-то шумит, явствует природа. Политический проект Карпова все еще модернистский, но иначе модернистский — не парламентский, не лево-революционный, не реакционный, не европейский, а сектантский, пророческий, черноземный: «Ибо на свой “Пламень” я смотрю не как на беллетристику, а как на голос из иного мира, как на русскую крестьянскую Библию, где сходятся все начала и концы и где из тьмы мук и небытия вырастает Светлый Град»¹¹³. Отдаленно напоминает разве что консервативную революцию, которая тоже собиралась бороться власть техницизма чем-то теллурическим, поэтическим возвращением земли. Только у Карпова все куда проще: «Ахали и гудели машины, дрожала поруганная земля...»¹¹⁴ — и потому ближе к истине.

Непосредственно осуществляют политическое крестьянские секты. В них без труда просматривается мифологизация народной христовщины с такими ее характерными чертами, как обожествление пророка, экстазм, стремление к обожению человека, эзотеричность, подчеркнутая дуальность. Из-за этого набора «домашнего религиоведа» Карпова неоднократно записывали в продолжатели «гностическо-богомильской» традиции¹¹⁵.

¹¹² Клейнборт Л. М. Очерки народной литературы (1880—1923 гг.): Беллетристика: Факты, наблюдения, характеристики. — Л., 1924. — С. 78—80.

¹¹³ Блок и П. И. Карпов // Александр Блок. Исследования и материалы. С. 260.

¹¹⁴ Во второй редакции «Пламени» политическое прорезано совсем уж явно: слово «пролетариат» в версии 1913 г. не упоминается ни разу, тогда как в редакции 1924 г. красносмертник Андрон называет себя «пролетаристом»: «Конец вашему свету!». Мир весь — наш, трудящиеся которые, пролетаристы». Спор Андрона с братом Вячеславом идет между левым и правым, мировым социализмом и национальным, либо, что точнее, своеобразным тьмяно-социализмом, даже национальным социализмом, который проповедует чернец Вячеслав: «Одному Тьмяному все служим... Сообща всем миром владеть будем... Только — через русского бога — Тьмяного... Нет бога, равного ему!.. Скоро весь мир уверует в него! Планета будет наша!.. <...> Хо-хо!.. Шар земной весь будет — одна сплошная держава!.. А во главе — русские...» См. Карпов П. Пламень. Русский ковчег. Из глубины. С. 134.

¹¹⁵ См. Дугин А. Г. Тамплиеры пролетариата: Национал-большевизм и инициация. — М.: Арктогея, 1997. — 326 с. Александр Дугин стал первым, кто популярно проинтерпретировал «Пламень» в гностическом духе, что заложило тенденциозную линию карповедения вплоть до кандидатских диссертаций, см. Ланге Е. В. Творчество П. Карпова в контексте литературно-эстетических и религиозно-философских исканий XX века: дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01. — Череповец, 2005. — 159 с. Диссертация переполнена бездоказательными утверждениями, примитивным религиоведением и традиционалистской эпистемологией, на что накладывается отсутствие хотя бы малейшего текстологического анализа: например, карповская вставка-агитка о войне с Японией трактуется автором на метафизическом уровне, как «переживание некой духовной оккупации», хотя достаточно открыть первую редакцию «Пламени», чтобы прочитать: «Кошунственно подняв знамя Восходящего Солнца, пытал тать Русь, сожигая сынов ее отравленным свинцом», откуда Карпов позднее исключил «подняв знамя Восходящего Солнца». Тем самым Карпов не намекал на какой-то плен, а пытался сбавить неуместный для советских реалий националистический тон. Рассматривая название села Знаменского, где происходит основное действие «романа», Е. Ланге трактует выбор Знаменского «как знак, “знамение”, как чудесное нарушение природного закона и возможность выхода в мир законов иных — мир Инобытия». Инобытие инобытием, но Карпов всего лишь перенес в «Пламень» родной Знаменский храм С. Турка. Подобных примеров в диссертации десятки, вплоть до голословных утверждений, что «“Пламень” переиздавался в 1924 году», хотя в марте 1924 года Карпов лишь закончил пролетаризированную версию «романа», который и в таком виде не мог быть издан. То есть даже на серьезном кандидатском уровне имя Карпова и его наследие связано с колоссальным количеством неточностей, домыслов и мистификаций.

Сама постановка вопроса означает последовательную передачу между II—III веками н. э. и XVII столетием некоего тайного гностического знания, о чем нет никаких достоверных данных. Поэтому корректнее было бы говорить не о «гностической традиции», подыскивая этому сомнительные текстологические подтверждения, а о схожей симптоматической реакции на христианство, о характере народного религиозного мышления и порождаемых им ответов. Если сводить «Пламень» к манихейско-богомильскому наследию, тогда у Карпова не получилось сказать чего-то важного, заслуживающего внимания и анализа, ибо все прозвучавшее оказывается частью популярного в конце XIX века заблуждения. Но если допустить, что гностические черты универсальны и могут вневременно проявляться в ходе рецепции христианства, тогда Карпов смог выразить что-то эпохальное. Поэтому и специфические идеи Гедеонова, и карповская¹¹⁶ разница между Богом Отцом и Сущим, неудача первоначальной миссии Христа в «Пламени», несовершенство тварного мира и пр. являются не тайной традицией гностицизма, а типическими народными ответами на типические еще с начала христианской эры вопросы, что на самом деле куда более удивительно, нежели существование тайной гностической организации.

Сама же христовщина является предельно самобытным явлением отечественной истории: «Дело в том, что историко-культурное значение богомильства и, в частности, его влияние на русскую религиозную культуру очень часто преувеличивались отечественной наукой второй половины XIX и начала XX в. В действительности мы не располагаем никакими данными о сколько-нибудь существенном развитии этого религиозного движения в Древней Руси и уж тем более о сохранении гипотетического “богомильского учения” вплоть до XVII в. <...> Все эти маловероятные и бездоказательные рассуждения связаны с одной и той же проблемой: их авторы никак не могли представить себе, что христовщина зародилась на русской почве и исходит из традиционных религиозных практик русских крестьян и горожан XVII в.»¹¹⁷.

Именно в сектах, в их переплетенных гифах слилось в «Пламени» классовое и этническое, религиозное и политическое, эрос невозможного и пролетарский огонь. Был бы иной, без соцреализма век, «Пламень» разгорелся бы целым жанром. Пимен Карпов первым свил корни тайной злобной России и, в отличие от поздней плеяды Мамлеева — Сорокина — Масодова — Елизарова, сделал это без заимствований, с опорой на уникальный опыт хлыстовства. Это был, разумеется, модернизм, но модернизм, работающий от земли, от специфического русского опыта, здешних вечных проблем, мифов и бед. Произошла своеобразная кража модернизма, разбой на большой дороге. Карпов поставил его на службу своим политико-религиозным воззрениям: напроорочествовал скорую войну, небывалый передел и грядущую власть земли. Он одержимо заклинал о справедливом ужасе. Как писал Иванов-Разумник: «Крестьянские поэты были подлинными эсхатологами, не кабинетными, а земляными, глубинными, народными»¹¹⁸.

¹¹⁶ Хотя «Пламень» лишен специфических гностических терминов типа «плеромы», в публицистике Карпова встречаются подобные выражения: «Мой совет: талантливым писателям сделаться пророками, *теургами*, даже святыми...» См. О том, о сем // Весна. № 23, 1911. — С. 14.

¹¹⁷ Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. — М.: ОГИ, 2002. — С. 104—105.

¹¹⁸ Иванов-Разумник Р. В. Две России // Скифы. № 2, 1918. — С. 228.

Хотя интереснее сравнить Карпова не с крестьянскими поэтами, а продолжить к совсем иному и неожиданному — к разрушительности графа Лотреамона (1846—1870), с которым у Карпова, вопреки усмешке, немало общего. Это не столько обвинения в сумасшествии, забывтость и позднее признание, сколько структурная схожесть. Лотреамон вывернул романтизм наизнанку, чем его и «закрыл»: используя клише, он пронзил романтизм и его литературность, создав кошмар наяву. Юный Лотреамон нанес свой удар из книг, из чистого умозрения, воспользовался пародией и подражанием, то есть взял тем, что обычно называют «вторичностью». Это настолько плотное цитирование и подразумевание, что оно разломало романтический канон, и в дырах его вдруг проглянуло то, что страшит человечество еще с самых пещер.

Удивительно, но Пимен Карпов, слабый художник из крестьян, несравненно меньше начитанный, проделал нечто очень похожее.

Он так же подражал беллетризованным образцам символистской и декадентской литературы, то есть наследию романтизма. Это видно как в темах богоборчества, бунтарства, воспевании народа и природы, так и в эстетизации колдовского, ведь демонизм — типичное порождение романтизма. Карпов играл с ним, но без изощренного ума Лотреамона, а вполне меркантильно, с расчетом на быструю славу. Тем не менее результат оказался тот же: густой повторяющийся текст Карпова, сплошь состоящий из клише, случайно разжилил и разъял модернистский канон. И в дырах этих опять что-то проглянуло. Только на сей раз русское, потаенное.

Второе важное отличие в том, что писания Лотреамона сугубо культурные, книжные — составивший их молодой человек, видимо, не претендовал на выход в политическое. Тогда как весь Карпов — это маниакальное желание казнить реальность, обратить ее в политическую черноземную утопию — сверхрадикальный сектантский проект. Он был куда смелее случившегося вскоре коммунистического эксперимента, который быстро откатился до нормативных моделей половых отношений, семьи и быта.

Наследие Пимена Карпова не исчерпывается «романом» о хлеборобах, но именно он задает тон к прочтению всего остального. Остаться прежним не получается. После горения в «Пламени» задаешься очень уж странными вопросами. О том, как правильно — злыдота или злыдота? Кто такие ехи, и будут ли от них отличаться ехи? Случайно ли, что уже в современном сетевом русском возникло слово *нех*? Как это — сокотать? Какова иерархия костоголовов, человекодавов, выжиг, солнцеvedов, побирайл, подхалюз, хрипачей, шептуних, светодавцев, гадоты и печальников? Как лучше всего принять тяготу? Стоит ли осуществлять преступное? Как давно у власти в России находят сатанаилы? Это очень важные вопросы, от которых нельзя отмахнуться. К сожалению, современные поклонники Карпова чаще всего прочитывают его через оксиденталистскую линзу оккультизма. В этом-то и проблема: козлиный череп, голая титька, готический собор. А нужен всепобеждающий русский ех.

И тут, как кажется, важно не совершить следующую ошибку.

Даже в богатой на умы Франции графа Лотреамона оценили лишь спустя полвека, уже сюрреалисты. В России, по понятным причинам, впитать и

продолжить Карпова было некому. Но и появление заинтересованных лиц не означало появления преемственности, долгого вдумчивого делания. Карпов попал на перелом и вытек, как костный мозг. Поэтому велик соблазн заявить, что определенное восприятие Карпова (почвенническое, земляческое, гностическое, оккультное) неверно, а правильно понимать Карпова совсем иначе. В таком случае можно было бы постановить, что Пимен Карпов является пророком потаенного, голосом доселе незвучащего и скрытого. Такие попытки также были предприняты, и их также следует признать не претендующими на истину.

Напротив, окончательное проявление Карпова невозможно, как невозможно полностью выяснить значение темного, подземного, скрытого и молчащего. Тайна всегда остается в зазоре между подразумеваемым и высказанным, между словом и действием. Подвергаясь акту высказывания, смысл неизбежно утрачивает часть себя, теряется, возвращается назад в ничто. Само желание высказаться означает фатальную невозможность истинного сообщения. Слово не способно полностью передать то, что стоит за ним. Это понимал Карпов, сомневавшийся в правоте истины, или, иными словами, в том, способно ли молчащее и скрытое в полной мере осуществиться.

«Истина или вечность?» — так называется одна из глав «Пламени».

Поэтому в волгом карповском «романе» суглобые бродят люди и солнце взбирается на перевал. Это круги вокруг одного и того же. Это вообще одно и то же, несколько закольцованных предложений. «Роман» путается, повторяется, обессиливает себя и читателя, но в этом радении приближается к максимальному высказыванию, к озвучиванию молчания. Оно становится возможным не в акте, а в долгой судорожной подготовке к нему. Вдвойне ценней, что Карпов поступил так не осознанно, а из-за неумения, не-таланта. «Пламень» оказался убережен как от мастеровитой руки в духе Белого, так и от намеренной попытки эту руку скрыть. Все получилось вопреки, случайно, как при самом гениальном открытии. Умышленно так было не написать. «Пламень» подобрался к скрытому, насколько это вообще возможно. Ближе просто некуда. Ближе — само пламя, которое сожжет, уничтожит. А «Пламень» выдерживает минимально необходимое расстояние. Застит дым, слезятся глаза, но идет тепло, и виден огонь.

Пусть греется вокруг него всякая еха и любой приключ.

В конце концов, дух живет где хочет.

АВТОРЫ НОМЕРА

Витченко Евгений родился в 1983 г. в Караганде. Окончил факультет истории и политических наук Тюменского государственного университета. Публиковался в журналах «Новая Юность», «Нева», «Нижний Новгород», «Сибирские огни». Живет в Тюмени.

Волков Сергей Вадимович родился в 1972 г. в Ленинграде. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева» и др. Автор книг стихов «На улице Бурцева» и «Дорога к февралю». Член Союза российских писателей. Живет в Санкт-Петербурге.

Глембоцкая Яна Олеговна — кандидат филологических наук, завкафедрой истории театра, литературы и музыки Новосибирского государственного театрального института, проректор НГТИ, член СТД, постоянный автор «Петербургского театрального журнала» и журнала «Около», публикует в научных изданиях статьи по теории и истории литературы, русской и зарубежной. Живет в Новосибирске.

Злобин Володя родился в 1990 г. в Новосибирске. Трудится разнорабочим. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2017). Живет в Новосибирске.

Зябрев Анатолий Ефимович (1926—2021) родился в поселке Никольск Новосибирской области. Работал строителем, журналистом, был собственным корреспондентом журнала «Сельская новь» по Восточной Сибири. Прозаик, публицист. Автор ряда прозаических и очерковых книг. В последние годы жил в Красноярске.

Кекова Светлана Васильевна родилась в 1951 г. на Сахалине. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Доктор филологических наук. Автор более десяти книг стихотворений, литературоведческих книг и статей, посвященных творчеству Н. Заболоцкого, А. Тарковского, В. Ходасевича, В. Набокова, Ф. Достоевского, философов Ф. Степуна и С. Франка, поэтов-обэриутов и др. Стихи Кековой переведены на все европейские языки. Лауреат многих литературных премий. Член Союза российских писателей. Живет в Саратове.

Копнинов Валерий Павлович родился в 1963 г. в Барнауле. Окончил Алтайский институт культуры и ГИТИС. Автор книги

рассказов «Сукины дети». Публиковался в журналах «Север», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Работает режиссером телевидения. Член Союза театральных деятелей РФ. Живет в Барнауле.

Митрофанова Алина Валерьевна родилась в Тихвине в 1992 г. Детство и школьные годы провела в близлежащем городе Пикалево. Окончила Санкт-Петербургский институт культуры. По образованию библиотечкарь. Пишет стихи и прозу. Член Санкт-Петербургского союза литераторов. Публиковалась в журналах «Нева», «Невский альманах», «Окно», «Балтика». Автор книги стихов. Живет в Санкт-Петербурге.

Проталин Борис Евстафьевич родился в 1950 г. в с. Прохоркино Александровского района Томской области. Окончил Новосибирское театральное училище и Высшую профсоюзную школу культуры при ВЦСПС. Собиратель фольклора. Редактор отдела организационно-методической деятельности Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии. Публиковался в журналах «Сибирская горница», «Новосибирск», «Сибирские огни». Автор повести «Бабушка» (2012), книги «Кума, Макрина и Пудей. Сибирские побасенки» (2017). Член Союза российских писателей. Живет в Новосибирске.

Сапрыкина Татьяна Валентиновна родилась в 1970 г. в Новосибирске. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Публиковалась в журналах «Полдень. XXI век», «День и ночь», «Сибирские огни» и др. Автор сборника сказок для детей «Читалка». Лауреат премии им. Н. Самохина (2018). Живет в Новосибирске.

Стеценко Игорь и Евгений родились в Москве, Игорь — в 1986 г., Евгений — в 1990-м. Окончили Московский государственный технический университет СТАНКИН: Игорь — факультет экономики и менеджмента, Евгений — факультет информационных технологий. В настоящее время Игорь работает экономистом на промышленном предприятии, Евгений — аналитиком в сфере ИТ. Публиковались под общим псевдонимом в журнале «Урал». Проживают в Москве.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 12.08.2021. Дата выхода № 9 за 2021 г. в свет 18.09.2021.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.